

YBS

История болезни коня-учёного

(Версия 2.1)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

YBS

История болезни коня-ученого

«ЛитРес: Самиздат»

2021

YBS

История болезни коня-ученого / YBS — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

История жизни, начавшейся прямо на матче ЦСКА - Динамо летом 1950 года, продлившаяся всеми перипетиями жизни советского мальчика, юноши, мужчины, ставшего, в конце концов исследователем-физиологом. Дальневосточные, северные и европейские экспедиции и командировки со всеми их удовольствиями, несчастьями и приключениями перемежались путешествиями по родной стране и Европе и, важнейший компонент жизни, футболом, хоккеем и другими видами спорта в исполнении любимой команды ЦСКА. Повествование доведено до момента величайшего триумфа футбольной команды - победы в Кубке УЕФА в мае 2005 года. В книгу также включено несколько текстов о ЦСКА, не связанных с конкретным временным периодом, а также две хулиганские сказочки - "С легким хреном" и "Баррикадный". Содержит нецензурную брань.

© YBS, 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Предисловие. Черный лебедь	5
Жеребенок	6
Самое начало	6
По краешку	9
Гибель богов	13
Первый шаг в самостоятельность	21
Наш Динамо-стадион	27
А я и сам болельщик...	31
Год великого перелома	36
И уверенность в победе...	41
«Враги» и «друзья»	43
Открыт закрытый «порт пяти морей»	47
Лужники	50
Серые мундиры	55
Футбольное чтиво	60
Новые времена	66
Рождение столпов	73
Впервые за бугром	81
Снова дома	88
Шаг вперед – два назад	96
Волны рекрутов	97
Новая любовь	99
Красная площадь-65	101
Конь	105
Последний приступ детства	105
Первый – мира	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

YBS

История болезни коня-ученого

Предисловие. Черный лебедь

Посвящается моей семье

*Да, уходит наше поколение, – рудиментом в нынешних мирах.
Словно полужёсткие крепления или радиолы во дворах*

Ю.Визбор

Однажды мы возвращались целой компанией с матча ЦСКА на старом стадионе «Динамо». Шли через Петровский парк и оказались на Нарышкинской аллее. Здесь, в бывшей вилле Рябушинских «Черный лебедь», прошло мое детство. В начале 50-х там располагалось основанное профессором Рамзиным Бюро прямоточного котлостроения – БПК, где работал мой отец.

Я тогда сказал своим спутникам об этом и добавил, что вот тут, в ныне восстановленной церкви, был вещевой склад Академии Жуковского, у нас за забором – их музкоманда, посреди аллеи стояла водоразборная колонка, а за ней – барак, в котором жил мой одноклассник Ванька. Один из нашей компании, что помоложе, с нескрываемым удивлением воскликнул: Как – барак?! И я понял, что некоторые реалии Москвы моего детства просто неведомы и даже непредставимы многим из тех, с кем рядом я сижу на трибуне и хором ору «Гол!».

Взявшись с подначки товарища за редактирование вышедшей в 2004 году книжки «Мы идем на ЦДСА. История болезни коня-ученого», я решил сделать поправку на время, и кое-что объяснить. Да и скучно показалось просто перелицевать старый текст, лишь исправив в нем опечатки и ошибки памяти. Жизнь идет к закату, уходит в прошлое эпоха, и захотелось ее как-то по-своему запечатлеть, тем более, что по прочтении собственного текста она оказалось наполненной удивительными и маловероятными событиями, совпадениями, а то и чудесами.

Переиздание в виде электронной версии этой книги, вышедшей в печатном варианте в конце 2019 год, позволяет мне кое-что в ней поправить, добавить иллюстрации и написанный недавно текст. Как и в печатном издании сугубо футбольный текст выделен курсивом.

Жеребенок

Самое начало

Футбол вошел в мою жизнь еще до моего физического рождения. Мой папа ¹, заядлый болельщик «Спартака», собрался на матч ЦДКА – «Зенит»... Тогда на ЦДКА хотели попасть все, независимо от клубных пристрастий, так хороша была эта команда, трижды перед тем бравшая первенство Союза. Она и в том 1950-м снова стала чемпионом после годичного перерыва. С великими трудами папа добыл билеты на аристократическую Северную трибуну для себя, своего отца, жены и друга.

Мой отец, каким он был, когда я родился. Семейный архив

Моей будущей маме предстояло вот-вот рожать, она должна была уехать к своим родителям в Киев, но в тот день, на прощание, собралась на стадион вместе с вернувшимся из очередной командировки мужем. Неожиданно в Москве появилась мамина подруга по армии инженер-лейтенант Кира Сухорукова, которая служила на Дальнем Востоке и в отпуске с мужем заглянула к своей бывшей командирше отделения. Два билета отдала гостям, а отцу пришлось раздобывать другие, но они оставались уже только на демократическую Восточную трибуну. Это были блаженно-легендарные времена, когда на Динамо чуть ли не каждом матче было битком, а потому мои папа и мама на этом матче оказались разлучены...

¹ Борис Исаакович Шмуклер (1921–2001) – специалист в области пуска и наладки котлоагрегатов тепловых станций, создатель школы наладчиков на Подольском заводе им. Орджоникидзе и во Всероссийском теплотехническом институте. Кандидат технических наук, автор множества научных работ и изобретений, в том числе т. н. «схемы Шмуклера». Лауреат премии Правительства Российской Федерации (2001 г., посмертно).

Итак, 3 июня 1950 года вся компания из комнатки моих будущих родителей на Нарьшинской аллее отправилась через Петровский парк на стадион «Динамо». ЦДКА вышел на этот важнейший в моей жизни матч в составе: вратарь Чанов, беки Крушенок, Баиашкин и Нырков, хавы Водягин и Родин, и форварды Гринин (к), Николаев, Соловьев, Чайчук, Демин.

Армейцы, вообще-то, были намного сильнее, но в тот раз питерский кипер Леонид Иванов творил чудеса, и матч закончился всухую, и, говорят, армейские форварды даже ему букет цветов подарили. На трибунах стадиона, рассчитанного на 54 000 зрителей, разместилось 70 000², а у меня, видимо, задатки болельщика были уже тогда, и от переживаний я сильно размахивал руками и топал ногами, так что за 15 минут до конца матча мой дед со стадиона повел сноху напрямик в роддом на Лесную. Это был чуть ли не единственный случай в жизни, когда мне пришлось уйти с матча ЦСКА до его окончания. Родился я в начале второго ночи уже 4-го. Жизнь, которая началась таким оригинальным образом, в таком стиле потекла и дальше.

С самым моим рождением связан не только футбольный, но и трагикомический бытовой анекдот. В те уже далекие времена никаких нынешних методик внутриутробного определения пола младенца не существовало. Тогда это был такой забавный аттракцион: угадай – мальчик или девочка? А в данном случае вопрос стоял остро: мой дед, у которого уже были две внучки, настоятельно требовал от своего сына производства продолжателя рода, что было для него очень принципиально.

И вот мой свежеиспеченный папа наутро после знаменательного матча, как только начала работать справочная роддома, стал туда названивать. Опять же, никаких многоканальных справочных и кнопочных телефонов еще не было – просто надо было раз за разом накручивать шестизначный номер, пока не отпилишь палец дыркой диска... Но вот, с какого-то там раза в трубке длинные гудки вместо коротких, потом голос: – Справочная! Потом: – Да, родила Костинская, мальчик, вес девочки – 2900...

И – бряк трубку, оставив отца в недоумении по поводу того, кто же и в каких количествах родился. Ясность внес только повторный звонок...

Надо учесть, что моему рождению сопутствовали обстоятельства, вполне обычные для того времени – поженившиеся летом 49-го года молодой специалист БПК и молодая специалистка долгопрудненской Центральной аэрологической обсерватории жилплощади не имели никакой. Некоторое время они скитались по съемным углам и комнатам, но все это было непрочно и кончилось тем, что как-то поздним вечером, придя из театра к дверям очередной коммуналки, ключ от которой им дали приятели, они обнаружили врезанный в дверь новый замок. Из-за двери раздавалось рычание жильцов, что внутрь их больше не пустят ни под каким видом – им без молодых соседей было куда комфортнее, да и виды открывались на «бесхозную» жилплощадь. Спорить с этим было невозможно – с гражданами, проживающими без прописки, милиция не миндальничала.

А тут, оказавшись ночью под открытым небом, мои будущие родители посмотрели друг на друга и расхохотались. Даже много лет спустя, вспоминая тот момент, они улыбались...

Потом, по мере того, как мое грядущее появление на свет становилось все очевиднее, руководство БПК решило войти в положение молодого ценного кадра, и выделило моему отцу прямо там, где он работал, комнату площадью 8,75 кв. м., зато с потолком в пять с половиной метров. Положенная на бок, она имела бы намного большую площадь... При Рябушинских это была комната горничной, но от тех времен остался только массивный, с фигурной голов-

² согласно данным сайта <http://www.cska-games.ru/>

кой латунный ключ, очень смахивающий на золотой ключик Буратино, а в новые времена там должно было поместиться четыре человека – два инженера, домработница и ребенок.

Зачем домработница? А вот зачем. При Сталине, о котором почему-то тоскуют те, кто его и не нюхал, декретный отпуск составлял всего 28 дней до и 28 дней после родов, а потом маме надо было выходить на работу. Продолжал действовать закон, запрещающий увольнение с работы по собственному желанию. И вот мой дед сходил на биржу домработниц у Патриарших прудов и привел оттуда 19-летнюю Аню. Четыре года она была членом нашей семьи, на ней держался дом во время тяжелой болезни моей мамы. Только когда все закончилось благополучно, Аня уехала в Томилино в барак к своему мужу. Спустя два года у нее родился сын, которого она назвала тоже Юрой.

Теперь понятно, почему папа напрягся, когда ему сообщили о мальчике и девочке разом?

По краешку

Самое первое отчетливое и связное мое воспоминание – это лето 1952-го года в селе Евдаково: нам навстречу идет стадо гусей, и мама говорит мне, чтобы я не подходил к ним, потому что они щиплются, но я же чувствую, что они хорошие, все-таки подхожу и глажу по шее большого гуся.

Мама, я и гуся. с. Евдаково, 1952 г. Семейный архив

А потом папа сажает меня на спину здоровенной свиньи. Помню, что мои ноги не обнимают спину животного, а торчат практически в шпагат... Свинья срывается с места и бежит, мне это очень нравится, но тут мама сдергивает меня со свинской спины. Она, наверное, испугалась, что свинья меня сбросит, и я ушибусь, а у меня осталось чувство поломанного кайфа. До сих пор... Ничего бы свинья мне не сделала, она что, не понимает, как себя с маленькими вести?!

Все эти маленькие семейные события протекали на совсем не веселом фоне того, что творилось в стране. Отец мне рассказал, что еще в 48-м, когда развернулась откровенно антисемитская кампания «по борьбе с космополитизмом», профессор Рамзин³ в частном разговоре посоветовал ему: – Борис, постарайтесь, как можно меньше, бывать в Москве!

Опыт еще довоенного сидельца подсказывал профессору, что вероятность попасть в поле зрения тех, кому на глаза лучше не попадаться, меньше вдали от места постоянной прописки и работы.

А зимой с 52-го на 53-й мгла стала сгущаться непосредственно вокруг нашей семьи. В журнале «Новый мир» начали было публиковать роман Василия Гроссмана «За правое дело» (продолженный затем легендарной «Жизнью и судьбой»). Через несколько дней «Ком-

³ Рамзин Леонид Константинович (1887–1948) – создатель Бюро Прямоточного Котлостроения, автор т. н. «котла Рамзина», профессор. В 1930-м приговорен к смертной казни по фальсифицированному процессу Промпартии, помилован с заменой «9 грамм» на 10 лет, работал в «шарашке» – Особом Конструкторском Бюро (ОКБ) ГПУ, в 1936 г. освобожден, награжден орденом Трудового Красного Знамени и Сталинской премией. Учитель моего отца.

сомолка» отозвалась о нем вполне благожелательно, вот и моя мама что-то в таком духе позволила себе произнести на работе. А еще через день в «Правде» появилась статья исполнителя разных грязных дел по литературе Бубеннова, в которой он смешал роман с грязью. Публикацию немедленно оборвали – статья в «Правде» означала гнев на самом высоком уровне, выше некуда. Не исключено, что и «Комсомолке»-то дали роман похвалить ради провокации.

Парторг обсерватории маме пригрозил, что ее «антипартийная оценка» романа Гроссмана будет обсуждена на партсобрании. Чем такие обсуждения кончались, известно... Но тут маме «страшно повезло»: еще до всей этой истории она из-за постоянного покашливания обратилась к врачу, и ей сделали рентген легких. И как раз на следующий день после угрожающего разговора вызвали в поликлинику и отправили в диспансер – туберкулез. Бог знает, как бы обернулось, если бы не диагноз...

Параллельно с этими нашими семейными обстоятельствами той зимой полыхнуло «дело врачей»: целую группу лучших медиков страны, почти сплошь евреев, объявили «убийцами в белых халатах», злоумышлявшими на особу государя. В печати и на митингах требовали повесить их на Красной площади... Среди обвиняемых был и генерал-майор медицинской службы Мирон Семёнович Вовси, в годы войны – главный терапевт Красной Армии, создавший, по общему признанию, образцово работавшую систему, сохранившую жизни миллионов бойцов и командиров и вернувшую множество из них в строй. Десятки маршалов и генералов прекрасно знали врача Вовси и понимали, что он никакой не убийца в белом халате и не немецкий шпион, как написал ему в дело садист-гэбешник, при том, что всю родню генерала убили на Украине гитлеровцы. Знали, но не защитили товарища. А маршал Конев еще и отличился яркой речью, в которой требовал казней. Носились совершенно дикие слухи о том, как врачи отравляют пациентов, тысячи людей тогда умерли, потому что боялись лечиться, да и лечиться стало не у кого, потому что успели уволить и пересажать тысячи врачей.

Как раз тогда маму в первый раз забрали в больницу в тяжелом состоянии... Что-то она сказала папе о врачах – де, не может быть, чтобы это все было выдумкой, а папа, вообще-то человек железной выдержки, нежно любивший жену, впервые за их совместную жизнь резко ей ответил, что все это дело – самая настоящая антисемитская провокация, и что он ни на грош не верит этому бреду и удивляется, как в такое могла поверить его Базенька...

Известных стране еврейских деятелей заставляли подписывать письмо к правительству с просьбой защитить евреев от погромов и выселить их на Амур. Герой Советского Союза генерал армии Яков Крейзер, писатель Илья Эренбург, авторитет которого в войну был огромен и известнейший бас Большого театра Марк Рейзен отказались, а остальные послушно подписали. К деду прибежал его старый товарищ и рассказал, что у них на Московской Окружной железной дороге на запасных путях накапливают десятки составов теплушек для депортации.

В депортации 1904 года из Бессарабии на Волынь погибли двое моих малолетних внучатых дядьев – младших братьев бабки. В 1949-м году была проведена одна из самых вегетарианских депортаций в советской истории, когда выселяли в Казахстан вообще непонятно за что и почему понтийских греков Абхазии, и, вследствие этого не очень зверствовали, но все равно весь их путь был усеян могилами умерших в пути...⁴. Случись выселение евреев на самом деле, у нас бы шансов не было даже доехать до места, поскольку погромы планировались не только по месту выселения, но и по пути следования. А мы бы были особенно хороши – отдельно от отца, который редко бывал в Москве, мама с туберкулезом и я – неполных трех лет от роду.

⁴ Об этом написал мой однокашник Гарик, родившийся из-за депортации не в родном Сухуме, а в Чимкенте. Никто, даже греческая печать, не согласилась это опубликовать, и вот – пришлось мне. Харлампий Тирас. Женщина и дом. http://www.yu-b-shmukler.narod.ru/Friends/Tiras_Zhenshina.html

А потом источник и затейник смертельной для нас опасности, напугавший себя до паранойи собственной выдумкой о врачах-убийцах, лишенный квалифицированной медпомощи, взял и помер. И тут, похоже, притихли даже самые жестоковейные, и мгновенно оказалось, что врачи – не убийцы, а жертвы, и один из них – отоларинголог Фельдман потом успел вылечить меня.

Усатый Вельзевул даже за гробом еще чуть не убил нас напоследок – мама собралась было со мной на его похороны, но отец, по счастью бывший в те дни в Москве, категорически этой ей запретил. Как выяснилось впоследствии, туда же намылилась и моя будущая теща, в то время – старшая пионервожатая 235-й школы, вместе со своими пионерами. Они припоздали и оказались у спуска к Трубной, когда там уже было кровавое месиво, и милиция их отсекла. Поскольку теща к тому времени еще не успела родить дочку, ставшую впоследствии моей женой, у меня был шанс не только самому там кончить свои краткие дни, но и будущей подруги жизни лишиться... Наверное, это был первый из моментов, которые могли оказаться для меня фатальными, но всякий раз обходились без трагического исхода.

Знаменитая тетка Юля и я. Ок. 1954 г. Семейный архив

Реально круче всех в нашей семье пришлось в те дни моей тетке – младшей сестре отца Юле – тогда десятикласснице. Она-таки попала в смертельную давку, но ее кто-то выбросил из толпы вверх – на плечи и головы спрессованных людей, и солдаты, стоявшие на грузовиках,

выловили ее и перетащили на другую сторону. Она впоследствии написала об этом жуткий рассказ «Последний нонешний денечек».⁵

А я этого всего сам не помню и воспроизвожу по рассказам родителей. Удивительно – про гусей и свинью в деревне помню, а про смерть Сталина – нет. Еще в памяти от того 53-го года – большой, совсем почерневший сугроб у ворот виллы «Черный лебедь», мимо которого мы с папой и мамой идем 1 мая в гости. Весна была поздней, да и лето вошло в историю климатологии и кинематографии как холодное.⁶

⁵ Юлия Исааковна Шмуклер (р. 1936). Младшая сестра моего отца, кандидат физ. – мат наук, автор сборника «Рассказы», в т. ч. упомянутый <http://lib.ru/NEWPROZA/SHMUKLER/rasskazy.txt>

⁶ «Холодное лето 53-го года» – кинофильм режиссера Прошкина. Последняя замечательная роль Анатолия Папанова

Гибель богов

Шаг в шаг с грозившими смертью событиями нашей жизни разыгрывалась сюрреалистическая трагедия футбольной команды ЦДСА. Да, в ту пору детства золотого, когда учатся говорить и общаться с животными, у меня были отличные шансы лишиться не только жизни и будущей жены, но и любимой команды.

Вождь вообще всегда внимательно следил за армией, а после войны запасался, как бы насмотревшись на европейские картинки и нахлебавшись фронтовой вольницы молодые воины-победители не «захотели странного». И, начиная с 46-го года, потянулись чередой новые расправы над боевыми генералами и офицерами – сажали, а то и расстреливали, как маршала Худякова и генералов Гордова и Рыбальченко. Коснулось нешуточное внимание Самого Недреманного Ока и армейского спорта...

Футбольная команда ЦДКА была включена в Группу «А» первого первенства СССР весной 1936 года в последний момент. Очень кстати в 35-м она завоевала титул чемпиона Москвы, который тогда весьма ценился, но в первых чемпионатах страны, не блистала. Дважды она оказывалась в таблице последней, и только всякие организационные манипуляции сохраняли ей место в высшем обществе. Потом ЦДКА приподнялся с приглашенными из «Динамо» Алексеем Грининым, Валентином Николаевым из «Локомотива» и Владимиром Никаноровым из «Пищевика». Из «Металлурга» забрали результативного центрфорварда Капелькина и левого края Григория Федотова, которого все обожали и считали гением футбола. Те, кто мог сравнивать, говорили, что Эдуард Стрельцов в свои лучшие годы напоминал Григория Ивановича, но все хором считали, что по индивидуальному мастерству Федотов был много выше. Мой папа с особенным восхищением вспоминал фантастический по точности федотовский удар с лета, которым он по заказу мог уложить мяч в любой угол.

В 38-м армейцы впервые добрались до призового места, но чемпионство по-прежнему забирали лишь московские «Динамо» и «Спартак». Потом началась война, после первого отчаянного года, когда было не до футбола, армейская команда снова собралась в Москве, и к довоенному составу стали добавляться новые классные игроки: Владимир Демин из «Спартака», Иван Кочетков из «Торпедо», позже Александр Петров, Виктор Чистохвалов и, главное, Всеволод Бобров – из низовых армейских команд. К 1944-му году, когда команду принял также перешедший из «Динамо» тренер Борис Андреевич Аркадьев, армейцы оказались впервые сравнимы по мощи с динамовцами и явно превосходили ослабевший «Спартак». Именно тогда у ЦДКА – команды победоносной армии появился массовый болельщик.

Правда, главные трофеи армейцам дались опять же не сразу, но у нас легко и быстро не получалось никогда... В 44-м в финале против ленинградского «Зенита» был упущен возобновленный Кубок СССР, и лишь в год Победы, армейцы завоевали свой первый союзный титул – обыграли в финале следующего розыгрыша Кубка принципиальнейшего соперника – московское «Динамо». А в 46-м пришла и первая победа в первенстве, следом – еще две, и этот «хет-трик» долго был рекордом Советского Союза по чемпионствам подряд. И все это время главный соперник – московское «Динамо» – раз за разом оставался у армейцев за спиной.

Потеряв Григория Федотова по возрасту и из-за хронического вывиха плеча, а Боброва – из-за того, что командующему авиацией Московского округа генералу Василию Сталину хотелось сделать чемпионом свою команду ВВС МВО ⁷, армейцы, тем не менее, после отступления в 49-м на второе место, в 50-м (по случаю моего рождения, вероятно) и 51-м в сильно обновленном составе вернулись на первое место и оставались безусловным лидером советского футбола. Будущее казалось безоблачным, потому что, уже пережив смену лидеров в атаке

⁷ название этой команды прямо так и расшифровывалось: Вася Воруэт Спортсменов

(в центре заиграли Вячеслав Соловьев и Борис Коверзнев), команда справилась с проблемами и была готова к дальнейшему развитию. Даже дублеры тоже стали чемпионами, а впоследствии многие из них играли на уровне класса «А». Победил ЦДСА и в 52-м, да-да, и в 52-м...

Вот тут начинается сама печальная история гибели армейской команды. Надо учитывать, что товарищ Сталин к футболу и к спорту вообще был равнодушен, ценил, разве что, спортивные парады. Любил он театр, кино и балет – смотрел некоторые спектакли многожды. Говорят, «Дни Турбиных» загнобленного им Булгакова – раз 16... А спорт – нет, не любил... Предположу, что вождь, известный большой любовью к порядку и регламентации, с большим трудом терпел непредсказуемые ситуации и непредсказуемых талантов. Особо непредсказуемых он старался лишить возможности проявлять эту черту. Вот балет, где точно известно, кто и куда прыгнет и когда завертится в 32-х фуэте, ему нравился, тем более что это, действительно, красиво. В футболе же, дальнем потомке рыцарских турниров, все основано на конкуренции и импровизации. Такое вождю понравиться не могло! Единственный случай, когда он одобрительно усмехнулся в усы, глядя на футбол – это было цирковое зрелище, устроенное летом 36-го братьями Старостинными на Красной площади – с заранее расписанным сценарием, с которым вождя ознакомили. Николай Петрович потом очень гордился своими выдумкой и организаторским талантом...

И вдруг Сталин, с его специфическим отношением к спорту и к международным контактам советских людей, решил выпустить своих спортсменов на мировую арену. Рационального объяснения такому вольту я лично так и не нашел – уж очень он противоречил всему, что делалось и до, и после, и одновременно – политике, направленной на всемерную изоляцию СССР от внешнего мира. Единственное, что приходит в голову – это пропагандистская операция, призванная с помощью спорта убедить советских и несоветских людей в эффективности сталинского строя и восполнить в классической римской формуле «хлеба и зрелищ» недостаток первого вторым.

Итак, СССР вступил в олимпийское движение и в 1952-м году стал спешно готовиться к Олимпийским Играм в Хельсинки. Сборная СССР по футболу не собиралась с 35-го года, и международный опыт у советских футболистов ограничивался немногочисленными турне клубных команд. Представление о собственных силах было искажено результатами победного турне московского «Динамо» в Великобританию – к тому времени семилетней давности. Мало кто тогда в СССР знал, что англичане играли совсем не в лучших составах – большинство их корифеев еще служили в оккупационных войсках в Германии. Напротив, динамовцы в этом турне только усилились питерцами Архангельским и Ореикиным, а также армейцем Бобровым.

Усилия перед Играми были приложены незаурядные, и вместо первого круга первенства СССР был проведен специальный Всесоюзный турнир на приз Комитета по физкультуре и спорту с участием всех команд класса «А» и самой сборной СССР (вне конкурса), куда армейцы отдали чуть ли не полсостава и старшего тренера Аркадьева. Вы будете смеяться, но даже при таких обстоятельствах армейцы в этом турнире победили, что я и имел в виду, когда написал про их успех и в 52-м. Чемпионство им за это почему-то положено не было. После Игр, окончившихся для нас печально, был проведен тоже в один круг такой же турнир, но уже без сборной и без уничтоженного ЦДСА, и вот он почему-то назывался первенством СССР 1952-го года. Московский «Спартак» не брезгает числить за собой эту убудочную победу, а в моем сознании это навсегда осталось как величайшая жестокость и несправедливость, но ничего уже не поправишь...

Сборная же, помимо турнира, лихорадочно путешествовала по Восточной Европе в попытке за пару месяцев набраться международного опыта, который копят годами. Якобы,

чтобы не подорвать зря престиж страны, команда выступала то под вывеской сборной Москвы, то ЦДСА. Для последнего были некоторые основания, поскольку армейцев в составе перебивало немало, но, в конечном счете, играли на Олимпийском турнире четверо – Юрий Нырков, Александр Петров, Валентин Николаев и Анатолий Башаешкин, а запасной вратарь Никаноров ни разу на поле не вышел.

Если оценивать игру сборной СССР на хельсинской Олимпиаде вне политического контекста, то для команды-дебютанта серьезных мировых турниров результат совсем неплох. Хоть и с трудом, но победили непростую команду Болгарии, а потом отчаянно сражались с югославами, которые в те времена имели блестящий состав и несравнимо превосходили наших в международном опыте.

Первый матч с югославами стоил саги или оды: игра, в которой команда отыгрывается со счета 1:5 и в конце упускает возможность вырвать победу, несомненно того заслуживает. Три гола в той игре забил Всеволод Бобров, которого я в душе продолжаю считать нашим – армейцем, хотя он тогда уже год, как ушел в ВВС. А последним голом в той игре отметился игрок ЦДСА Александр Петров. Упустив возможность прикончить деморализованного соперника в первой игре, в переигровке наши усилиями Боброва сумели открыть счет, но потом кончились, видно, и силы, и фарт, и мы проиграли 1:3...

Рассматривая с нынешних позиций состав той сборной СССР можно только подивиться, как высок был средний возраст вышедших на поле. Только гипноз имен, казавшихся не только болельщикам непререкаемыми, и полное отсутствие опыта таких соревнований, как Олимпиада, могло привести к такому комплектованию. С перегрузкой сдвоенного матча, да против соперника такого класса, с которым раньше сталкиваться приходилось считанные разы, справиться не удалось. И все было бы ничего в нормальном государстве при нормальном отношении к спорту...

Беда была в том, что как раз тогда в социалистическом лагере разыгрался конфликт, в котором Сталин впервые столкнулся с сопротивлением достойного соперника. В Болгарии и Чехословакии им уже было устранено (в том числе – и физически) почти все руководство времен войны, а вот с Югославией вышел облом...

Маршал Йосип Броз-Тито на самом деле лично возглавлял боевые действия партизанских соединений Народно-освободительной армии Югославии, которая по своей боеспособности не уступала регулярным частям и приковывала к себе во время войны 26 болгарских дивизий, часть немецкой группы армий «Е» и хорватских усташей. Тито и в коминтерновских интригах понаторел, и, наловив нескольких советских диверсантов с заданием его уничтожить, прислал Сталину издевательское письмо, де, дорогой Иосиф Виссарионович, перестаньте трать своих агентов, а то мне придется послать к вам одного своего, а второго мне посылать не придется. Это письмо потом многократно и с удовольствием поминала югославская пресса – я прочел цитаты из него в белградской «Политике» спустя двадцать лет...

Надо сказать, что письмо Тито, судя по всему, возымело действие, но с Югославией у Сталина стала «родня – врозь, дитё – об угол». Югославов выбросили из Коминформа⁸ и третируют у нас в сатирическом журнале «Крокодил» не иначе, как кровавых агентов империализма. То есть, Югославия была страной, которой нельзя было проигрывать состязания ни при каких раскладах! Похоже, если бы продули Соединенным Штатам, и то не было бы такой истерически-неадекватной реакции...

⁸ Коминформ (Информационное бюро коммунистических и рабочих партий) – международная коммунистическая организация в 1947–1956 гг. Образован как замена распущенного в 1943 году Коминтерна (Википедия)

Даже триумфальное для дебютанта выступление на хельсинкской Олимпиаде остальной советской команды на фоне «провала» футболистов было воспринято очень холодно, олимпийские чемпионы никаких добрых слов от родного правительства не дождались. А с футболистами обошлись еще круче. В советских архивах не сохранилось ни одного фотоснимка, ни одного кинокадра, рассказывающего о противоборстве советской футбольной сборной с югославами. «Позорное пятно» было буквально стерто из памяти народной (чистый Оруэлл!) после того, как товарищ Сталин расценил проигрыш югославам как политическое преступление.

ЦДСА в первенстве СССР успел еще напоследок обыграть супостатов – московское – 1:0 и тбилисское «Динамо» – 3:2. 13 августа 1952 года в 6 часов вечера армейцы вышли на поле стадиона Динамо в составе Никаноров, Крушенок, Башаикин, Нырков, Водягин, Родин, Гринин(к), Николаев, Соловьев, Бузунов, Демин против куйбышевских «Крыльшиек» и выиграли – 4:2. Отличились Гринин, Родин и Бузунов, а последний гол той команды на 85-й минуте отправил в сетку Владимир Демин... ..и Вождь то ли произнес, то ли только рассказывают, что произнес (Сталин вообще не любил оставлять за собой документированных следов), де, часть потерпевшую поражение расформируют⁹... И ЦДСА погиб – команду сняли с первенства¹⁰.

Дополнительную мерзость ситуации придает то, что помимо всяких высоких слов о престиже советского спорта, кое-кто имел в этом деле свой икурный интерес. И вся эта затея с преолимпийскими спаррингами сборной под флагом ЦДСА теперь представляется мне длинной провокацией Берия, который, в отличие от генералиссимуса, был отчаянным болельщиком «Динамо». Как раз в 51-м любимая команда жандармского маршала свалилась даже со второго места и финишировала пятой. ЦДСА по причине своих непрерывных побед был у Берия бельмом на глазу, а сам он был весьма чуток к высказанным и невысказанным мыслям Вождея и уцужал «заказ» на ущемление армии.

Предвидя вероятное развитие событий, Берия постарался связать футбольную сборную с именем ненавистного ЦДСА, заранее свалить на него ответственность за весьма вероятную для понимающего человека грядущую неудачу и выбить из-под ног табуретку. Во всяком случае, после Олимпиады, где мы проиграли тем, кому с точки зрения Сталина проигрывать политически было никак нельзя, у Берия на руках оказался достаточный компромат, чтобы закопать главного и практически непобедимого конкурента, а заодно добиться главной цели – публичного унижения армии.

Форвард ЦДСА и той злосчастной сборной СССР Валентин Николаев¹¹ так и считал, что расформирование главной армейской команды страны решалось на уровне «такого солидного кабинета, хозяину которого не посмел бы перечить даже министр Вооруженных Сил СССР». Николаев и прямо называл имя того, кто стоял за этой интригой: Лаврентий Берия...

Характерно, что московских динамовцев в составе той несчастной сборной было трое: Бесков, Трофимов и Тенягин, но эту команду не сняли с первенства СССР и не расформировали ни на 75 %, ни на 60 %, что было бы логично, если сравнивать с ЦДСА. А ведь среди персональных клизм, расставленных тренерам и игрокам сборной, ярко выделяется полученная динамовцем Константином Бесковым с формулировкой «за трусость» (?!).

⁹ по закону расформируют часть, потерявшую знамя

¹⁰ Сделано это было приказом председателя Спорткомитета Романова от 18 августа 1952 года

¹¹ Валентин Александрович Николаев (1921–2009) – правый полусредний команды ЦДКА-ЦДСА и сборной СССР, пятикратный чемпион ССР по футболу, тренер команды ЦСКА – чемпиона ССР 1970 года (см. далее в главе «Великолепная пятерка»). Инженер-полковник. Автор книги «Я – из ЦДКА!»

На многочисленные письма протеста от офицеров, которых лишили любимой команды, по советской традиции положили с прибором. Игроки ЦДСА на следующий год попытались побороться под флагом МВО, но и тот был злопамятно разогнан в середине года, как и футбольные команды других военных округов, чтобы продемонстрировать бессилие армии против произвола. Безработных игроков разобрали по клубам: в «Динамо» оказались Водягин, Петров и Родионов, к которым добавили Крижевского из ВВС. Оказавшийся беспризорным Бобров сыграл 4 игры за «Спартак», Бубукин из ВВС – в «Локомотиве», всех раскидали...

А дело было в том, что по весне 53-го Сталин «сыграл в саркофаг», и Лаврентий Палыч стал в этот момент то ли первым, то ли полуторным человеком в государстве (трудно себе представить, что в их с Маленковым тандеме верховодил последний) и «мог себе позволить». Он и раньше себя в футбольных вопросах не ограничивал: Сергея Сальникова забрали из «Спартака» в «Динамо» при еще более драматических обстоятельствах. У этого прекрасного форварда арестовали отца и поставили условие: переходишь к нам – мы твоего папу стрелять не станем. Папу для того, собственно, и взяли. Можно не сомневаться, что нас ждало бессменное чемпионство «Динамо» на долгие годы по всем видам спорта, кабы летом 53-го не перепоясали товарища Берию, как он других перепоясывал.

26 июня 1953 года Берия был схвачен армейскими генералами во главе с Москаленко. В декабре того же года он был ими же и расстрелян,¹² и, что характерно, тут же была воссоздана футбольная команда ЦДСА. Ей-богу, это – не совпадение. Высокопоставленные болельщики «Динамо» поджали хвосты, им стало не до футбола: они по кабинетам тряслись – то ли уже прыгать в окошко лубянского дома, то ли погодить. Некоторые не утерпели. Так что динамиком, от которых исходила интрига, разгром ЦДСА ничего не дал – чемпионом стал «Спартак», воспользовавшийся ситуацией, когда фавориты прежних лет либо исчезли, либо зализывали раны политических битв и междоусобиц.

К Лаврентию Палычу у меня особое личное отношение – из-за него я единственный раз в жизни огреб от собственного отца. Когда пошел слух, что Берия расстрелян, мы с приятелем Витькой – он шести лет, а я – трех с половиной, во дворе дома, где мы жили, а наши отцы – и работали, исполнили услышанную где-то частушку

*Берия, Берия
вышел из доверия,
а товарищ Маленков
надавал ему пинков.*

Отцы наши вышли на улицу с черными лицами, и там же обоим всыпали по задницам. Единственный раз в жизни, потому и запомнил хорошо. А отцы, наученные горьким жизненным опытом, знали, что бывает за детскую болтовню, выдающую «кому надо», о чем говорят взрослые за закрытыми дверями своих комнат. До меня же все это дошло только существенно позже с осознанием, в каком времени мы жили, и чем могли обернуться наши куплеты.¹³

И само это подведомственное Лаврентию «Динамо» я с детства недолюбиваю – под воздействием отцовского воспитания и жизненного опыта повсеместного столкновения со щупальцами этого монстра, охватывающими жизнь всей страны. В любом самом маленьком

¹² Преподаватель нашей военной кафедры приватно рассказывал, что, будучи молодым офицером, в вечер ареста Берии участвовал в доставке его трупа в Донской крематорий. Якобы Берия был расстрелян сразу же, поскольку армейские генералы опасались реакции войск МВД. Похожую версию излагал в своей книге Серго Берия.

¹³ Я помню это радиосообщение, в котором говорилось, что Берия расстрелян как английский шпион. Он, несомненно, повинен в страшных преступлениях – гибели множества ни в чем не повинных людей и других злодеяниях, но не в том, за что его официально осудили. Почему-то так никто и не потрудились объяснить советскому народу, как получилось, что практически все деятели Октябрьской революции и герои Гражданской войны оказались шпионами всех мыслимых государств.

городишке его главная футбольная команда и стадион назывались «Динамо», а ее родительские структуры бдили над всей нашей жизнью.

Об истории гибели ЦДСА воспоминания проскальзывали в рассказах отца и других старых болельщиков, которые намекали или прямо говорили, кому мы обязаны своим несчастьем. И это при том, что было не совсем понятно, закончились «строгие времена» или нет, и можно ли уже рассуждать и предаваться воспоминаниям. Тогда, в 50-е, я всего этого по малолетству толком не понимал, но осадочек откладывался. Была и еще одна вполне материальная причина: мы жили у самого динамовского стадиона, и их болельщики в Петровском парке водились чуть ли не за каждым кустом. Вели себя нагло и задирали армейцев.

Ирония судьбы, но нынешние молодые армейские болельщики считают союзниками динамиков, наших исторических могильщиков! Между прочим, еще до эпохи исторического материализма армейские и гвардейские брезговали жандармским руку подавать.

В 54-м футбольный ЦДСА восстановили, но хребет был переломан и срастался потом мучительно. Была разрушена преемственность поколений и победная психология. Гринин и Николаев оставили футбол по возрасту, Никаноров, Нырков и Демин вернулись в состав, но уже почти не играли. По-настоящему продолжили карьеру только Башашкин и Петров. Лишился работы в ЦДСА и Борис Аркадьев. И все они перенесли страшный психологический шок. Наверное, не случайно почти весь тот состав: и режимившие, как Федотов, и пренебрегавшие, как Демин, очень рано ушли из жизни. Только отличавшийся невероятной энергией Николаев да фронтовик Нырков дожили до очень преклонного возраста.

«Конь» на коне. Я этого не помню, но вот нашелся документ в семейном архиве.

Государство передумало нас убивать, но с мамой по-прежнему было нехорошо. Ее положили в Боткинку, прооперировали, а потом долго долечивали. Сначала папа ходил к ней в больницу один, а потом, когда маме разрешили выходить ненадолго на улицу, стал брать меня

с собой. В туберкулезный барак меня не пускали – боялись, потому что там было много больных с открытой формой.

Тогда Боткинская больница, кроме большого корпуса, состояла из множества барачков (в том числе, и туберкулезных – мужского и женского). Отец пристраивал меня к добродушным возницам, которые на запряженных лошадками санях развозили по больничным барачкам молоко в больших жестяных бидонах, и я так катался по всей Боткинке. Было очень здорово: фонари светят, снег скрипит, лошадка фырчит... На остановках, пока вытаскивали бидоны с молоком и грузили порожние, можно было подойти к лошадке и погладить ее. Сделав круг по больнице, меня высаживали у туберкулезного барака, и мы с папой шли домой. Потом маму выписали, и в санках, запряженных настоящими конями, я больше не катался...

Мама уволилась с работы по болезни, а ее персональное дело из-за романа Гроссмана утратило актуальность – наступали новые времена.

Наступали они противоречиво да к тому же у меня наложились на период формирования личности, когда осознаются фундаментальные понятия о жизни и смерти. Я был «политизированным ребенком» – слушал наш двухпрограммный радиоприемник и переживал из-за корейской войны – дикторы очень ругали американских «поджигателей войны», а меня беспокоила перспектива погибнуть в ядерной катастрофе.

Тогда же, поздней весной 54-го, значит, мне еще не исполнилось четырех, как-то вечером папа пришел с работы и сказал, что ему достался билет в Мавзолей Ленина и Сталина. В Мавзолей тогда ходили по билетам, которые распространяли по организациям, вот и до БПК очередь дошла. Мне сказали, что надо будет очень рано встать, и мы поедем на автобусе.

Конечно, наутро я проснулся, как только родители зашевелились, и стал одеваться. Было еще совсем темно, когда мы вышли во двор к автобусу БПК – мне очень понравилось, как водитель открывает дверь с помощью длинного складывающегося никелированного рычага. Все еще в полной темноте мы подкатили к ограде Александровского сада, и вскоре милиционеры стали выстраивать очередь, покрикивая: – Граждане, вставайте в колонну по четыре!

Мы стояли так очень долго, а потом вдоль толпы, хвоста которой я с папиных плеч уже не видел, снова побежали милиционеры: – Граждане, приготовьте билеты!

Билеты проверяли при входе в сад, потом – уже в очереди, потом на выходе из сада. Мне казалось, что все это тянется безумно долго, вроде бы можно было поговорить с папой, но все кругом говорили приглушенно или шепотом, и я стеснялся.

На Красной площади мы оказались, когда рассвело – было, скорее всего, около восьми... Очередь двигалась рывками, а нам еще и повезло – когда мы оказались перед входом, стали бить часы на Спасской башне, и к Мавзолею, печатая шаг, подошла смена караула. Пожалуй, это мне понравилось больше всего – как бойцы с оружейным лязгом и совершенно механическими движениями мгновенно поменялись местами, и смена застыла, как каменная.

И вот, наконец, мы в Мавзолее! При входе папе сказали спустить меня на землю, а потом можно будет взять на руки. Полутьма, красное и черное, ступени вниз. В зале я сначала увидел яркий свет в центре, а только потом – лежащих за стеклом вождей. Дедушка Ленин, о котором я слышал столько хорошего, был в темном костюме, всё, как обещали – с высоким лбом, похожий на портреты. Дедушка Сталин, конечно, выглядел поярче – он был в мундире генералиссимуса с красивыми погонами, геройскими звездами и орденскими лентами.

Очередь медленно двигалась мимо саркофагов, а меня мучил вопрос – по радио я же все время слышал, что Ленин – вечно живой. И вот я никак не мог решить – вожди умерли или все-таки, может, спят?

У меня с идеологией трудности вообще с раннего детства. В «Черном лебеде» центрального отопления не было, зато была котельная, в которой работало несколько истопников. Одного из них, добродушного пожилого мужика по имени Ермолай, но которого все во дворе звали «дядя Милеша», он, действительно, был добрым и как-то очень тепло относился к нам,

институтским детям. И вот с ним у меня оказался связан первый в жизни неразрешимый философский вопрос. В свои четыре—пять лет я был совершенно индоктринирован коммунистической идеологией и никак не мог уложить в голове: как же в коммунизме, который должен наступить в ближайшем будущем, будет с дядей Милешей? Ведь он в своей вымазанной углем телогрейке, всегда немножко под хмельком, никак не монтировался с идеальным обществом, куда все мы следовали... Я испугался мысли, что для наступления коммунизма придется ждать, когда он умрет, а с другой стороны, ужасно жалел, что ему не достанется такого счастья...

Тогда же оказалось, что дружба народов и социалистический интернационализм – это не совсем то, что говорят окружающие. Как-то во дворе старшие девчонки стали меня дразнить: – Еврей, еврей! Я не знал, что это такое, но, как и любой ребенок, прекрасно почувствовал, что меня хотят обидеть. Из объяснений родителей, я понял, что изначально принадлежу к какой-то особой группе людей, которую некоторые неизвестно за что ненавидят. Позже я предпочитал сразу обозначать свою национальную принадлежность – во избежание недоразумений.

Первый шаг в самостоятельность

И как же так получилось, что я за ЦДСА стал болеть при папе – отчаянном спартаковце? Сам он попал в красно-белые в 38-м году, когда окончив школу с «золотой рамкой»¹⁴, приехал из своего родного Днепропетровска в Москву и поступил в Энергетический Институт. Конечно, одним из первейших этапов его знакомства со столицей стало посещение футбола, а там оказалось, что за команду промкооперации играют его кумиры из родного города – Лайко и Корнилов, и судьба его симпатий была решена.

Папа был для меня абсолютным авторитетом и, объективно, весьма яркой личностью, выделявшейся в тогдашней веселой компании молодых инженеров БПК. Помимо напряженной работы над прямоточными котлами во всех уголках страны Бюро жило весьма насыщенной жизнью: регулярно устраивались концерты художественной самодеятельности, и одним из их организаторов и непременным пианистом-аккомпаниатором был мой отец. Лет с четырех он и меня стал втягивать в эти затеи – ставил на стул, и я читал всякие шуточные стихи. Не уверен, что это было педагогично, но все же научило меня не бояться аудитории.

С этими концертами связан еще один из когнитивных диссонансов, преследовавших меня всю жизнь. К праздникам в большом зале БПК над сценой вешали праздничный плакат: «Да здравствует такая-то годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции!» На моей памяти самая ранняя такая надпись желала здоровья 36-й годовщине. Я по детской наивности попытался осмыслить этот лозунг и оказался в тупике: ясно же, что независимо от пожеланий годовщине, она все равно назавтра скончается в 0 часов 0 минут. Наверное, хотели сказать, что очень рады, что этот праздник наступил, но написали – бессмыслицу...

Однако сами праздники меня очень радовали, потому что, во-первых, в эти дни почти всегда возвращался из командировок папа, которого я редко видел, а, во-вторых, устраивали салют. Салют сильно отличался от нынешних: еще не было всяких «мерцающих залпов», зато все небо было исполосовано лучами прожекторов, которые оставались на вооружении у войск ПВО. Помню, кто-то из взрослых мне сказал, что попадание вражеского самолета в перекрест двух лучей прожекторов означал почти наверняка, что его собьют. Механизм этого я тогда не понял и просто поверил, а сам додумался, в чем тут дело, много позже. Потом, еще до начала 60-х, прожекторное шоу исчезло.

¹⁴ Аттестат о среднем образовании с золотой рамкой – эквивалент позднейшей золотой медали – давал в те годы право на поступление без экзаменов почти в любой вуз

"Конек". Собственность автора

Очень большое место в БПК занимали всяческие спортивные затеи: проводились первенства по бильярду и пинг-понгу, команда Бюро по волейболу играла в первенстве района. И во всем этом мой папа принимал активнейшее участие и с успехом. Он и болельщиком меня сделал – мы вместе смотрели матчи, и папа объяснял правила и рассказывал про доверенный футбол. Однако такие счастливые мгновения выпадали нечасто – мой папа принадлежал к многочисленному племени «командировочных отцов» – жизнь состояла из его отлучек на месяц на тепловые электростанции от Щекино до Южно-Уральска и Ангарска, перемежающихся неделями, а то и несколькими днями побывки дома.

А остальное время меня воспитывала мама, которая настоящей болельщицей, конечно, не была, но...

Полковник Петр Костинский, подполковник Яков Костинский, инженер-лейтенант Бастиона Костинская. Семейный архив

Такая была эпоха – большая часть страны ходила в погонах, и в семье моих деда и бабушки с материнской стороны из четырех детей трое стали офицерами. Вот даже моя мама... Она окончила школу в Киеве в 40-м году, тоже с «золотой рамкой», и поступила в Киевский Политехнический Институт на престижный радиофакультет. Однако в сентябре 41-го его пришлось бросить и с одним из последних эшелонов вырваться из родного города – средний брат Миша добыл для своей мачехи и сестры эвакуационные удостоверения, без которых не пропускали на левый берег Днепра. А все оставшиеся под оккупацией родственники вскоре были убиты. После труднейшей дороги мама оказалась в Восточном Казахстане, отработала год в колхозе и на минометном заводе, а затем была зачислена в Ленинградский Военный Гидрометеорологический Институт, и 9 января 43-года – ровно в день своего 20-летия – принесла воинскую присягу. Неудивительно поэтому, что все ее подруги и друзья тоже были офицерами.

К тому же все то время было буквально пропитано воспоминаниями о тогда еще совсем недавней войне. В Петровском парке, где в войну стояли зенитки, оставались воронки от немецких бомб. Помню, как совсем маленьким спустился в одну из них, и показалось, что она очень глубока, а неба над головой – только голубой клочок... Дом «Военторга» на Ленинградке и здание Глазной больницы на Горького были покрыты противовоздушным камуфляжем – деревьями, их покрасили только в начале 60-х. Кругом было полно военных – и Академия Жуковского, и еще множество всяких подразделений, а на Ходынском поле вообще было их царство. Там и моя мама потом работала, а я, уже будучи школьником, ходил обедать к ней в столовую мимо часового – автоматчика в тулупе.

Понимать понемногу, что к чему в футболе, под влиянием отца я начал довольно рано и вполне отчетливо помню некоторые матчи 54-го года. Старые болельщики, вспоминая «команду лейтенантов», закатывали глаза, вздыхали: – Федотов! Бобров! Гринин! Никаноров! Нырков! А возрожденный ЦДСА только поднимался после трагедии 52-го. Но в других-то видах спорта ЦДСА был безоговорочным фаворитом с самыми лучшими игроками – чемпионами СССР, Европы и мира! Баскетбол Алачабяна, Бочкарева и Семенова, волейбол – Чеснокова, Мондзалева и Буробина! Мы даже легкоатлетическую эстафету по Садовому кольцу 2-го мая выигрывали чаще всех.

А главное, хоккей – русский, в котором у нас был лучший вратарь Мельников, лучший хав Панин, лучший форвард – Осинцев, и канадский – где имена армейцев звучали, как молитва, список личного состава небесных сфер. Они были вне сравнения с другими игроками сборной – Бобров, Бабич и Шувалов – это, конечно, были боги – всеведущие и всемогущие. Я во все вот это просто не мог не влюбиться, и это было мое первое в жизни решение, которое я выбрал самостоятельно и вопреки предпочтениям любимого папы.

Шарж из Интернета

Вот он, вернувшись как-то раз из очередной командировки, и обнаружил, что его сын – готовый болельщик ЦДСА. У отца хватило такта уважать мой выбор, как и во всей дальнейшей жизни. Папа утешался только тем, что футбольный «Спартак» – чемпион, а команда сына держится где-то в районе третьего места. Ничего, зимой чаще отводил душу я, и постепенно мы нашли такой *modus vivendi*, который позволял сосуществовать без обид и конфликтов, но, конечно, особенно с возрастом – не без подначек по поводу «успехов» команд друг друга...

Футбол в моем детстве надолго стал моей любимой игрой. Я рос в окружении настоящих болельщиков, увлеченных футболом, помнящих великих еще довоенной поры, критичных, в том числе и к своим. Футболом интересовались серьезно, это был один из важнейших предметов обсуждения в курилках.

Задний двор БПК на Нарышкинской. Я за любимым делом. Семейный архив

Иногда в БПК в компанию десятка настоящих болельщиков зазывали бывших футболистов на «вечера встреч» в комнатах отдела Пуска и наладки котлов. Лучшие всего, помню Портнова – бека «команды лейтенантов», который основным не был, но играл частенько. Его привел кто-то из знакомых с ним сотрудников. Я сидел, не дыша, мне было-то лет шесть – а

передо мной настоящий живой футболист ЦДСА, еще того – легендарного. Помню, как он со вздохом сказал, что перед одним из решающих матчей с «Динамо» Кочетков травмировался, и было известно, что играть ему, а его трясло, и он вспоминал об этом вдруг задрожавшим голосом: – Конечно, кто – Кочетков, и кто – Портнов. Не верили в меня...

Но он тогда выиграл. Помнится, ни разу в карьере не набрал матчей на золотую медаль, но в тот раз команду выручил, и она первое место взяла.

Футбол я любил не только смотреть, но и играл в него сам. На заднем дворе, отгороженном от Петровского парка зданием виллы, два дерева назначались штангами ворот, в которые били волейбольным мячом мальчишки – сыновья сотрудников БПК, а я чаще был вратарем и, конечно, говорил, что я – Разинский, как вратарь ЦДСА. После того, как пропустил гол, немедленно получал от товарищей – «вратарь-разиня». Очень переживал и за себя, и за то, что у кумира такая фамилия. Иногда в обед или после работы выходили погонять мячик вместе с нами наши отцы и их коллеги. Правда, чаще взрослые сами затевали свои игры – в основном, в волейбол.

Туда же на задний двор выходила и пристроенная к дому каменная терраса, а под ней был устроен грот. Из грота под дом вел лаз. Ребята говорили, что это подземный ход, который ведет к кладу, спрятанному Рябушинскими, когда те убежали из России¹⁵. Все мы пробовали туда протиснуться, но уползти дальше, чем метра на два не удавалось – дыра становилась совсем тесной и темной. До сих пор интересно – где же тот лаз заканчивался?

В том, что дом содержит тайну, мы не сомневались, а тут еще году в 56-м вдруг приехали из Америки какие-то внучатые Рябушинские. Тогда это было двойной сенсацией: во-первых, из самой Америки, в которой живут буржуи, а, во-вторых, они прикатили на совсем новенькой, не виденной нами до того «Волге». Американские Рябушинские обошли виллу, а потом попросили показать им барельеф лебеда в вестибюле. Я этот барельеф помнил, но к тому времени его заставили какими-то канцелярскими шкафами. Институтские мужики поднапряглись, растащили их, и визитеры простояли перед барельефом минут десять. Мы, пацаны, были уверены, что этот барельеф как-то связан с легендарным кладом, и пытались подсмотреть, что они будут с ним делать. А они просто постояли у барельефа с серьезными лицами, вздохнули и ушли...

Вторым после футбола главным занятием была игра в войну. Особенно здорово было играть, когда музкоманду Жуковки, что стояла у нас за забором, расформировали, а от них в казарме остались целые ящики погон разных цветов, с разными эмблемами и лычками. Такой экипировки не было ни у кого на много улиц окрест. Играли мы там же, на «заднем дворе», за которым простирались какие-то сараи и казармы, в частности, еще одного военного оркестра, которые тогда были любимой и непременной деталью каждой серьезной воинской части. Оттуда, как и со стороны музкоманды Жуковки, нас регулярно потчевали образцами советского маршевого искусства.

Третьим любимым занятием детства, быстро вышедшим на первое место, стало чтение. Одним из стимулов к скорейшему им овладению были поздние сеансы в кино. С тех пор, как мне исполнилось года четыре, родители повадились на эти сеансы ходить. Папа бывал в Москве мало, и они с мамой стремились побыть вдвоем, они ведь были еще совсем молодыми людьми...

Меня уговаривали, что я уже взрослый, но, поскольку было очевидно, что одному поздним вечером мне оставаться страшновато, они просили кого-нибудь из соседок заглядывать ко мне время от времени. Хотя мне и приказывали спать, но я дотягивал до родительского

¹⁵ Уже после выхода первого издания этой книжки прочитавшая ее моя бывшая соседка по «Черному Лебедю» рассказала, что клад, действительно, нашли – там были семейные иконы Рябушинских.

возвращения, борясь со сном и страхом одновременно. Примерно тогда я стал учиться читать и в четыре с половиной уже знал все буквы. Помню, как я вдруг осознал, что не веду по странице пальцем, а удерживаю строку взглядом и не складываю в уме слоги, а прочитываю слово целиком. Так ждать родителей оказалось намного легче...

Отец очень заботился познакомить меня с книгами обязательной с его точки зрения программы – «Робинзоном Крузо», «Путешествиями Гулливера», Жюлем Верном, а позже – «Спартак» Джованьоли и ставшими моими любимыми «Уленшпигелем» и «Бравым солдатом Швейком». Совмещение двух удовольствий – чтения и футбола – наступило несколько позже – во втором классе со знакомством с газетой «Советский Спорт». Много лет спустя сочетание «футбол и чтение» превратилось в триаду «Футбол – чтение – писательство» и породило, в конце концов, эту книжку.

Были и развлечения экзотические, о которых я привык думать, как о недостижимом счастье. Например, когда мама отправлялась в ГУМ и брала меня с собой, мы первым делом шли на 2-ю линию и поднимались на 2-й этаж. Там на балконе со стороны улицы 25-го Октября (Никольской) на огромном столе стояла игрушечная железная дорога – там были горы и долины, автодороги, маленький вокзальчик, а между всем этим по кругу носился, то исчезая в тоннелях, то появляясь на поверхности, поезд с паровозиком впереди. Когда он проезжал дорожный переезд, опускался маленький шлагбаум, а когда миновал – поднимался. Мама могла спокойно оставить меня там хоть на час, абсолютно не сомневаясь, что я оттуда никуда не денусь.

Железная дорога – несбыточная мечта любого тогдашнего советского мальчика, как и pedalный автомобиль – я даже не мечтал об этом и не пытался просить у родителей, понимая, что и не найти его, и не по карману это нашей семье. Уговаривал себя, что мое умение кататься на двухколесном велосипеде, которому в 5 лет научил меня папа, куда более достойно взрослого парня, чем эта детская забава, но глубоко внутри себя, мечтал, конечно...

Наш Динамо-стадион

За окнами «Черного лебедя» простирался Петровский парк, и до стадиона «Динамо» было всего метров четыреста, там чуть ли не каждый день вместе или по отдельности играли все пять московских команд, и у нас в комнате было не просто слышно стадион – каждый его вздох. Я быстро научился различать по интенсивности и характеру рева трибун, когда забили гол, а когда – мимо. Однажды мы играли с Паровозами, так я счет 5:1 в нашу пользу точно по звуку посчитал, не видя игры.

В первые походы на футбол я отправлялся на плечах отца. Шли по Нарьшикинской аллее, на углу которой с Красноармейской улицей была пивная, болельщикам более молодого поколения известная как «Семь дорог». Прожило это заведение долго, я успел туда попасть уже взрослым, но в 90-е ее снесли – теперь там ограда церкви, восстановленной из склада вещевого довольствия Жуковки. Рушатся святые места!

Даже не знаю, что тогда доставляло большие удовольствия – футбол, от которого я приходил в восторг, как от мороженого, или то, что приехал папа. Во всяком случае, ощущение, что футбол – это праздник, осталось на всю жизнь.

Тогда «Динамо» был единственным в Москве полноценным стадионом. Серые казавшиеся мне очень высокими трибуны, переполненные ряды. В дни матчей вокруг стадиона змеей извивались кордоны солдат Железной дивизии имени Дзержинского, они мне ужасно нравились, как все военные в то время, а от полевых радиостанций за спинами у некоторых бойцов я вообще был в полном восхищении (я же не знал тогда, что они – МВД). Конная милиция приезжала на матчи целым эскадронам. В дни важных игр перекрывали Ленинградское шоссе¹⁶, а метро работало только на выход.

Перед входами рядом с билетными контролерами кучковались стайки пацанов с жалобными рожицами, тихонечко тянущие: – Дяденька, скажи, что я твой сын... Сердобольные давали везунчикам руку и проводили мимо билетеров, после чего дети обретали свободу и дальше действовали на свой страх и риск. Таких и прочих безбилетных на трибунах всегда набиралось предостаточно, и, хотя у отца и его друзей билеты были всегда, сидели по трое на двух местах, по четверо на трех, но скандалили из-за мест редко – как-то, видимо, сочувствовали зайцам... На Южную трибуну, где не было ступенек, заезжал на своей тележке с колесиками из подшипников и безногий во флотском бушлате – такие были популярны у инвалидов, потому что теплые и не надо было подкорачивать, как шинели. Хоть и говорят, что их всех повиселяли из Москвы, это не так – работавшие в инвалидных артелях уцелели и в 50-е годы оставались в Москве еще во множестве, и вот даже на футбол пробирались, останавливаясь у лестниц, ведущих по трибунам вверх. Сильно позже стали пускать колясочников на беговые дорожки вдоль круглых трибун, а в южных городах х – даже на инвалидных трехколесных мотоколясках, а потом и «Запорожцах» с ручным управлением.

Перед началом игры на «Динамо» команды выбирались на поле из тоннеля в углу поля и выстраивались не перед трибунами, а по линии центрального круга и на полном серьезе кричали «Физкульт-привет!». Гостям дарили букеты цветов, которые они, подбежав к трибунам, запускали зрителям. Потом эта традиция угасла, и только однажды, уже в 69-м, вдруг капитан приехавшего в Москву «Пахтакора» появился на поле с огромным букетом желтых цветов и вручил его нашему вратарю Юрию Пишеничникову, который только что из Ташкента перешел к нам, а я случайно уже знал, что желтый – цвет измены. Но мы их вздули, несмотря ни на какие букеты.

¹⁶ ныне – это Ленинградский проспект

Мне ужасно нравилось, как на «Динамо» показывают счет. На башнях Запада и Востока на больших белых кругах значились большие черные цифры, а когда забивали гол, круг переворачивался, и на той стороне оказывалась другая цифра. Никак я взять в толк не мог, как тот, кто в башне, узнает, что пора переворачивать круг. А потом однажды, когда народу было не так много, как обычно, и на круглых трибунах были прорехи в рядах болельщиков, после гола я увидел, как какой-то человек опрометью бросился к башне, открыл дверь сбоку, и тогда круг перевернулся. Секрет был разгадан!

Да, и ворота футбольные тогда были другие – не такие, как сейчас, а полосатые, как пограничные столбы. Белые ворота я в первый раз увидел только на открытии Лужников. За пять минут до конца матча обязательно звучал гонг. Отец мне рассказал, что однажды Бобров после гонга успел две штуки заколотить, и я долго надеялся на магический эффект этого звука – сигнала к последнему штурму. Уходили тоже не вразброд, а строились в центральном круге и кричали на прощание «Физкульт-ура!» А мальчишки, подававшие мячи, выдергивали угловые флажки и убегали под трибуны, и это означало для меня, что матч совсем окончен.

Развлечений в Москве в те годы было намного меньше, чем нынче, и на футболе были сплошные аншлаги. Интеллигентная публика на трибунах была в порядке вещей, может быть, из-за крайней скудности других приложений ума за пределами профессиональной сферы, и большей безопасности футбола для анализа и дискуссий, чем даже театр или литература.

На Севере концентрировался бомонд: генералитет, знаменитые актеры – МХАТовский Яншин был завсегдатаем, писатели – я видел там Константина Симонова. Много позже встречал там и известного теледиктора Кириллова. Болели культурно, однако ж вполне темпераментно, свистели в два пальца, на Севере – не матюкались, туда ходили с дамами, на круглых трибунах – вполне. На Востоке мужички пивко попивали и «белую головку» (так назывались водочные поллитровки) под скамейками разбулькивали, но почти никогда – «в хлам». На стадион все же шли смотреть футбол. Милиционеры, между прочим, вели себя при этом абсолютно спокойно – изредка выводили только совсем «перегретых». И вот чего не было на московских трибунах в 50-е и 60-е – так это остервенения, не было смертельной вражды. Болельщики разных команд друг с другом вполне без рук трепались в брехаловке, ну, могли, в крайнем случае, послать... В Киеве все, конечно, было иначе – чужим там надо было вести себя крайне осмотрительно.

Москва всегда болела объективно, когда свои хулиганили, могли и засвистеть, могли и чужому похлопать за красивый финт. Московских команд в классе «А» всегда было не меньше четырех, изобилие дерби приучало к относительно равному количеству болельщиков с обеих сторон, к тому, что даже в матчах с иногородними на трибунах всегда находились болельщики других клубов, и к относительно объективному судейству.

Тогдашний комплекс «Динамо» – это был не только футбол. Жизнь клубилась по всей его территории, и, раз попав на стадион, оттуда можно было не уходить часами... На Малом поле летом играли динамовские дублеры, а зимой его использовали под русский хоккей. На Большой арене заливали ледовые дорожки, и я там видел первенство Европы по конькам, на котором победил Евгений Гончаренко. А для канадского хоккея использовали площадку у Восточной трибуны. Вокруг овала арены располагались открытые корты для разных видов спорта, и еще в 60-е там проводили даже решающие матчи первенства СССР по волейболу. Как-то раз, гуляя по стадиону, на баскетбольном корте, где зрители попросту стояли вокруг сетки, огораживающей площадку, мы обнаружили международный матч женских команд по баскетболу. Советской команде противостояла северокорейская в невиданной форме – блестящей шелковой с номерами и на трусах, чего у нас тогда не водилось. Правда, играть корейки совершенно не умели – видимо, развитие этого вида в их стране началось и ограничилось приобретением импортной формы.

Там же по соседству располагались и городошные корты, на которых мы с родителями как-то смотрели финал кубка Москвы по этому замечательному, ныне исчезающему виду спорта. В Москве городошников Вооруженных Сил представляла почему-то команда под названием ВМФ. Москва, конечно, порт пяти морей, но... Между прочим, городки еще очень долго были популярны в народе, и когда мы в 60-м году переехали в новый дом на Хорошевке, соседские мужики на пустыре у помойки тут же разбили городошную площадку, и целая компания проводила там время часами.

В Большую арену были встроены офисы общества «Динамо». Туда я попал, когда маму включили в состав избирательной комиссии, которая использовала какую-то важную комнату динамовского руководства. В ней стояли разные трофеи этого нелюбимого мной общества, в том числе – незадолго до того завоеванный Кубок СССР. Мне даже разрешили его потрогать, но я отказался – конечно, надо бы сказать, что из гордости и неприятия динамовцев, но в четыре года я до таких высот сознательности не поднимался и просто застенялся.

И, да, с этими выборами та же история, что с лозунгом «да здравствует годовщина». Как-то раз мне родители сказали, что в воскресенье мы пойдем на выборы. Само собой, избирательный участок оказался все на том же стадионе «Динамо», и я по дороге гадал, как будет протекать процесс выбора. А когда мы пришли, папа с мамой получили бюллетени и сказали, что я могу их бросить в щель урны. Я пришел в недоумение и, по-моему, огорчил родителей то ли тупостью, то ли бесчувственностью, потому что не выказал особого энтузиазма – я же ждал, что будут **выбирать**, а оказалось – надо **голосовать**... И это неправильное словоупотребление меня очень долго раздражало, потом перестало раздражать, а сейчас раздражает снова...

Одним из моих самых любимых мест на том «Динамо» начала 50-х была брехаловка. У Западной трибуны напротив ближнего к Петровскому парку выхода из метро на металлических фермах висела таблица первенства СССР. Она мне очень нравилась, потому что состояла из вытыленных из фанеры фигурок футболистов, раскрашенных в клубные цвета и расставленных в порядке текущих мест в первенстве. Правда, точно были разрисованы только московские и другие серьезные клубы, а прочих размалевывали в фантастические сочетания – лишь бы поярче. Дома я себе такую вырезал из картона.

В брехаловке практически всегда отиралась компания болельщиков – от трех-пяти, до нескольких сотен – после матчей или в выходные. Там судили и рядили, запускали слухи или откровенные парашаи, но, как правило, было несколько серьезных мужиков, знавших футбол чуть не с Бутусовых и Чесноковых, тех еще, дореволюционных. Они грамотно анализировали игру, критически разбирая, в первую очередь, игру своих. Я у них учился. Тогда даже пацаны знали правила, как следует, и болели, глядя на поле, а не фанатели.

Наш сосед инженер дядя Коля Каюков, живший с женой на первом этаже в четырехметровой комнатухе – бывшей привратницкой – был таким болельщиком и наркоманом брехаловки, что мог проводить в ней часы, и выдергивать его оттуда приходилось либо его жене – тете Шуре, либо – по ее просьбе – кому-то из институтских мужиков. Запрет жены на посещение брехаловки бравый дядя Коля обходил легко. Само собой, никаких ванн у нас в доме не было – меня до пяти лет купали в корыте, а взрослые, естественно, ходили в баню. И вот, дядя Коля брал мыло, белье и полотенце и... направлялся, само собой, в брехаловку трепаться о футболе. Под конец своего делового визита он в водоразборной колонке на Нарышкинской мочил волосы и полотенце и представал перед супругой с подобающими вещдоками...

А под Южной трибуной, вблизи от Западной, располагались кинотеатр и ресторан, названные без особой фантазии тоже «Динамо». Мы с папой и мамой периодически заходили в оба этих заведения. Как-то, уж не помню по какому поводу, мы всей семьей оказались в динамовском ресторане, а какие-то мужики сильно поношенного вида занесли в него с улицы ящики с вином. Отец остановился вдруг, присмотрелся к ним, а когда сели за стол, сказал: – А

знаешь, кто это? Это ведь Сергей Соловьев и Сергей Ильин! Эти фамилии я уже знал – великих в прошлом динамовцев. Потом Сергея Ильина все же клуб поддержал – он у них числился тренером, а Соловьев вскоре умер.

*Мой родной Петровский парк и компания друзей,
«Черный лебедь» и пивная в окружении аллей.
Вот Жуковка – башни, стены за цепочкою елей,
А с Нарьшикинской налево – там стоит, всего милей,*

*Серый, войском окруженный
И толпой разгоряченной,
Да, конечно, это он,
Наш «Динамо» стадион.*

*На футбол скачу на папе,
Ухватив поля на шляпе,
Мы идем на ЦДСА -
Будем вместе два часа!*

А я и сам болельщик...

В то время, когда я стал понимать такие вещи, как «турнир в два круга» и «игра навывлет», то бишь году в 55-м, все было расписано четко: играли в классе «А» 12 команд с почти неизменными пятью московскими командами, питерским Zenитом, динамовцами Киева и Тбилиси, Шахтером из Сталино¹⁷, часто – куйбышевскими¹⁸ Крыльшиками, остальные – как придется.

1-го мая народ в Москве был на параде¹⁹ и демонстрации трудящихся, а на следующий день, с чувством выполненного долга – пожалте на трибуны на «Праздник открытия футбольного сезона». Перед главным матчем часто проводились всякие эстафеты с мячом и игры мальчишек клубных команд, иногда добавляли какие-нибудь забеги легкоатлетов или выступления гиревиков... А однажды вывели с полсотни фехтовальщиков с красными и синими султанчиками над масками. Задача состояла в том, чтобы срубить у противника султанчик, тогда условно убитый боец вставал до конца побоища на колени, а его «убивец» помогал товарищам разобраться со следующими противниками. Самое настоящее гладиаторское сражение в вегетарианском варианте.

Насколько я могу судить, никакого коммерческого смысла в этом «разогреве» не было – трибуны и так ломались. Скорее, это были пережитки еще дореволюционных клубных спортивных праздников, когда показывали себя разные секции. Потом традиция угасла, потому что настали времена, когда всем стало лень, а появление разогрева нынче связано с тем, что развлечений теперь полно, и надо выигрывать конкуренцию за зрителя.

Заканчивали в октябре, вылетал, как правило, тот, кто только что влетел – мелькали всякие «Торпедо» (Горький), ОДО (Свердловск), «Трудовые резервы» (Ленинград), «Спартак» (Минск). Вошел – вышел. Интрига была наверху. Верх держали спартаковцы и динамовцы. Конечно, именно у них тогда, объективно, был собран цвет советского футбола. В середине 50-х у «Спартака» чуть не весь состав в сборную входил, армейцы же в эти годы подразумевались как «вечно третьи», даже когда и не занимали этого места.

В 55-м у меня случился первый повод для настоящей радости – мы и Кубок у «Динамо» отобрали, и бронзовые медали в первенстве добыли. В финале Кубка мы с отцом были по одну сторону баррикад – он болел вместе со мной за армейцев, во всяком случае – против «Динамо». Игра была сделана в первом тайме – мы забили, нам забили, а под самый перерыв правый край ЦДСА Владимир Агапов с пенальти сделал 2:1. И тут же в ответ на его язвительное замечание, вратарь Динамо ударил его ногой. Потом мальчишки передавали страшные рассказы, что у Агапова на груди отпечатались все шипы Яшина! И мне, пятилетнему пацану, было, как обухом, как же это так – вратарь советской сборной Сам Лев Яшин ударил нашего Агапова! И Яшина, как ипану какую, выперли с поля!

Под трибунами из-за этого разразился скандал, и перерыв между таймами затянулся чуть не на полчаса. Тогда в Кубке замены были запрещены, я предвкушал, как сейчас наши наколотят этим противным динамикам десяток банок. И вот их хав Байков, напялив вместо своей майки яшинскую, весь второй тайм стоял в воротах и ничего не пропустил. Динамики, понимая, что у них за голкипер, отодвинули игру подальше от своих ворот, прихватывая армейцев у центральной линии и ложась под мячи у штрафной. Атака ЦДСА была ослаблена тем, что Агапов после яшинского удара почти не мог бегать, и до динамовских ворот долетело немного, но пару мячей, точно помню, Байков отбил в бросках.

¹⁷ Впоследствии – Донецк

¹⁸ Ныне – самарские

¹⁹ отменен с 1969-го года

При 60 000 зрителей армейцы победили 2:1. Вот состав тех, кто принес нам первый на моей памяти трофей: Разинский, Порхунов, Гришин, Перевалов, Беца, Петров (к), Агапов, Рыжков, Федоров, Емшиев, Беляев.

Скандал продолжился и после окончания матча, да такой, что торжественное вручение Кубка и круг почета были сорваны. Объявили, что Кубок вручат позже. По малолетству тогда подумал, что – не страшно, выиграем еще, а на самом деле, чтобы воочию увидеть вручение Кубка армейской команде пришлось ждать целых 36 лет и сделать это в компании собственного 15-летнего сына...

Между прочим, вполне мог и не дожидаться... В то лето 55-го моим киевским деду и бабке удалось то, что больше не удавалось никогда – они меня, пятилетнего, раскормили до 19-ти килограммов, так что врач потом написал в истории болезни «ребенок хорошо упитан». В Киеве это надо заслужить!

А писал это врач уже в больнице, куда меня доставили с токсической дизентерией в крайне тяжелом состоянии. Самой больницы уже не помню – был без сознания, а вот дорогу туда помню очень хорошо: лил какой-то невероятной силы дождь, из водосточных труб хлестали потоки в эти самые трубы толщиной, но, главное, я видел все это со стороны, как бы с улицы – и машину скорой помощи, и себя самого в ней...

Вероятно, это был такой бред, и, спустя годы прочитав, что многие умиравшие и реанимированные рассказывали, будто бы видели себя так – из «вне себя», не очень удивился... Я потом у мамы сверил свои воспоминания об этой дороге в больницу и получил подтверждение, по крайней мере, насчет сумасшедшего ливня и машины «Скорой помощи» – автобусика, смонтированного на шасси МАЗовского грузовичка.

В больнице, действуя по схеме, мне всадили противодизентерийную сыворотку, но, поскольку в течение двух суток улучшения не наступило, всадили ее же повторно в двукратном объеме. Помирать от дизентерии я перестал и на четвертые сутки пришел в сознание, зато, как и полагается при повторном введении сыворотки, получил анафилактический шок и чуть не помер от него. В моем случае это выразилось в невозможности согнуть ни один сустав, потому что это вызывало невыносимую боль. Пожалуй, это был второй серьезный шанс не написать эту книгу.

Вот так, живой, но неподвижный, я провел несколько дней. Периодически пробовал пошевелиться, и получал за это... Потом все-таки стали появляться кое-какие успехи – задвигались пальцы на руках, стали сгибаться локти. Наконец, однажды без всякой боли согнулось правое колено! Это была такая радость! Как самый тяжелый я лежал не в палате, а в ординаторской, и когда дежурная увидела мой успех, она созвала всех врачей отделения, и они меня поздравляли (а про себя, наверное, решили, что теперь отписываться за летальный исход в детском отделении уже не придется).

Только вот все это время я ничего не ел, и от «хорошей упитанности», которой так гордились дедушка и бабушка, остался 12-ти килограммовый доходяга, наполненный, однако, соответствующим возрасту оптимизмом. Врачи его несколько поубавили, заявив, что в ближайшие два года есть можно только протертое и вареное, несоленое и неперченое – в общем, все то, что я терпеть не могу по сию пору. И для начала с большого красивого ярко-красного яблока срезали кожуру, а потом протерли его на терке. И красота на глазах превратилась в кучку быстро ржавеющей мерзости, на которую смотреть-то было противно, не то, что в рот брать...

Ничего, я все равно через полгода начал колбасу есть и ем до сих пор...

...И, раз остался в живых, продолжил болеть за армейцев.

Объявление состава в те времена начиналось так: – Команда ЦДСА, номер первый – Разинский... Разинского не запомнить было невозможно. Он – один из немногих, кто был в

составе постоянно из года в год. Начав в молодежке еще до разгрома ЦДСА в 52-м, перекаптался где-то годы безвременья и вернулся в воссоздаваемую команду. Стабильно считался третьим вратарем страны – после динамовских Яшина и Владимира Беляева, ездил на мельбурнскую Олимпиаду. Играл он очень красиво – прыжок у него был замечательный, таскал из углов бесподобно, но, как тогда говорили, был у него дефект – чаще мяч парировал, а не забирал наглухо. Черт его знает, может и так, но на мой мальчишеский вкус был лучшим.

Он не только для меня, видно, был незыблем в армейских воротах – за его спиной в дубле вырос Валентин Ивакин, и оттуда без единой игры за основу, попал во вторую сборную страны – уникальный случай! На следующий год он ушел, потому что считал, что у нас ему ничего не светит, и встал в ворота «Спартака» прочно и надолго. Под самый конец карьеры у нас Разинский повадился пенали бить, забил два гола, по-моему, первым из вратарей в истории чемпионатов СССР. Оказывается, хрустальной детской мечтой нашего вратаря было сыграть в нападении, а место в воротах он занимал только чтобы хоть как-нибудь приблизиться к этой цели. Исторический анекдот об этом мне потом рассказал мой старший товарищ Виктор Иванович Самусенко.²⁰

Дело было в 59-м году, когда старшим тренером ЦСК МО снова стал Борис Андреевич Аркадьев, с которым связан первый славный период в истории команды. Во второе свое пришествие в команду Аркадьеву таких успехов добиться не удалось – материал у него в руках оказался поплотнее, чем в первый раз, да и годы брали свое... И вот случился конфуз – армейцы довольно крупно кому-то проиграли. Руководство команды вызвал к себе заместитель министра обороны маршал Советского Союза Гречко, который потом, в 1967-м, и министром стал. Его адъютант в приемной шепнул пришедшим старшему тренеру Аркадьеву, начальнику команды полковнику Калинин и парторму команды майору м/с Белаковскому:

– Ну, ребята, я вам не завидую – злой, как черт!

«Тройка» вошла в кабинет, и штатский (хотя ему и предлагали полковничьи погоны) Аркадьев сел за стол поблизости от маршала, а товарищи офицеры, которым «вольно – садись!» не скомандовали, остались в стойке «смирно».

Маршал все не начинал разговора, а вместо этого брал из стакана на своем столе остро отточенные карандаши и ломал один за другим. Сбавив таким образом внутреннее давление до уровня, когда он мог человеческим голосом разговаривать с интеллигентным Аркадьевым, маршал произнес: – И как это такое возможно?!?! Чего не хватает?!?!

Борис Андреевич своим тихим, слегка заикающимся голосом, ответил, что у команды трудности с вратарями – Борис Разинский не хочет стоять в воротах, а желает играть в нападении, а его дублер – совсем зеленый, и ставить его просто невозможно. А рядовой Басюк в команду не прибыл...

Маршал Гречко, обладавший всеми навыками штабиста, мог похвастать и отличной памятью, и не успел Аркадьев договорить, как замминистра обороны уже прорычал адъютанту: – Командующего Прикарпатским округом!

Через мгновения телефон звякнул, и по громкой связи раздался бравый рапорт:

– Товарищ маршал Советского Союза, по Вашему приказанию командующий Прикарпатским военным округом генерал-полковник танковых войск Гетман!

– С каких пор, генерал-полковник, Вы перестали быть военным человеком?!

На том конце провода поперхнулись и просипели, да как же, он всегда...

²⁰ Виктор Иванович Самусенко (1940–2015), известный на сайте red-army.ru как OldFan. В 80-е-90-е сотрудничал в КЛС и готовил тогдашние, ныне уже легендарные программки к матчам. Там он познакомился с многолетним врачом команды Олегом Марковичем Белаковским, который и рассказал ему эту историю.

– Военным человек остается до тех пор, пока беспрекословно выполняет приказы старших по званию! Вам две недели назад было приказано направить рядового Басюка в распоряжение ЦСК МО! В чем дело? Почему не выполнен приказ?!?!

– Товарищ маршал, все будет немедленно исполнено!

Оказалось, что зам Гетмана по физподготовке, страстный фанат львовского СКВО²¹, просто засунул приказ московского начальства под сукно: всегда есть шанс, что большие чины по прошествии времени забудут, что приказали. Но тут не сvezло – с должности зам слетел с громовым треском, потому что из-за какого-то физкультурника и какого-то рядового Басюка генерал-полковник выволочки от замминистра обороны получать не желал. В мгновение ока рядовой оказался в Москве и приступил к тренировкам. Если не ошибаюсь, сыграл он за московских армейцев в трех или четырех матчах, а потом был отчислен – бухал...

В 62-м Разинского в одночасье вытерли за компанию с Апухтиным, Линяевым и Орешниковым, тогда говорили – за пьянку на выезде. Сам Борис Давидович как-то объяснялся в прессе, что у него конфликт был с тренером. Так или иначе, его карьера в ЦСКА закончилась, а игра у наших сломалась... Я потом долго спотыкался о фамилию вратаря в составе армейцев, настолько привык к Разинскому. А он «пошел по рукам» – играл за «Спартак», за Киев, за Одессу, там, кстати, пару раз выходил нападающим, но уже никогда не достигал того уровня, на котором держался у нас. Такого стабильного и так долго играющего вратаря в ЦСКА потом не было, пожалуй, аж до самого Астаповского.

За номером «два» (правого защитника) в моей детской памяти осталась вереница имен, начинавшаяся с Алешина, и имя им – легион... А вот стоящий по сию пору перед глазами зрительный образ: во всю широченную спину огромная «тройка», которую носили центральные защитники – это Анатолий Башаикин, столп обороны и ЦДСА, и сборной. Тогда еще доигрывали «дубль-вэ», и номера были довольно строго регламентированы: со второго по четвертый – защитники, «5» и «6» – хавы, «семерка» и «11» – края нападения, «девятка» – центрфорвард, «8» и «10» – инсайды. Даже выход игрока под номером, не соответствующем расстановке, был на полном серьезе тактическим ходом, особенно если это малоизвестный дублер.

Башаикин запомнился несокрушимой скалой, о которую расшибались все вражеские атаки. Странно было потом читать, что вот там Башаикин ошибся, и там. В моей памяти он остался безупречным. Потом, когда он – последний из игроков поколения «команды лейтенантов» – сошел, в центре обороны появились Михаил Ермолаев и Виктор Дородных, позже пробовавшиеся и в сборной. А уже вскоре заиграл совсем молодой Альберт Шестернев, который в моем представлении добился даже большего, чем его великий предшественник.

Тогда через ЦДСА год за годом шла вереница игроков из разных команд, в основном, из окружных и флотских, но даже я со своей отличной детской памятью всех запомнить не мог. Прочно осталась в памяти целая группа из свердловского ОДО, они играли у нас очень долго – Николай Линяев, Дмитрий Багрич, дотянувший аж до 70-го, и Эдуард Дубинский – исключительно злой агрессивный защитник, который первым из армейцев после ухода Башаикина прорвался в сборную. Он стал одним из практически незаменимых игроков, пока на первенстве мира в Чили в 1962-м югослав Муич не сломал ему ногу. Потом Эдуард долго лечился, вернулся, но скоро сошел и умер 35-ти лет от роду от саркомы, возможно спровоцированной тем переломом.

Линяев поначалу играл в полузащите, игрок был скоростной, с неплохим пасом и ударом. При том, что хавы тогда забивали немного, не раз отличался в атаке. Потом его часто стали отодвигать в оборону, и он вместе с Виктором Дородных составил пару центрбеков.

²¹ так назывались окружные команды – Спортивный Клуб Военного Округа – после переименования их из ОДО (Окружных Домов Офицеров).

Багрич – тоже редкий случай игрока, который держался у нас при всех тренерах. Сначала – просто крепьши, несколько неотесанный, но с годами – все более прочный, а с середины 60-х – даже безошибочный, с прекрасным отбором. Я его очень любил – и за долголетие службы, и за надежность, и за то, каким он был волевым игроком. И просто мужик был симпатичный – с болельщиками разговаривал дружески, и с нами – пацанами. Он, между прочим, и в атаку по краю хаживал, что тогда было не очень распространено, а чужих нападающих прихватывал плотно и считался одним из самых трудно проходимых. В сборную его приглашали мало – на левом краю все время были сильные конкуренты, а к Багричу прилипла репутация вечно третьего в стране... Последний матч Дмитрий сыграл в чемпионском 70-м году и золотую медаль не получил, а жаль...²²

Как раз на позиции левого бека в сборной фаворитом был поигравший у нас в нападе-нии Анатолий Крутиков, которого нашли в московском «Химике», но упустили в «Спартак». Ничего сверхъестественного он в ЦДСА не показывал и результативностью не блистал, а вот у красно-белых вдруг оказался в линии обороны – и как будто там и родился. Вот тут его скорость пригодилась и в отборе, и в рейдах по краю, которые он стал предпринимать систематически и остро. Достаточно быстро заиграл за сборную, а я все не мог простить предательства – помнил, что начинал-то он у нас.

Были у нас и классные хавбеки – Иосиф Беца и Александр Петров, хотя с этим у нас все-гда было напряженно. Игнали у нас и яркие нападающие, тогда и вообще забивали побольше, чем нынче, и идеологически считалось, что дело армейских спортсменов – атака. «Красная Армия будет самой нападающей из всех нападающих армий мира», как говорилось в Полевом уставе 39-го года. В передней линии у нас играли Василий Бузунов, отличавшийся сумасшед-шим по силе ударом, и качественные форварды Владимир Агапов, Виктор Емьшев и Юрий Беляев. В какой-то год армейцы даже забивали больше всех и на радостях учредили приз Григо-рия Федотова – самой результативной команде, да так с тех пор до 2002 года ни разу его и не выиграли. И в памяти у меня крепче всего осела именно игра защитников, может быть, потому, что в самых важных играх основная нагрузка падала именно на них. И в сборную, по большей части, попадали и задерживались там именно наши беки. Уж что-что, а защита у нас тогда была сильна...

²² Этот фрагмент процитирован в статье Бориса Валиева в Советском Спорте «Неповторимый Дмитрий Багрич» 25 сен-тября 2004 года <https://www.sovsport.ru/football/articles/166447-nepovtorimyj-dmitrij-bagrjch>

Год великого перелома

56-й год – последний перед поступлением в школу – оказался переполненным событиями, серьезно повлиявшие на всю мою дальнейшую жизнь. Еще зимой к нам во двор заглянул коклюш, перезаразил всех детей и меня не миновал. Я вспоминаю о нем с теплотой, потому что за время этой долгой, но необременительной болезни ко мне поменьше приставали с разными обязанностями и не мешали читать. Правда, не выпускали на улицу, но это оказалось к лучшему!

Вдруг в феврале всё БПК загудело, как улей в период интенсивного медосбора. К нам в комнатку, отделенную от учреждения только метровым коридорчиком, стаями забегали сотрудники – обменяться мнениями по фантастическому поводу – в парторганизации зачитали письмо XX съезда КПСС и речь Хрущева о культе личности Сталина. И теперь партийцы пытались перевернуть полученную информацию, а беспартийные – выяснить у них как можно больше деталей, потому что в открытой печати ничего не публиковалось. На меня никто не обращал внимания, считая, что я слишком мал. Они были, конечно, правы – деталей большей части их разговоров я не понимал, но ухватил главное: ЧТО-ТО НЕ ТАК, как мне все время говорили по радио. Дедушка Сталин, похоже, не такой уж хороший! **Не надо слепо верить всему, что мне говорят!** Может быть поэтому, став старше, я с таким энтузиазмом воспринял девиз Маркса: De omnibus dubitandum²³, а уже студентом, на своей шкуре осознал, что это – главный принцип научного мышления.

Почти сразу за этими событиями последовала волна публикаций о жертвах сталинских репрессий, которые я поглощал, как и любую печатную информацию, а она запечатлевалась в детском мозгу так, что вырубил только топором. И тут выяснилась интересная вещь: оказывается, родители прекрасно знали имена тех расстрелянных военачальников – Тухачевского, Якира, Уборевича, а киевская бабка хранила в сердце самые теплые чувства к Постышеву, долгие годы бывшему партийным лидером на Украине.

Как-то мама упомянула, что перед войной в старших классах им приходилось чуть не каждый день закрашивать на фотографиях в учебнике истории то одного деятеля, то другого... У нас в семейном альбоме тоже обнаружился интересный образчик: мама четырех лет, т. е. это 1927 год, и ее старшие братья, но пространство между ними аккуратно выстрижено ножницами – сейчас уже некого спросить, кого из родственников, о которых вспоминать было опасно, таким образом устранили.

²³ (лат.) подвергай все сомнению. Злая ирония истории состоит в том, что формальные исповедники марксизма как раз любые сомнения искореняли огнем и мечом.

Дети семьи Костинских. Слева направо: Миша, Базя, Яша и Петя. В центре кого-то устроили. Семейный архив

Вот и портреты Сталина почти сразу со стен исчезали, а когда мы на майские праздники пришли на «Динамо» на открытие сезона, оказалось, что и его статуя у Северной трибуны куда-то делась, и от нее остался только пустой пьедестал.

Оказалось, что и дядя Коля – Николай Михайлович Иваницкий – коллега отца, с семьей которого, жившей полуэтажом ниже, у нас были самые добрые отношения, и Виктор Алексеевич Ларичев, старейший работник БПК, сотрудники Рамзина – были тоже осуждены и отсидели по процессу Промпартии... Эту информацию мне переварить не удалось – дядя Коля был интеллигентнейшим человеком, и совместить в сознании его образ с понятием «преступник» у меня никак не получалось.

А в начале лета произошло то, на что я и надеяться не мог: на Динамо при большом стечении народа провели матч ветеранов ЦДСА и «Динамо». Тогда я увидел на поле ВСЕХ наших великих. В воротах Никаноров, в защите – Чистохвалов, Кочетков и Нырков, в полузащите Водягин и Соловьев, великая пятерка нападения – Гринин, Николаев, Федотов, Бобров, Демин в полном составе. Это был их последний матч. Ждал я, конечно, чего-то невероятного, а увидел медленнодвигающихся мужиков, у которых их мастерство проблескивало лишь время от времени. Наши пробовали играть на Боброва, но у того ничего особенного не получалось... Не то, чтобы я разочаровался, а огорчился. Да еще проиграли 0:1. По-моему, Шабров нам забил. И все же я их всех видел на поле! Года через полтора не стало Григория Ивановича – он ушел неполных сорока, первым из той когорты.

От того лета осталось и еще одно важное воспоминание. Незадолго до очередной годовщины начала войны я стоял на крыльце нашего дома и услышал по радио из комнаты соседей стандартное для того времени перечисление основных вех Великой Отечественной: вероломное нападение, разгром немцев под Москвой, Сталинград, Курская дуга, Победа... И вдруг осознал какое-то царапающее несоответствие: Красная Армия – «непобедимая и легендарная», так меня учили, а разгром немцев – под Москвой?!

Я уже ездил летом в гости к бабушке и дедушке в Киев, и знал по собственному опыту, что на поезде туда – 15–16 часов. Я и географическую карту помнил и знал, что от Киева до ближайшей границы Советского Союза – еще столько же, сколько от Москвы. И как же получилось, что первый разгром немцев – под Москвой, если немцам даже на скором поезде от границы – больше суток? И эта мысль надолго засела, как заноза²⁴, пока новые источники информации, ставшие доступными после падения СССР, не внесли в этот вопрос ясность... Для нашей семьи та война стала огромной катастрофой, в которой бабка только с материнской стороны насчитала 35 убитых, из коих пятеро – в боях, а старики, женщины и дети по ямам Киева и Волыни.

Еще одно принципиальное событие ознаменовало то лето: уже адресированный выносить на помойку мусорное ведро, я был отправлен мамой в булочную. Надо было протиснуться между прутьями забора казармы музкоманды, дворами выйти на Красноармейскую, а там до бревенчатого домишки булочной оставалось метров 100. Добрался я до нее без проблем, только позабыл, что надо сначала выбить чек в кассе, а уже потом идти с ним к продавщице. Ну, да ничего, добрые люди подсказали, по-моему, даже пропустили без очереди, и я выполнил свое первое боевое задание – купил батон за рубль-35²⁵. Сейчас, наверное, только совершенно безумный родитель отправит шестилетнее чадо в булочную без конвоя, даже если

²⁴ Об этом мучившем меня всю жизнь противоречии я впоследствии написал большой текст, который так и называется: «Почему же под Москвой?» http://www.yu-b-shmukler.narod.ru/time/Pochemu_1.html

²⁵ в ценах 1947 года. При деноминации 1961 года превратился в «батон за 13», каковым и известен более молодому поколению. Это было единственное изделие, цену которого округлили в меньшую сторону.

надо просто выйти из двора. Но тогда это было в порядке вещей, и я отнюдь не раньше всех был пристроен в семье к делу.

И, наконец, главное, что случилось в тот год, было важнее и крушения авторитета дедушки Сталина, и выполнения первых самостоятельных заданий. Мама решила, что окончательно выздоровела для того, чтобы возобновить работу. У нее были серьезные резоны для этого: она была совсем молода, не утратила интереса к профессии и очень страстно переживала обстоятельство, которое сейчас покажется ничтожным или непонятным. За время болезни у нее истек срок действия паспорта, и в новый, поскольку она не работала, в графу «социальное положение» всадили обидное – «иждивенка». Еще одной причиной, по которой мама стремилась вернуться к работе, было элементарное безденежье, из-за которого отец не раз уезжал на свои электростанции, оставив нам с мамой почти все командировочные.

Перед тем, как выйти на службу, мама решила со мной съездить в гости к старшему брату Пете, служившему в Балаклее в артиллерийском арсенале. По иронии судьбы после войны полковника Петра Костинского назначили туда, откуда весной 42-го он, раненый, чудом выскользнул из окружения, которое заворачивалось над нашими войсками, наступавшими на Харьков.

Та поездка оказалась для меня полной открытий. Уже на станции Балаклея я впервые обнаружил, что на вокзале может не быть перрона, и надо спускаться прямо на землю (даже на большинстве подмосковных дачных станций уже были высокие платформы). Дядя Петя встречал нас на станции на машине с какой-то странной не виданной мной прежде эмблемой – круг, разделенный на четыре части – накрест белого и голубого цвета. В Москве я таких не встречал – там добежали свой путь последние «эмки», улицы заплотнялись «Победы» и откровенно передранные с «Опель-Кагета» «Москвичи»²⁶, появились самые первые «Волги», еще много было на улицах «виллисов» и «студебекеров», а вот такой, как у дяди Пети – не было. Только взрослым я установил соответствие между запомненным мной в детстве знаком и мировой маркой BMW... В Москве почему-то эти трофеи быстро вышли в тираж, а на периферии их бережно холили и лелеяли, и вот – кое-что дотянуло до середины 50-х, спустя минимум 11 лет после того, как их взяли с бою... И телефон у полковника Костинского в квартире стоял не такой, как висел у нас на Нарышкинской на лестнице, – цифр на диске не было, а был такой шпенек. За него надо было подергать диск, тогда на узле связи раздавался звоночек, и телефонист на узле связи говорил: – Алло? И надо было назвать ему номер, с которым хочешь соединиться.

Где-то через неделю после нашего приезда в жизни Балаклеи произошло важнейшее событие – матч между командами арсенала и гарнизона. Трибуны довольно большого стадиона заполнились битком и шумели не хуже московских. Игра была упорной, по-моему, закончилась безрезультатно, но в детской памяти осталось: как же так, играют две армейские команды, а цвета какие-то динамовские – одна команда во всем синем, а другая – для отличия в белых трусах. Я оскорбился – по наивности, а на самом деле, играли в том, что можно было достать – советская текстильная промышленность разнообразием цветовой гаммой не баловала.

Работой, которую нашла мама все на той же Ходынке, была вольнонаемная должность оперативника Главной аэрометеослужбы ВВС. Три дня она ходила на работу, как все нормальные люди, а на четвертый уходила на сутки, а потом день отдыхала. Я часто бывал у мамы на работе, смотрел, как они там составляют карты погоды для военной авиации – красными и синими карандашами разрисовывают контурные карты, показывая антициклоны, циклоны и атмосферные фронты. Мне там можно было постучать на пишмашинке и покрутить арифмометр «Феликс».

²⁶ На морду они были неотличимы, но «Кадет» – трехдверный, а «Москвич» – пятидверный

Все бы ничего, но, когда лето миновало, оставлять меня одного на целый день исключительно под присмотром соседней мама побоялась, а это означало, что мое домашнее детство окончилось. Шести лет отроду я оказался в структуре Советской Армии в лице 495-го детского сада Военно-Воздушных Сил, который дислоцировался на Верхней Масловке.

Идти туда было недалеко – только пересечь Петровский парк. Я детского сада не боялся – все слова, которые положено знать, мне уже были известны. А вот к некоторым особенностям детских коллективов принудительного содержания я готов не был, и это на некоторое время стало проблемой. Попал я в «подготовительную» группу, в которой ребята пробыли вместе года по три, а я – новенький... Раза три возникали драки без соблюдения джентльменских правил – трое на одного...

Приехавший из очередной командировки отец заметил, что я не весел, а, может, и разглядывал следы боестолкновений на моей физиономии, и заинтересовался, как у меня дела в детсаду. Ну, я ему и пожаловался на горькую судьбину. Папа на это ответил, что, чем жаловаться, надо дать отпор, а на возражение, что противников много, сказал, что, если как следует съездить одному, то и у остальных охота отпадет.

Тут же была организована тренировка: используя вместо тренерских «лап» подушку, папа ставил мне удар, учил проводить серии. Главное, сказал он, – постараться акцентировать удар. Не могу сказать, что за пару уроков я овладел техникой, но почувствовал себя увереннее и даже с некоторым нетерпением ждал случая применить свои новые навыки.

Ждать долго не пришлось: через день или два заводила нашей группы и мой главный враг Сережка спровоцировал драку, пока в комнате не было воспитательниц. Мы сцепились и сначала махали кулаками бессистемно, а потом я вспомнил папины уроки, сосредоточился и, не обращая внимания на мелкие тычки, провел правый боковой, подхлестнув корпусом. Удар пришелся точно в нос, а результат поразил всех – и Сережку, и ребят, и меня. Из носа страшной струей хлынула кровь, мгновенно превратив его белую рубашку в красную. Дело было, конечно, не в сокрушительной силе моего удара, а в том, что попался «слабый нос», в котором относительно крупные сосуды располагаются близко к поверхности и достаточно хрупки... Сережка зашелся от рева, не знаю от чего больше – от боли или от страха. Ух, а я-то как испугался! Это ж я его, что там ни говори, что он первый полез.

Когда прибежали воспитательницы и после долгих усилий остановили кровь, они отправили меня в угол по-серьезному – минут на двадцать, а, главное, страшали, что все расскажут моим родителям... Я стоял в углу, и было мне очень мутно и от вида мною содеянного, и от мрачных предчувствий, что мне скажет вечером мама...

...А пришел папа. На инвективы воспитательниц он твердо ответил, что не сомневается, что его сын драку не затевал, а если дал кому сдачи, так это он, папа, меня этому учил и несет за это полную ответственность... А им, воспитательницам, хорошо бы получше следить за порядком во вверенном им подразделении. На том и расстались. Забавно, что с этого дня мы с Сережкой стали лучшими друзьями.

Когда на лето детсад вывезли на дачу по соседству с пионерским лагерем все тех же ВВС, наша подготовительная группа на птичьих правах, но все же протырилась на церемонию открытия смены. Там пионеры маршировали, салютовали, и в завершение, на сладкое, состоялся футбольный матч команд первого и второго отрядов в настоящей нарядной футбольной форме. Это было тогда повсеместно хорошим тоном: торжественная церемония, парад, а потом – футбол...

И уверенность в победе...

Олимпиады в Кортине-д'Ампеццо и Мельбурне – первые, о которых я сам помню отчетливо, хотя и не видел ничего, как и все советские люди. А жаль! Ведь количество и качество триумфов на них оказалось беспрецедентным – победы и хоккеистов, и футболистов в одном цикле случились потом только 32 года спустя – в Сеуле и Калгари, когда мы уже могли наслаждаться этим зрелищем в реальном времени. А тогда это еще и было форменной сказкой про Золушку – в общем-то совершенные новички на международной арене, да еще в таких уважаемых и конкурентных видах победили всех на свете. Так, по крайней мере, у нас говорили, писали и думали – я-то точно был уверен, что мы лучшие всех! Это только потом оказалось, что на футбольный турнир Олимпиады главные силы мирового футбола не ездят, а на хоккейных турнирах играют канадские любители, а у них есть еще и профессионалы – с которыми, вроде как, в мире никто не может сравниться...

И все-таки я и сейчас не стану думать о тех победах уничижительно. Хоккей к моменту Олимпиады у нас развивался 9 лет! И пусть канадских профессионалов в Кортине не было, но всех остальных, в том числе тех, кто играл в эту игру еще с окончания Первой Мировой Войны, наши грохнули, а гения хоккея Всеволода Боброва признали специалисты всего мира. И даже канадцы поговаривали, что этот парень не пропал бы и в НХЛ, в которой тогда было всего 6 команд...

Раз уж пришлось к слову – попробую объяснить реалии того и последующего времени. Олимпийское движение, сформировавшееся в конце XIX века, опиралось на очень строгие представления о том, кто может в нем участвовать. Барон де Кубертэн, подозреваю, вследствие своего аристократического происхождения, чрезвычайно жестко и настойчиво проводил идею абсолютного бессеребрничества олимпийского спорта, что резко сокращало возможности участия в этих соревнованиях всяких парвеню и пролетариев, у которых просто не могло взяться денег на экипировку, тренировки и поездки. В историю вошло издевательство над американцем индейского происхождения Джимом Торпом, который на Олимпиаде 1912 года в Стокгольме выиграл две золотые медали в пятиборье и десятиборье. Его этих наград лишили, когда всплыло, что Джим выступал в США за бейсбольную команду и получал за это небольшие деньги.

Вступление Советского Союза в олимпийскую семью эти аристократические правила моментально пустило псу под хвост. Спорт в СССР еще до Второй Мировой Войны был совершенно профессиональным в том плане, что ничем иным, кроме как своим видом, спортсмены высшего уровня не занимались, получали неплохие по советским меркам зарплаты и стипендии, и потому имели огромное преимущество перед зарубежными коллегами-любителями, которые вправду вынуждены были зарабатывать себе на жизнь, учебу и спорт. Оттого-то еще на Хельсинкской Олимпиаде удалось достичь сенсационных побед и сравняться с американцами по числу золотых медалей, а дальше – пошло-поехало, нагло отхватывая золото мировых спортивных форумов во все возрастающем объеме....

Попытки вежливо указать советскому руководству на отчетливо профессиональный характер спорта в СССР было издевательски отражены заявлением, что у нас спортсмены – все работяги, студенты, солдаты и офицеры, а проверить это, при тогдашней закрытости советского общества, нечего было и мечтать. Смешно вообразить, как олимпийская комиссия приезжает на место службы капитана футбольной и хоккейной команды майора ВВС Боброва. Еще смешнее, если бы они приехали проверять спортсменов-динамовцев... И, вообще, наши сказали буржуйам: – Слабб! И продолжили золотую олимпийскую жатву.

Терпеть такое долго серьезные державы не стали, и idiotские пуристические правила олимпийского движения были сначала ослаблены, а потом пущены побоку, в чем надо признать огромную заслугу советского и прочего социалистического спорта. Когда ограничения отменили, стали сказываться финансовые возможности стран Запада, но и огромную мощь, набранную социалистической системой спорта высших достижений никто устранить не смог... Между прочим, кое-что Европа с успехом у нас переняла, и вот уже сборные Германии и Франции по биатлону, включая женские, сплошь состоят из военнослужащих бундесвера и французской армии.

А пока выученики хоккея русского прекрасно адаптировались к хоккею канадскому и, помимо европейских конкурентов, прихлопнули и родоначальников этого вида спорта – в те буколические времена Родина хоккея брезговала формировать сборную хотя бы из любителей и посылала на мировые первенства и Олимпиады победителя Кубка Аллана – это был такой приз для канадских любительских команд, в тот раз – «Китченер-Ватерлоо Датчмэн». Вот их-то наши и переиграли и лично меня совершенно убедили, что мы – лучшие в мире.

Когда в Москве в 57-м на первенстве мира мы проиграли шведам, – это был шок. Да, в последних играх Бобров и Бабич не играли из-за травм, но не мог я поверить, что кто-то, вообще, может наших победить, я же был нормальный советский ребенок с комплексом превосходства и мессианства, всосанным с молоком матери и В-кефиром. Так этот швед Тумба-Юханссон ²⁷ и остался где-то сбоку от внутренней модели мира.

К Олимпиаде в Мельбурне советский футбол обрел то, чего так остро не хватало в Хельсинки – международный опыт, оплаченный, в частности, жизнью команды ЦДСА. Выросло и новое поколение игроков, которое за невозможностью играть в красно-синем, почти целиком оказалось в красно-белом «Спартаке».

Пожалуй, такой гармоничной пятерки нападения я больше и не видел, потому что послевоенного расцвета армейцев не застал, а потом само понятие «пятерка нападающих» сгнуло под давлением идей бразильцев и итальянцев. Выделялись думающие яркие игроки в наиболее ценимом мной амплуа диспетчера – Сергей Сальников и Николай Дементьев, рядом с которыми действовали Татушин, Исаев, Симонян и Ильин. Стрельцову не нашлось места в составе на финальный матч! Сами олимпийские матчи мы увидели в кинокусочках много позже, а пока шли Игры слушали радиопередачи и переживали до слез, когда в полуфинале защитник Николай Тищенко сломал ключицу, а замены были запрещены, и он, преодолевая боль, добегал до финального свистка и даже отдал голевой пас на ворота болгар.

Помню чувство отчаянной несправедливости – невозможности заменить тяжело травмированного игрока – и до сих пор не понимаю, в чем был смысл таких садистских правил. И порядок награждения, при котором медали получали только участники финального матча, отдавал изрядным жлобством, и слава богу, что оба этих вывиха постепенно были исправлены, и даже задним числом многим отдали зажиленные в прошлом медали...

В финале наши обыграли югославов, показав, насколько изменились и они сами, и соотношение сил. И, несмотря на невысокий, в целом, уровень олимпийского турнира СССР заявил о себе как о полноценной футбольной державе. Между прочим, в основе той команды одним из немногих неспартаковцев был Башашкин, а в резерве – армейцы Беца, Беляев и Порхунов. Разинский же отыграл и один матч на Олимпиаде – переигровку с Индонезией в четвертьфинале 4:0 – это после удивительной ничьей с ними 0:0 – но травмировался и продолжить турнир не смог.

²⁷ Свен Юханссон сделал своей фамилией название родного городка Тумба. Выдающийся хоккеист, игрок и капитан сборной Швеции в 50-х – 60-х гг. XX века, победитель первенства мира 1957 года в Москве.

«Враги» и «друзья»

«Спартак», как уже говорилось, занял место лидера советского футбола, насильственно освобожденное от армейцев. И при всей моральной сомнительности такой «передачи власти» невозможно вменить это в вину именно коллективу, представлявшему московскую промкооперацию. Надо признать, что команда у них в середине 50-х сложилась блистательная, изобилующая яркими личностями во главе с многолетним капитаном клуба и сборной Игорем Нетто.

Я превосходство команды отца, конечно, переживал, но утешался тем, что армейцы в матчах со «Спартаком» играли сплошь и рядом на равных и почти каждый сезон что-то у красно-белых урывали. Вследствие папиных предпочтений на матчи «Спартака» я в детстве неизбежно попадал чаще, и больше всего мне запомнились два выдающихся матча с кишинёвским «Буревестником». За Кишинёв²⁸ тогда играли не столько молдаване, сколько москвичи – списанные из составов старики или молодье, не дотянувшиеся до основы. В первом из этих двух матчей, помнится, «Спартак» творил, что хотел – 9:2 сыграли. Спартаковская защита вообще заснула и за кишеневцами бегать ленилась. Мы с отцом в тот раз сидели на Западной трибуне и видели, как прямо на нас кишеневец убегает к воротам «Спартака», в которых стоял Владас Тучкус, но, притомившись от пробежки, бьет издалека и слабо, мячик кое-как долго-долго прыгает к воротам, а Тучкус медленно-медленно на него рушится – и пропускает под собой. На трибунах хохотали – Тучкус пеночник²⁹ был, но в том матче это никого не волновало.

Когда кишеневцы снова приехали в Москву, отец, конечно, засобирился на стадион – получить гарантированное удовольствие. Началось с треском – за пятнадцать минут спартачи наколотили четыре штуки. Стадион ждал «продолжения банкета», папа потирал руки. А потом – бабах! «Молдаване» закатывают те же 4 штуки, причем творят, что хотят. Под конец они давили и только чудом не забили пятую, стадион, обозлившись на «Спартак», начал хлопать гостям³⁰. Отец свистел в два пальца так, что я чуть не оглох. Ужасно я этому умению завидовал, а он делал это виртуозно даже в немалые уже года. Я тогда тихо порадовался – больно уж «спартачи» воображали, какие они непобедимые.

Динамики всегда мне были поскучнее, но командочка у них была неслабая, с очень могучей обороной во главе с великолепным Яшиным и классными беками – Борисом Кузнецовым, Крижевским и Кесаревым, и почему-то было ощущение, что нам с ними тяжелее, чем со «Спартаком». Я не застал периода становления Яшина как первого вратаря «Динамо» и страны, которое, по рассказам, проходило не гладко – с голом, пропущенным от вратаря соперника с другой половины поля. На моей памяти он уже был непререкаемым авторитетом, хотя играл совсем не так красиво, как наш Борис Разинский. Однако ж хватило у меня ума или вкуса понять, что Лев – вратарь от бога. Раз, два и десять в опаснейших ситуациях мяч просто прилетал к нему в руки, и я понял, что случайностью это быть не может – выбор позиции и предвидение у Яшина, действительно, были невероятные. Как раз выходы его из ворот, о которых столько пишут, что это было новаторство, так не запомнились. Наверное, я просто воспринимал это как естественную для вратаря обязанность – потому что видел ее с детства.

Лев Иванович, однако, не был только «аккуратистом» в воротах, который берет все положенное, он был способен вытащить и «неположенное». В Риме он взял пенальти от Мац-

²⁸ Столица Молдавской ССР

²⁹ Вратарь, пропускающий «пенки» – легкие мячи по тогдашней терминологии

³⁰ Чуть ли не единственный в истории советского футбола случай, когда команда отыгралась от 0:4 да еще на чужом поле.

цолы, в «матче столетия» в 63-м на «Уэмбли» первый тайм он отыграл гениально – единственный юбилейный матч, в котором никто ничего не расписывал, а бились насмерть. В шутку так по воротам не бьют, и в шутку так не пластаются, как тогда Яшин. Пару ударов он отразил исключительно по великому своему мастерству, хотя против него играло уже большинство тех, кто через три года взял Нику.³¹ Гривс бил метров с пяти – там могла спасти только сумасшедшая реакция! А ведь Льва Иваныча тогда уже в сборную СССР не брали после скандального ляпа в Чили, когда он запустил метров с 35-ти, и, вообще, прозрачно намекали, что пора на пенсию.

В 50-е вдруг на первые роли стало выходить «Торпедо», которое до того в Москве было безоговорочно четвертым. Конечно, это было связано с появлением Стрельцова, который произвел фурор. Вся игра торпедовцев была сориентирована на него. Это было понятно даже по радиорепортажам Синявского – как только мяч оказывался у кого-нибудь из «Торпедо», буквально через мгновение звучала фамилия Стрельцова. Он тогда был совсем молодым, жадным до мяча, и забивал, забивал. Что-то я не припомню его в то время как мастера паса. Он быстро и в сборной заиграл, конкурируя с Симоняном из «Спартака», стал олимпийским чемпионом Мельбурна, но медали не получил, потому что не участвовал в финальном матче.

А перед первенством мира 58-го разразилась катастрофа. Игроки сборной ударно повеселились на чьей-то даче, да так, что Огонькова и Татушина из «Спартака» дисквалифицировали на год, а Стрельцова арестовали. Что там было на самом деле, хотя уже целые книги про это написаны, доподлинно неизвестно, но предъявили ему очень нехорошую статью – изнасилование. Тогда я не очень представлял себе, что это такое, помню лишь, что все болельщики Эдику сочувствовали, говорили, что он из всей веселившейся компании был самым молодым и наговорил следствию лишнего, когда у старших товарищей хватило ума помалкивать. Ходили разные слухи о причинах сверхжесткой реакции власти на этот случай, и наиболее вероятным кажется, что Стрельцов «попал под кампанию» – периодически властям предрержащим приходило в голову, что спортсмены слишком много себе позволяют, и надо дать им острастку.³²

Хотя у тогдашних уголовников статья, которую получил Эдик, пользовалась очень дурной репутацией, но все же Стрельца в колониях не обижали, а друзья и болельщики не оставили и добились серьезного сокращения срока. Когда он вернулся через пять лет, играть за команду мастеров ему не разрешили, зато резко возросла посещаемость второй мужской команды «Торпедо», игравшей на первенство Москвы. Вторые команды – это был полный отстой, лучшие мужики и растущие организмы играли в первых. Но Стрельцова, полысевшего да погрузневшего, отправили именно во вторую...

На мастеров его выпустили только через два года, и вот тут он всем показал. Скорость уже было не вернуть, а какой талант в нем – все увидели. И результативность он восстановил и впоследствии добрался до Клуба Григория Федотова, однако ж какие пасы он стал раздавать! Именно у него я впервые увидел нацеленный и своевременный пас пяткой. И ведь неплохие игроки – Валентин Иванов, потом Гершкович – рядом с ним были и в клубе, и в сборной, да только они и половины того, что Стрелец задумывал не понимали. Эдик, бывало, руками всплеснет и все с начала начинается.

³¹ В то время Кубок Жюля Римэ – приз победителю первенства мира по футболу – представлял собой золотую фигуру богини победы Ники

³² Нынче очень похожая история разыгралась с Кокориным и Мамаевым, попавшимися на «хулиганке» в отношении чиновника. И вот совершенно очевидное дело, в котором и видеозаписи есть, и масса свидетелей, рассматривалось целой толпой следователей полгода, а подсудимые сидели в тюрьме, где условия хуже, чем в колонии. Видно, «кое-кто» решил так наказать футболистов во внесудебном порядке, но админресурс у газпромовских воротил оказался ладе потолще, «кудесники футбольного мяча» получили сроки по минимуму.

Пятое колесо в московской телеге – паровозы. Сколько раз они вылетали-влетали в класс «А» и не упомню. А ведь игрок у них бывали и неплохие: Маслаченко, одно время второй номер в стране после Яшина, игрок сборной, перешедший потом к нам Валентин Бубукин по кличке «Патлатый», поскольку смолоду носил ту же прическу, что и в старости – здоровенную лысину, Виктор Ворошилов, Виталий Артемьев. И ведомство железнодорожное всегда было небедным, и тренировал их в конце 50-х Аркадьев, а все чего-то им не хватало.

«Крылья», известные своей системой «волжская защепка», играли после войны в особенный футбол: у всех нормальных команд было пять нападающих, а у куйбышевцев – то два, то один. По правде сказать, про этот по тем временам супероборонительный вариант я знаю только по рассказам отца и других старых болельщиков, но мы с ними всегда с трудом играли. А сам я застал уже куда более агрессивное построение игры волжан, когда там играли Казаковы – А. и Б. И не могу сказать, что уж какой-то толпой они защищались. Просто ярлык пережил ту команду.

Страна была больше, а команд в «высшем обществе» было меньше, и четверть его представляла ныне сопредельные государства, о чем в те времена помыслить было невозможно. Тбилисцы выделялись техникой, играли в остроатакующей манере, их всегда было интересно смотреть. В центре атаки у них был очень результативный Автандил Гогоберидзе, я лет до пяти думал, что «Автандил» – это "автомобиль по-грузински. На левом краю блистал великоколенный Михаил Месхи, технарь, настоящий крайний. Конечно, при нынешних схемах именно такой специализации уже нет, а я по ним тоскую – с ними было веселее.

Совсем не слабой у них была и защита – Борис Сичинава, Гиви Чохели и Шота Яманидзе входили в сборную. Вратарь Сергей Котрикадзе играл акробатически, эффектно, но и нестабильно. Очень долго тбилисцы держались близко к призовой тройке, но высших достижений добились значительно позже, обыграв «Торпедо» в первом советском «золотом матче». Благодарный для футбола край исправно рождает интересных игроков – поколение за поколением, а вот в последние десятилетия поток как-то усох – не столько, может быть, количественно, сколько качественно. Похоже, с распадом СССР исчезновение конкуренции сильно ударило по тбилисскому «Динамо» и грузинскому футболу в целом.

Другие динамовцы – из столицы Украины – в те годы не выделялись на общем фоне.

С Киевом, кстати, у меня связано пренеприятное воспоминание. В 56-м году я был очередной раз сослан к бабке и деду в Киев, где у меня была масса сложностей на почве моей худобы. Бабушка с ее железной волей категорически желала выполнить плановое задание и довести вес внука до такого уровня, чтобы было не стыдно показать родственникам. Она только не учитывала, что по наследству передаются не только цвет глаз и черты лица, но и особенности характера. Мне с бабкой тягаться, конечно, было нелегко, но как-то раз я провел за столом четыре часа, сжав зубы и не желая ничем есть особенно мерзкую гадость – молочный суп с шелковицей. Нервной энергии на сопротивление ушло явно больше, чем могла бы дать эта пища...

Из того времени я вынес урок, которому следовал в своей жизни неукоснительно: никогда не кормить насильно своих детей – пользы от этого всегда меньше, чем вреда. Коллеги! Берегите нервы – и свои собственные, и ваших потомков. Нормальный здоровый ребенок голодом себя никогда не уморит, а нервной анорексии у маленьких не бывает – эта патология случается в пубертатном периоде, чаще у девочек. Сохраняйте спокойствие и выдержку: придет время – чадо само запросит поесть!

Мои войны с киевской бабкой на почве кормежки несколькими годами спустя получили, как я теперь понимаю, несколько историко-анекдотическое завершение. Продолжая с возрастом все более успешно отражать натиск старшего поколения, я вдруг сказал как-то бабке с дедом, что, пожалуй, съел бы сала с черным хлебом. Где-то я его увидел, и оно мне показалось

страшно аппетитным – с кристаллами соли на шкурке. Не знаю доподлинно, какие чувства боролись внутри деда, но он отправился на базар и принес брусок сала, которое я с удовольствием слопал – оно оказалось таким же вкусным, каким казалось на вид. Наша семья совершенно не религиозна, а вот что себе думал дед, который в детстве, как всякий порядочный тогдашний еврейский мальчик, закончил хедер³³, – мне неизвестно, но старый еврей, идущий на базар за салом для внука, – это, конечно, исторический анекдот.

И вот в городе Киеве, который навсегда остался в моей памяти как место первого успешного Резистанса взрослым, один из дядьев, которые в те времена водилось там во множестве, взял меня на тамошний стадион «Динамо» на матч киевлян с ЦДСА. Это одно из самых тошнотных воспоминаний в моей жизни – полный стадион, и все, как один, – враги. В разговорах вокруг были слышны отчетливые нотки страха перед нами, отголоски прежних времен. Даже когда Киев забил нам первый гол, прошел гомон: «Ну, сейчас начнется квитка!» А наши давили, но никак забить не могли. А потом мы еще и второй пропустили. Трудно вспомнить большую обиду: все – против меня, а я – проиграл. Можно считать, что таким был мой первый «выезд на матч»...

У армейцев к Киеву особый счет издревле. Это там за один матч, за какие-то 10 минут изувечили и Боброва, и Григория Федотова, которые до конца так от этих страшных травм и не оправались. Махиня с Лерманом постарались...

Тогда же, в 56-м, в класс «А» вышла команда свердловского ОДО, которым я стал симпатизировать – армейцы! Они заняли последнее место, но храбро сражались и вернулись в класс «Б» «на щите». Чуть ли не единственный случай в истории советского футбола, когда лучший бомбардир первенства – Василий Бузунов – играл в команде, вылетевшей из лиги. Василий перешел в Свердловск от нас, а на следующий год к нам и вернулся, снова стал лучшим бомбардиром в основном за счет пушечного удара, а потом как-то быстро исчез. Помимо него у свердловчан и защита была совсем неплоха, и мы ее практически всю оприходовали, а ОДО вскоре почил в бозе.

Еще несколькими годами позже в класс «А» пробился ростовский СКВО. Это мне, конечно, тоже очень понравилось, но ростовчане оказались людьми слишком серьезными, и любить их заодно со своими не получалось. Бог знает, какими судьбами в глубинах второго эшелона образовалась команда, которая сразу стала драть всех направо и налево, причем укомплектована была просто блестяще. Виктора Понедельника взяли в сборную еще из класса «Б» – действительно, одного из талантливейших советских центрфорвардов на моей памяти. Мощный, с хорошим ударом, с игрой головой, все при нем, забивал много и красиво. Левый крайний Мосалев составлял хорошую компанию Понедельнику и быстро заслужил прозвище «Вторник». Неплохие вратари, защита прочная, из которой Гетманов и в сборные попал, и вся команда играла весело и комбинационно. Их правый край – Владимир Стреиний – атлетичный и скоростной – был единственным, кого нам удалось из Ростова выцепить за долгий период. Как-то ростовчане к нам неохотно шли – Понедельника дважды тащили в ЦСКА на аркане, уже и приказ Министра Обороны выходил, и в газете печатавали, а он – ни в какую! Так у нас и не играл.

Еще позже, когда сошло первое поколение ростовских армейцев, появилась новая генерация – с отличным нападением – Матвеев, Буров, Еськов, Копяев (тогда уже стали играть 4–2–4). Еськов относился к категории, в отношении к которой мы совершенно расходимся с Валерием Георгиевичем Газзаевым – он был диспетчером, и довольно качественным. Олег Копяев стал в тогдашнем СКА главным забивалой. А ведь пробовали его в ЦСКА, но «не показался»...

³³ Хедер – школа для еврейских мальчиков, которая обеспечивала и религиозное образование, и сохранение в богослужбном виде древнееврейского языка, который впоследствии стал основой для современного иврита.

Открыт закрытый «порт пяти морей»

Размеренное течение сезона все чаще стало прерываться сверхпрограммными удовольствиями – приездами иностранцев. Иностранцы и сами по себе были редкостью, а уж футбольные команды... Тогда за человеком в импортном плаще, да еще, не дай бог, в шляпе, вполне могла увязаться орава пацанов, вопящих: – Шпион! Шпион! Как раз начиналась эпоха «стиляг», и импортные шмотки приносили им не только кайф.

Весной того же 56-го года в обстановке отчаянного азимотажса прошли матчи с венграми. На самом деле, тогда это была команда мирового класса, едва не ставшая чемпионом мира и ставшая олимпийским. В воротах у них стоял Грошич, но что-то не впечатлил. А вот Пушкаш, действительно, был великолепен и делал на своем краю, что хотел. При всем том, и наши, и венгры выиграли по матчу, и силы команд выглядели вполне сопоставимыми. Очень вскоре в Венгрии разразилось восстание, подавленное Советским Союзом вооруженной силой³⁴, и потом венгры на долгие годы стали для нас любимой боксерской грушей – в какой бы форме они ни были, нам они сливали исправно. Только раз в 68-м мы им уступили в Будапеште, но разгромили в Москве, и мы с отцом болели на трибуне Лужников.

Наконец, чтобы охарактеризовать силу тогдашнего советского футбола стоит вспомнить то, что нынче кажется невероятным. Еще в 55-м в Москву заявили западные немцы – они тогда приехали в Москву в первый раз. Их еще и не знали, как писать-то правильно, поэтому на афишах было «ГФР»³⁵. Я в свои тогдашние пять лет сначала вообще не понял, как с этими немцами можно играть! Так у меня в голове было: восточные – наши, а западные – фашисты³⁶. Кто же знал-то, что они чемпионы мира! Не уверен, что я тогда что-нибудь про это слышал и только лет в десять разобрался в иерархии мировых футбольных турниров. Игра с немцами запомнилась непрерывным занудливым дождем. Мы выиграли 3:2, но, как, собственно, могло быть иначе?!

А все в том же 56-м сборная СССР снова победила ФРГ, но уже на их поле! Большие такого с нами не случалось... Так что у меня были основания для уверенности в том, что мы сильнее всех. Наверное, это и вправду был период наивысшего футбольного могущества СССР, которое, трудно поверить, опиралось на безусловное превосходство в физической подготовке и скорости. Советские команды и потом побеждали посетившую Москву бразильскую «Васко да Гама», и англичан, и довольно долго красовались в звании чемпионов мира по товарищеским играм.

На 56-й год пришлось и еще одно событие – I Спартакиада народов СССР. Мы всей семьей ходили на «Динамо» на шикарный спортивный парад открытия.

Тогда в последний раз самостоятельно выступала только что упраздненная Карело-Финская республика – ее влили в РСФСР под названием Карельской. Шутили, что одну из шестнадцати позолоченных баб, окружающих фонтан «Дружба народов» на ВДНХ, теперь следовало бы посеребрить. Так тогда решали вопросы претензионных названий республик, и вслед за Карело-Финской не стало и Бурят-Монгольской автономной, превратившейся в просто Бурятскую.

³⁴ про Пушкаша прополз слух, де погиб в бою, а он через несколько месяцев вынырнул на Западе и стал играть за «Реал» и Испанию.

³⁵ вместо ФРГ

³⁶ Это проходило довольно долго и излечилось лишь после опыта личного общения с немцами.

Оказывается, за карело-финнов в баскетбол играл поэт Роберт Рождественский. Он сам потом вспоминал, как пытался бороться с игравшим за Казахстан выселенным туда из Чечни Увайсом Ахтаевым, в котором росту было 2 метра 35 сантиметров – на пару голов выше, чем будущий поэт. Ничего не придумав, Рождественский повадился наступать Ахтаеву на ноги в момент прыжка, пока тот не наклонился к нему, согнувшись в три погибели, и сказал: – Не наступай мне на ноги, а то я на тебя наступлю... Поэт писал, что после этого он усовестился, но я бы его понял, и если бы он просто испугался... На баскетбольных кортах «Динамо» у Западной трибуны я сам случайно оказался рядом с Ахтаевым. Мне тогда было шесть лет, так что в памяти осталось колено и что-то широченное, уходящее далеко в облака.

На том параде я впервые увидел флаги спортклубов. С «Динамо», «Спартаком», «Торпедо» и «Урожаем» все было понятно – те, кто придумывали их дизайн, особо не надрывали мозговую мышцу и просто ставили в центр соответствующую литеру. Много лет спустя, заинтересовавшись геральдикой, я узнал, что это считается дурным тоном – литеру в герб или флаг ставят, когда не хватает фантазии придумать яркий графический образ или когда сказать о субъекте герба или флага нечего. У «Локомотива» уж совсем непонятно зачем тоже была всяжена литера, хотя из ее пролета выглядывала морда паровоза, и, вроде, все должно было быть ясно и так. Красный флаг с синим треугольником и звездой у древка, конечно, был самым красивым и правильным.

Довольно симпатичная эмблема была у «Буревестника» – галочка, символизирующая одноименную птичку. Кстати, именно гимнастки «Буревестника» были гвоздем программы открытия Спартакиады на стадионе «Динамо». Они построили пирамиду – все в синих купальниках, а потом из середины наверху вдруг вылезает гимнастка – вся в желтом. Потрясно! Стадион стонал.

Из соревнований, виденных мной на Спартакиаде, остался в памяти забег на 10000 метров – я впервые вживую увидел бег олимпийского чемпиона Владимира Куца. Это имя тогда воспринималось мной как синоним понятия «советский легкоатлет – победитель». Он убежал от всех сразу и далеко, никто не смог ни поймать рывок, ни достать его потом, многих он обошел на круг, финишировал, перешел на шаг и оказался совсем рядом с тем местом, где сидели мы, и я увидел его вблизи. Никакого восторга, никаких победных жестов, его лицо показалось мне огорченным, а, может быть, просто усталым. А я радовался – армеец!

Тогда и потом, когда стал бегать Болотников, я был уверен, что длинные дистанции – коронный вид советских бегунов на века. Кто ж из нынешних болельщиков в это теперь поверит?

Однако, самое главное для меня было в том, что после парада открытия Спартакиады, гимнастических упражнений и бега был футбол. Правда, в тот раз это были первые клубные команды «Спартака» и «Динамо», игравшие на первенство Москвы, но я тогда готов был любой смотреть. Помню, что гол забил спартаковец Булочкин. Тогда каждый спортивный праздник завершился футболом!

С той Спартакиадой связан апокриф, который мне рассказали уже лет через десять после нее. Якобы именно тогда в Советском Союзе впервые попробовали допинг – незадолго до этих соревнований втихаря привезли несколько упаковок одного из синтетических амфетаминов, которые, вероятно, продолжили линию разработок стимуляторов для немецкой армии. Допингу сразу нашли применение – в стране рекорд в гладком беге на 1500 метров держался уже 16 лет, вот средневикам и выдали препарат. Беда была в том, что никаких сопроводительных документов не было, и дозировку определяли по принципу «кашу маслом не испортишь»...

Дали старт, и «воодушевленные» спортсмены припустили по дистанции. Взятый ими темп восхитил тренерскую биржу – первый круг был пройден с большим опережением рекордного графика, где-то вблизи от рекорда Европы. Второй круг принес еще более высокий результат, на третьем круге темп, вопреки опасениям, не спал, руководство потирало руки в ожидании феноменального рекорда...

Заканчивался третий круг, как вдруг лидер, добежав до финишной линии, после которой оставалось только четыреста метров дистанции, словно споткнулся о нее... развернулся и припустил в противоположном направлении, увлекая за собой остальных... Шок! Тренеры бросились к своим подопечным, пытаясь их вразумить и «вернуть на путь истинный», но те их, похоже, были просто не в состоянии услышать и понять. После ожесточенной борьбы удалось бегунов переловить и сдернуть с дорожки, по которой они порывались продолжить свое движение по часовой... Рекорд на 1500 метров простоял еще долго, а результаты эксперимента так впечатлили руководство, что работы по допингу в советском спорте были надолго приостановлены.

А в 79-м перед московской Олимпиадой моя незадолго до того закончившая институт и совершенно равнодушная к спорту жена, работая в инфизкульте, решала важную задачу: выяснить, когда надо прекращать прием препаратов, чтобы они не могли быть обнаружены средствами антидопингового контроля. Характерно, что во всех отношениях ручные власти ГДР³⁷ тут своими достижениями делиться не пожелали, хотя было доподлинно известно, что допинги всех видов у них в большом ходу.

Тогда поговаривали, что неприезд американцев и ослабление антидопингового контроля сильно развязали нашим руки, и урожай золотых медалей оказался даже неприлично большим.

³⁷ Германская Демократическая Республика – ныне не существующее социалистическое государство, образованное в 1949 году на территории советской зоны оккупации. Сателлит СССР. В 1990 году ГДР объединилась с ФРГ.

Лужники

К Спартакиаде в том же 56-м подоспело и открытие Лужников. Мы всей семьей с друзьями оказались там на матче «Спартак» и «Торпедо». Опять «Спартак»! Но я приговорен был в детстве оказываться на его матчах куда чаще, чем на играх армейцев – отец-то хотел смотреть своих, может и меня рассчитывал распропагандировать. Но папа тогда еще не знал, какое могучее чувство противоречия я унаследовал у своих предков: я тогда за «Торпедо» стал болеть, и они выиграли 2:1! По случаю открытия стадион был переполнен, таким я видел его в своей жизни считанное количество раз, а потом часто возникало ощущение, что стадион в Лужниках пуст, хотя народу, может быть, было не меньше, чем на «Динамо». Гол у торпедовцев тогда забил Юрий Фалин, которого «Спартак» на следующий год к себе перетащило. Вообще, и тогда, и потом я примечал, что проигравшие норвежцы залучить к себе того игрока, который им больше всего насолил.

Сама Лужа тогда произвела на меня даже большее впечатление, чем футбол. Я ведь до того видел только московский да киевский стадионы «Динамо», и Лужа после них подавляла своими размерами. Мы сидели на Севере под самым козырьком (козырек тогда тоже был новинкой!). Поле оказалось очень далеко, я думал, что в этом величественность, и только потом, когда стал взрослым, понял, что стадион дурацкий, нефутбольный и неудобный. А уже вскоре пошли разговоры – да, стадион у нас великий, только газон хреновый – ни в какое сравнение с «Динамо» не идет. Так это проклятье над Лужей и тяготело долгие годы. Надо признать, что обновление к ЧМ-2018 сильно пошло стадиону на пользу с точки зрения удобства для болельщиков, посмотрим, сколько новый газон там продержится...

Лужниковский комплекс при всех его недостатках стал местом, где произошло множество выдающихся событий, о которых речь пойдет дальше, и далеко не только футбольные. Лужа – это и первый бассейн в Москве с большими трибунами, и первый приличный ледовый дворец. Помню, как, попав туда в первый раз зимой с опытом боленья на трибуне Динамо в зимнем пальто и валенках, страшно удивился, что там надо раздеваться в гардеробе. Но и разочарование запомнилось – родители достали мне туда билет на новогоднюю елку, я смотрел на это представление, смотрел, а сам внутри себя ждал, когда же они кончат валять дурака со своими бабами-ягами и начнется нормальный хоккей...

Большая спортарена Лужников – это же впоследствии и Спартакиады народов СССР, в одной из которых принимал участие и я, и Олимпиада-80, а еще до того, такие своеобразные соревнования, как ныне давно позабытые легкоатлетические матчи СССР – США, и некоторые из них серьезно врезались в память. Эти матчи – плод, как мне думается, «любви-ненависти» между этими странами, которые терпели друг друга с трудом, но и жить друг без друга не могли, сверяя свои шаги с поведением конкурента. Они проводились по всей олимпийской легкоатлетической программе – только американцы и наши, по два участника от страны в каждом виде, и стали некоторой сублимацией вражды, позволявшей сравить взаимную напряженность без применения оружия массового поражения. Страсти там кипели отчаянные, и в историю вошел кошмарный забег на 10000 метров в первом матче, проходившем в Штатах в 1959-м. Телетрансляций из-за океана еще не было, и то, что там случилось, мы увидели в кинохронике примерно через полгода.

Забег проходил при температуре за 30 градусов и высокой влажности. Говорят, с трибун то и дело оттаскивали зрителей, получивших тепловые удары. На дорожке все обстояло еще хуже – сначала на второй половине дистанции одного из американцев стало мотать из стороны в сторону, он упал, попытался встать и упал снова. Американские судьи пона-

чалу пытались не подпустить к нему врачей, потому что надеялись, что он, может быть, встанет и доберется для финиша – так были нужны очки. Второй американец, выбрал такой темп, чтобы не умереть, и добился своего, финишировав третьим. Наш Хуберт Пярнакиви последние круги бежал практически без сознания какими-то судорожными прыжками, высоко вздергивая колени, мотаясь поперек четырех беговых дорожек – на эти кинокадры невозможно смотреть без слез, за финишной чертой он просто упал на руки своего товарища по команде, а потом долго лежал в госпитале с чудовищным перегревом и обезвоживанием. А победитель забега Десятчиков – единственный, кто бежал, не экономя сил, не упал, выглядел нормально, и понять это невозможно – какой-то фантастический организм. Да, а почему собственно было такое смертоубийство: это был один из последних видов, и тот, кто выигрывал его, – выигрывал матч. Тогда, в 59-м, все было настолько серьезно, что люди были готовы жизнь отдать. Ну, мы, само собой, победили. Посмотрите, у кого нервы крепкие. ³⁸

А лужниковские матчи СССР – США остались в моей памяти «вечером Брумеля» в 1963-м. Когда уже заканчивалась программа дня, в секторе для прыжков в высоту остался только он – в то время уже рекордсмен мира, уже победив и своего напарника и обоих американцев – прыгал просто от ощущения собственного всесилы. Он брал играючи одну высоту за другой и добрался до нового рекорда мира – 228 см. Трибуны замерли, а он взлетел – и взял, и было чувство, что и это – не предел. Уже совсем стемнело, и Брумель просто умаялся прыгать, а тогда казалось – он и 230 возьмет... Это был один из последних рекордов мира, добытый «перекидным» стилем. Вскоре вошел в моду флорби-флор, и прыгать стали спиной вперед на высокий мат из поролона, а не как раньше – в яму с песком.

Этот рекорд в Лужниках был пиком карьеры Брумеля, которая вскоре фактически оборвалась аварией на мотоцикле. Многие операции в Институте травматологии и ортопедии ни к чему не привели, пока кто-то не посоветовал Валерию поехать в Курган к неизвестному тогда доктору Илизарову. С помощью изобретенного тем аппарата фиксации костных фрагментов удалось добиться практического выздоровления, во всяком случае, достаточного, чтобы после возобновления тренировок Брумель прыгнул на 209, что для нормального человека невыносимо, а для рекордсмена мира оказалось слишком мало, но все равно было подвигом.

Впоследствии о Гаврииле Абрамовиче Илизарове и, в частности, его операции Брумелю, был снят художественный фильм, но там кучерявого носатого еврея переделали в гладко причесанную Юю Саввину. Говорят, все это произошло не без интриг испытывавшего к Илизарову лютую ненависть ЦИТО³⁹. Деятели этой конторы даже вошли в историю невыносимым в СССР кощунством: описывая аппарат Илизарова, они фактически отказались от советского приоритета, сославшись на австрийскую работу, которая сама цитировала курганского врача как первоисточник. «Цитошники» постоянно блокировали избрание Илизарова в Академию Медицинских Наук. В пике им в начале перестройки Академия Наук СССР избрала Гавриила Абрамовича в свои члены. Метод Илизарова используется и по сей день во многих странах мира и представляет собой редкий случай советского невоенного открытия, приоритет которого неоспорим всеми, кроме ЦИТО, и которое оказалось полезно всем.

А закончился 1956-й год просто замечательно – на экраны вышла первая кинокартина Эльдара Рязанова – «Карнавальная ночь». После всяких «Подвигов разведчика» и «Джюльбарсов» – живая, человеческая и ужасно смешная комедия всех развеселила и оказалась одной из первых ласточек новых веяний в советском искусстве. Да, конечно, начальник, над кото-

³⁸ <http://www.youtube.com/watch?v=VHcBgEiulrY>

³⁹ Центральный институт травматологии и ортопедии им. Приорова. Говорят, имя Илизарова там нельзя произносить вслух до сих пор.

рым смеялась вся страна, был всего лишь директором дома культуры и играл-то его все тот же Ильинский, который в таких ролях стал известен еще до войны, но все же эпоха смертельной серьезности в послевоенном советском кинематографе подалась немного.

Единственный вред от картины – это повальное голодание женского населения державы в погоне за недостижимым идеалом – затянутой в талии до 42 сантиметров умопомрачительной Людмилой Гурченко, которая на некоторое время стала советской Мэрилин Монро, о которой мы тогда, впрочем, тоже ничего не знали.

События, менявшие жизнь всей страны и отдельных ее граждан, шли косяком. И снова происходившее в стране тесно переплелось с событиями в нашей семье. Громовой сенсацией стала книга Сергея Смирнова о героях Брестской крепости. До того, как бы подразумевалось, что в 41-м войска на границе, несмотря на «внезапность вероломного нападения», героически сражались, с боями отошли вглубь страны, тут любили приводить аналогию с войной 1812-го года, а потом перешли в победоносное контрнаступление. Ну, да, конечно, кто-то погибал, вечная им память...

А тут вдруг открылось, что бойцы и командиры в пограничной Брестской крепости отчаянно сражались, ждали контрудара Красной Армии, не дождались и были убиты или попали в плен. Особенно я сочувствовал герою книги Пете Клыпе – воспитаннику одной из частей крепости. И вот тут оказалось – Смирнов об этом написал первым, – что к тяжелой военной доле и немецкому плену уцелевшим в тех боях добавилось несчастье, уже когда они вернулись на Родину, – все они оказались в советских тюрьмах и лагерях как изменники...

А чуть ли не синхронно у нас появился новый родственник – старшая сестра моего отца вышла замуж за человека с удивительной судьбой. Мой новый дядя Миша во время войны попал в плен. В бою на нем сторело и обмундирование, и документы, поэтому при первичной сортировке гитлеровцы его как еврея не убили сразу. Вместе с ним в плен попали люди, которые его знали лично, но не выдали, хотя за донесение полагалось поощрение, а за недонесение – расстрел.

Дяде Мише относительно повезло, потому что он попал не в лагерь уничтожения, а в обычный лагерь военнопленных в Северной Франции, где их просто морили голодом и заставляли работать. И его товарищи все время плена загоразивали его от немцев, когда их гоняли в баню.

После Победы освободившие лагерь американцы очень зазывали его, способного инженера, к себе, обещали хорошую работу... но дядя Миша хотел вернуться к своей семье, еще не зная, что все убиты. В 46-м он репатриировался и... оказался в колымских лагерях. На десять лет...

Когда мы с ним как-то заговорили об этом, он сказал, что в наших лагерях было страшнее. И объяснил, что любимым развлечением охранников было ночью вломиться в барак и подать команду: – Вылетай без последнего! Зэки должны были «на скорость» выбежать из барака на 50-ти градусный мороз. Последнего вертухаи забивали до смерти.

Несокрушимого здоровья дяди хватило, однако, и на это, и на то, чтобы после освобождения успешно работать, эмигрировать в конце 70-х в Израиль, а спустя несколько лет – перебраться в Америку. Американцы, в конце концов, таки заполучили его к себе!

Не меньшее впечатление произвело на меня и другое случившееся об это время событие. Вдруг в герметизированном государстве, не имевшем представления о внешнем мире за последние десять лет и уже подзабывшем виденное в войну, провели Фестиваль молодежи и студентов. Не знаю, хорошо ли подумали идеологи КПСС над последствиями этой акции, но, с другой стороны, существовать в такой жесткой изоляции, как при Сталине, страна уже не могла. И стали у нас твориться удивительные вещи: сначала понемножку на улицах и скверах стали попадаться иностранцы. Я сам на детской площадке Патриарших прудов столкнулся

с мальчиком, хорошо говорившим по-русски, и его папой, который по-русски – ни бум-бум, загодя приехавшими на Фестиваль откуда-то из Латинской Америки. У метро Сокол мы встретили негра – первого в моей жизни и, видимо, не только в моей – за ним перла немаленькая толпа, разглядывая его, как прогуливающегося по улицам Москвы жирафа. Я тоже разинул рот от удивления, но мама велела мне его захлопнуть...

Мы тогда вообще очень много чего не знали и не ведали. Вот в 54-м родители сняли дачу в Малаховке и вывезли меня туда на все лето. Родители мои имели массу друзей, которые и в нашу 8-метровку набивались по всяким поводам, а уж на дачу-то, где было раздолье, заявлялись каждый выходной⁴⁰. Дополнительной приманкой стало то, что отец купил лист сухой штукатурки и сделал из него стол для входившего в моду завезенного советскими специалистами из Китая пинг-понга. И вот как-то в воскресенье к нам завалилась компания папиных сослуживцев, один из которых привез американские конфеты! Я вообще впервые в жизни видел что-то «американское»! Все расхватили восьмиугольные конфетки, похожие на леденцы, а мне как самому маленькому досталось больше всех.

Как же мне потом худо было, да и остальным тоже... Ну, кто ж знал, что это не конфеты, а жевательная резинка, и ее нельзя глотать!

А летом 57-го Москва активно стала наводить праздничный маршкет, обмоталась ответственными плакатами и обвешалась флагами неведомых стран, но в вечер перед открытием Фестиваля как будто дух Вождя свалился на Москву с небес невиданным ураганом, который все городские украшения посрывал. Всю ночь поднятые по тревоге городские службы вертелись, как ужаленные, стараясь восстановить поломанную красоту, и нечеловеческими усилиями привели главные улицы в праздничный вид. Так что мировая молодежь и студенты, которых наутро провезли по улице Горького в грузовиках, увидели все положенные украшения и по-настоящему радостные толпы встречающих их москвичей. А, самое главное – их увидели счастливые от такой необыкновенной возможности москвичи!

Все время фестиваля – это был какой-то грандиозный «загул де русс», когда гостей растаскивали по домам, и туда сбегались все соседи. Пили, поили, пытались объясняться на пальцах и неведомых языках и получали прививку от страхов, от настоящей ксенофобии, которую у нас насаждали десятилетиями. Совсем, как нынче... После фестиваля, по крайней мере москвичам, уже невозможно было врать про за границу, все, что в голову взбредет, – люди повидали иностранцев, пообщались, выпили с ними, и теперь совершенно иначе смотрели на мир, простиравшийся за линией границы, охраняемой сержантами Карацупами с их Индусами⁴¹.

Ко всем этим праздничным событиям сгодился и новенький стадион Лужники, потому что одновременно с Фестивалем проводились и III Международные игры молодежи. Само собой, мы там всех победили, потому что серьезные команды приехали только из социалистических стран. И все же – это были первые большие комплексные международные спортивные соревнования, прошедшие в СССР.

От Фестиваля остались и другие следы: впервые в Москву завезли для гостей кофеварки-эспрессо, одну из которых я помню в кулинарии на Ленинградке. Похожий аппарат под действием растущего благосостояния мы получили в подарок от кого-то из друзей. Четыре инженера-теплотехника и один вертолетчик изучили инструкцию на немецком, нашли, куда насыпать кофе, за неимением иного – засыпали то, что продавалось у нас в коробках серого картона, и включили прибор. Оттуда после некоторого размышления вылилось несколько кубиков черной жидкости, а потом пошло то, что инженерное сообщество охарактеризовало как «писю сиротки Хеси» и в качестве кофе забракowało. Дело было в том, что наша тогдашняя

⁴⁰ тогда воскресенье было единственным выходным днем, в 56-м ввели укороченный на 2 часа рабочий день в субботу. Полностью выходной суббота стала только в 67-м.

⁴¹ советский пограничник и его пес, имена которых стали в Советском Союзе в этом качестве нарицательными

психология была настроена на потребление напитков не менее, как стаканом, и 10–20 кубиков продукта всерьез не воспринимались. В общем, эксперимент был признан неудачным, а прибор отправлен на шкаф, где и скончал свои дни. Только десятилетие спустя жизнь открыла для меня, что есть настоящий кофе.

Серые мундиры

1-го сентября 1957 года мама отвела меня в первый класс. Незадолго до того мужские и женские школы объединили и ввели обязательную школьную форму – коричневые гимназические платья с черными фартуками для девочек, а для мальчиков – серые гимнастерки под ремень и фуражки с кокардой, на которую в окружении лавровых листьев была помещена литера «Ш» – школа. Кокарду у нас было принято тут же переворачивать – тогда получалась буква «Т» – тоска. Нам, тогдашним пацанам, помешанным на армии, носить форму, вообще-то очень нравилось. Проблемы, однако, возникли с брюками – они застегивались на скобу, сделанную, по-моему, из пружинной стали. Руки семилетних мальчиков справиться с этим изделием не могли, что привело к целому ряду трагедий среди одноклассников. Меня в брюки вставляли по утрам, а потом, по возвращении из школы, если отец был в Москве, он забегал из своего отдела и выпускал меня из штанов на волю, если его не было – приходилось ждать вечера, когда с работы приходила мама. Сильно развил терпение и выдержку. Только к Новому Году я наловчился сам справляться – то ли скобу подразболтало, то ли руки накачались.

В школе мне понравилось, особенно когда перед входом построились десятиклассники с винтовками – на урок по «Военному делу». Я мечтал, что вырасту и тоже буду вот так клацать затвором⁴². Так что и 2-го сентября я туда отправился спокойно – напрягаться особо не приходилось, читать и считать я уже давно умел, и, пока коллег учили буквам, думал о своих текущих задачах. Дело в том, что мама ушла на суточное дежурство в свой ГАМЦ ВВС, и мне надо было после школы самому греть себе обед. К счастью, у нас дома незадолго до того поставили газовую плиту, и мама потратила час, обучая меня ее зажигать. С нашим старым керогазом все было бы сложнее...

Боевая задача состояла в том, чтобы согреть кастрюлю с борщом. Началось все хорошо – удалось подпалить плиту без взрыва, ну, я и расслабился – в комнате на столе меня ждала раскрытая «Старая крепость» Беляева, в которую я тут же и углубился. Из нирваны меня вывела соседка сообщением, что у меня что-то горит.

Да, борщ уварился почти до состояния каши и приобрел из-за потери воды катастрофически соленый вкус. Пришлось это съесть – и потому, что был голоден, и в наказание самому себе за разгильдяйство.

В моем 1-м «Б» классе 150-й школы, что на Ленинградке аккурат напротив комплекса ЦСКА (тогда еще носившего самое длинное и корявое в своей истории название – ЦСК МО)⁴³, было по списку 50 человек. Конечно, вся эта орава собиралась вместе только 1 сентября, а потом кто-то сразу переходил на домашнее обучение, начинал болеть или прогуливать, но и из того, что оставалась, сейчас, определенно, сформировали бы два класса. Или три... Тогда я получил еще один урок советского интернационализма: завуч начальной школы взяла в этот год очередной класс, и во всеуслышание заявила, что «жидов у нее не будет». Всего через четыре года после «дела врачей» здесь ничего удивительного нет, кроме разве что прямоты этой деятельницы народного образования и члена коммунистической партии. В результате всех «космополитиков»⁴⁴ сплавили молодой Валентине Алексеевне Тимониной, и набралось нас

⁴² зигзаги миролюбивой внешней политики Советского государства привели к тому, что уроки военного дела из школьной программы были устранены и заменены Гражданской обороной, сокращенно – ГРОБ. Так что поклацать затвором удалось только в стрелковой секции Биофака МГУ и на командирских курсах.

⁴³ Центральный Спортивный Клуб Министерства Обороны. Морякам повезло еще меньше – ватерпольную команду называли ЦВСК ВМФ (центральный водно-спортивный клуб Военно-Морского Флота), и в печати ехидничали, что это русское слово с самым большим количеством согласных подряд.

⁴⁴ Первая антисемитская кампания в СССР в конце 40-х гг. формально была направлена на борьбу с «безродным космополитизмом».

таких 16 человек, так что всю начальную школу у нас в классе антисемитские поползновения были исключены. А класс, назло завучихе, три года держал в районе первое место по успеваемости, хотя у нас было два второгогодника и один третьегогодник (!)⁴⁵.

Учиться мне было легко, но некоторые затруднения случилось почти сразу. Первое состояло в том, что по арифметике надо было написать несколько строчек $1+1=2$. Елки-палки, мне и так было понятно, что «2», но я внутренне никак не мог поверить, что надо просто тупо это повторять – мне казалось, что тут какой-то подвох, и пример надо каждый раз решать заново, однако простота задачи ставила в тупик – все время получалось одно и то же... Я к тому времени уже прочел «Кондуит и Швамбранию» Кассиля, где постоянно упоминалась заубрежка и по некотором размышлении понял, что вот это она и есть.

Второе состояло в том, что время уроков тянулось болезненно медленно, выматывая жилы и мозги. Я только во втором классе дошел до нахальства совать в парту раскрытую книгу и почитывать на уроках, не требующих постоянного внимания. А потом, в 7-м классе я вдруг почувствовал, что что-то сдвинулось – уроки стали заканчиваться все быстрее и быстрее, и в какой-то момент оказалось, что мне уже 71 год...

А тогда, когда мне было на 64 года меньше, несмотря на перечисленные выше школьные тяготы, у меня сложился вполне оптимистический подход. Выглядело это примерно так: наша страна – самая большая и замечательная в мире (хотя бы потому, что здесь живут мои, несомненно, самые замечательные папа и мама), она победила страшного и бесчеловечного Гитлера в кровавой битве, у нас были недостатки и даже ужасные преступления (это я себе уже уяснил), но недостатки устранены, преступления наказаны (это было заблуждением), у нас лучшие в мире спортсмены, мы всех побеждаем на олимпиадах, и теперь-то у нас все вообще будет прекрасно.

Такая парадигма, несомненно, накладывалась на генетически унаследованный темперамент и детский оптимизм, что немало меня впоследствии поддерживало в разных трудных жизненных обстоятельствах. И осенью 57-го, надо сказать, такая жизненная установка получила изрядное подкрепление. 4 октября я стоял в коридоре у умывальника и чистил зубы зубным порошком⁴⁶, когда услышал позывные московского радио, которые давали по важным поводам, а вслед за тем сообщение ТАСС о запуске первого в мире искусственного спутника Земли. Кричать «ура!» с зубами, надраенными порошком, было очень неудобно, но меня это не остановило. Да, о космической гонке тогда никто и ничего не писал, но эта тема все время напоминала о себе разной книжной и кинофантастикой, и вот выплыла на поверхность, и мы взяли первый приз!

Даже условия для моего футбольного боления складывались оптимальные. Никакого численного превосходства красно-белых или бело-голубых у нас в классе не было и в помине. В Петровском дворце располагалась уже не раз упоминавшаяся Военно-воздушная Инженерная Академия им. Жуковского, а кругом стояли дома, заселенные ее слушателями и преподавателями. Вот их-то дети и составляли значительную часть учащихся нашей школы, в массе своей – армейские болельщики, которые и верховодили у нас в классе. Правда, мой лучший друг оказался динамиком – он жил в Петровском парке на Праводворцовой аллее – это слишком близко к их гнезду, вот и заразился, хотя папа у него был нормальный – служил в желдорвойсках.

Футбол и хоккей были важными темами обсуждений в классе, и после этапа походов на футбол с отцом настала пора и собственной активности. Как-то раз удалось просочиться на трибуны, когда ЦСК МО играл с «Тотенхэмом». Матч почему-то в рабочий день игрался в

⁴⁵ Второгодник, третьегогодник – названия обозначали учеников, оставленных на повторный или даже третий курс в одном классе. С развитием формализма в обучении понятия вышли из употребления примерно в 65-м – 66-м годах.

⁴⁶ Паста только входила в обиход и еще не полностью вытеснила порошок, которым еще можно было чистить бляху на форменном школьном ремне.

рабочее время. Дождь был, промок насквозь, выиграли мы 1:0, но запомнился только английский вратарь Спринджет, классно он таскал из углов, а так – никакого потрясения от англичан не испытал и только закоснел в убеждении, что мы всех сильнее. Потрясение было потом дома – оказалось, что мама неожиданно рано вернулась с работы, и я ей зачем-то был срочно нужен...

Потряхивало и основы общества. Осенью 58-го года, когда мы были уже во втором классе, началась подготовка к годовщине Октябрьской революции. Была в школах такая штука – монтажи. Ко всяким праздникам дети разучивали какое-нибудь длинное-длинное стихотворение и читали на пионерском (октябрятском) сборе. Чтобы не сильно перегружать детские мозги, а также чтобы каждый мог себя проявить, стихотворение делилось по-братски – по строфе, а то и по двестишю на нос. Особо выдающимся доставались вершки и корешки – первая и последняя, обычно ударная, строфы. В тот раз нам тоже раздали «пайки» – бумажки с написанными красивым учительским почерком двестишиями. Помню, что фабула состояла в том, что где-то в глухом Мухосранске девочка решила вырастить цветок в подарок товарищу Сталину. Дальнейшие перипетии не запомнились, отчасти потому, что у меня двестишие было где-то в первой четверти монтажа, а вот заключительные, ударные строки помню, потому что их дали моей соседке по парте, что, вообще-то было странно – девочка была четкой двоечницей, нас и сажали так специально – чтобы отличники «тянули» отстающих. Может быть, соседку так старались простимулировать к свершениям в учебе. Так вот, ей достались выигрышные слова – когда, преодолев нечеловеческие трудности, героиня стиха заслала-таки свой подарочек вождю, тот, конечно, не мог смолчать и в ответ на такое проявление бескорыстной любви народной и написал девочке письмо. В монтаже была сохранена хорошо известная лапидарная манера Иосифа Виссарионовича выражаться:

– Спасибо за цветок.

А ниже подпись – Сталин.

Это не конец письма – из монтажа было ясно, что это все письмо и есть. Моя соседка по парте очень старалась, и у нее получалось – так, с чувством, с придыханием. Ее хвалили. А потом, когда вроде бы должны были начаться интенсивные репетиции и доведение исполнения до блеска, как-то все пошло на тормозах. Мы даже стали беспокоиться – так же можно и опозориться на сборе! И как раз моя соседка, которая должна была триумфально завершать наш перформанс, спросила у классной руководительницы: когда же репетиция? А Валентина Алексеевна вдруг стала что-то мямлить, что, может быть, мы монтаж читать не будем, и, говорят, сейчас такой монтаж не ко времени. А потом, себе под нос, невнятно и сильно понизив голос: – И, вообще, теперь говорят, что Сталин – плохой...

Монтаж мы так и не прочитали.

Мы постепенно выросли и в третьем классе перешли из самой мелкой школьной категории октябрят в следующий ранг – пионеров. К этому званию прилагались знаки различия – красный пионерский галстук и значок, которые были свидетельством некоторого карьерно-возрастного роста, как бы из салаг в черпаки... Нужно было, чтобы исполнилось 9 лет, ну и, успеваемость, само собой... На этой почве Валентина Алексеевна приобрела на время кнут и пряник в одном флаконе – ах, так вот ты как домашнее задание готовишь! Пойдешь во вторую очередь! И тут дело не столько в пионерах, сколько в этой самой «второй» очереди. У нас было это очень развито – быть первым хоть где. Завязывались серьезные драки из-за того, кто будет идти в первой паре (ходили строем и парами) хоть в класс после перемены, хоть в театр...

Наконец, торжественный день приема первой очереди приблизился – следовало выучить наизусть «Торжественное обещание пионера» и написать его на сложенном вдвое листе ватмана красивым почерком и со всякими виньетками и рамочками. Надо было еще купить галстук, за ним мы с мамой съездили в «Детский мир» на Горького – там были не только дешевые темно-красные из ситца, но и шелковые, подороже, но покрасивей. Еще надо было научиться правильно его завязывать, так чтобы узел не торчал наружу, а был перекрыт ровной полосой, как в обычном галстуке.

С местом приема школа расстаралась, правда в Музей Ленина (это был класс-люкс) не вышло, но получилось по тем временам «4 звезды» – Траурный поезд Ленина, что у Павелецкого вокзала. Вообще-то странная затея – проводить торжественные акты для маленьких детей возле железнодорожного катафалка, но я до таких высот осознания тогда не поднимался, а старшие товарищи считали это большой честью, о чем нам и сообщили.

Нас ввели в траурный зал с настоящим паровозом и багажным вагоном. Двери вагона были раздвинуты, и был виден гроб, заваленный венками. Мы произнесли «Торжественное обещание», и старшие ребята повязали нам галстуки. Но больше всего меня занимало – а что в том гробу?..

В 58-м советская сборная впервые участвовала в чемпионате мира. Отбор в группе, прошедший в остром соперничестве с поляками и завершившийся дополнительным матчем с ними, не очень отложился в памяти, и только из воспоминаний Стрельцова и Иванова я впоследствии узнал о пикантных подробностях – опоздании этих торпедовских форвардов к поезду на матч, погоню на автомобиле аж до Можайска и оправдании Стрельцова голом и голевым пасом.

Психологически я был настроен на то, что в финальном турнире в Швеции наши будут бороться за самые высокие места, и на первых порах радио приносило обнадеживающие сведения. Если взглянуть на результаты первых матчей сборной СССР современным взглядом, так и вовсе выглядят они сенсационно успешными. Посудите сами: с англичанами сборная сыграла 2:2, обыграла австрийцев 2:0 и уступила бразильцам – 0:2, но потом в дополнительном матче с Англией взяла верх 1:0, и, выйдя из группы, уступили хозяевам чемпионата – шведам 2:0. Вот тогда началась эта серия, если вдуматься, кошмарного нефарта: на нескольких крупнейших турнирах почти подряд мы нарывались на хозяев – в 58-м – на шведов, в 62-м на первенстве мира – на чилийцев, в 64-м на первенстве Европы – на испанцев, и ни разу такой барьер взять не сумели. Горечь относительной неудачи в Швеции несколько сглаживалась тем, что проиграли, кроме хозяев, только бразильцам, которые произвели сенсацию и своей схемой 4–2–4, и феноменальными Пеле, Диди, Вава, Гарринчей и компанией и начали эру своего безусловного господства в мировом футболе. А сейчас, если бы мы на первенстве мира сыграли с англичанами вничью и выиграли, это событие было бы навечно вписано золотыми буквами в память болельщиков страны. И ведь все это – без трех игроков основного состава – Огонькова, Татушина и Стрельцова, из коих последний был настоящей звездой и лидером атаки... Армейцев в той команде представлял лишь Герман Апухтин.

В третьем классе я и сам стал немножко армейцем. К нам на урок физкультуры пришел какой-то дядька. Всех построили в несколько рядов и заставили сделать несколько упражнений на гибкость, а дядька ходил между рядами и выдергивал тех, кто ему понравился. Выдернутых, меня в том числе, спросили, хотим ли мы заниматься в бассейне ЦСК МО. Ну, раз в ЦСК МО – что за вопрос! Даже несмотря на то, что плавать я кое-как научился только что и особенно далеко уплыть не смог бы. Потом уже выяснилось, что особо далеко и не надо – набрали нас в секцию прыжков в воду, а дядька – это тренер Белый, действующий прыгун, призер первенств СССР.

Три раза в неделю я переходил через Ленинградку, что в те времена было сложным номером. Светофоров там почти не было, а машины мчались со скоростью под 100. Акробатика, особенно на батуте, мне нравилось, а вот падать в воду с высоты – не очень, поскольку я поначалу не был уверен, что выплыву. Достижения мои сводились к тому, что я подучился плавать и ходить строевым шагом, а также приобрел хроническую травму спины после нескольких особо успешных сальто и кульбитов.

В бассейне на галерее тогда было что-то вроде музея боевой славы ЦСКА – выставлены кубки и даже здоровенная очень красивая золотая олимпийская медаль кого-то из армейских гребцов или стрелков. На каждом шагу встречались многократные чемпионы СССР – прыгуны Чачба и Бренер, пловцы и ватерполисты. Зимой рядом с входом в ЦСКА на ледяном поле тренировалась команда по русскому хоккею, а весной на поле рядом с бассейном – то ли дублеры, то ли молодежка футболистов. Так что я купался не только в бассейне, но и в атмосфере армейского спорта.

Как-то раз, возвращаясь домой с тренировки, я услышал, как майор рассказывал подполковнику о поездке на просмотр матча «Спартак» (Ереван) – «Нефтяник» (Баку): – Там во втором тайме такое началось – народ попер на поле, толпу пожарные брандспойтами полчаса разгоняли...

А буквально на следующий год – в июле 1960 года – нечто подобное вдруг приключилось с нами самими. Вся Москва про это гудела месяца два. Играли мы с Киевом в Лужниках. По рассказам тех, кто был на матче, Киев всю игру наших провоцировал, а рижский судья Клавс на это сквозь пальцы поглядывал. При счете 1:1 он назначил пенальти в ворота ЦСКА, и удар Лобановского вратарь армейцев Коротких отбил, но судья потребовал перебить. Повторный пеналь Лобановский забил... А вскоре с поля удалили нашего хавбека Крылова. Допровоцировались – публика, доведенная всем этим свинством до белого каления, поперла на поле. Менты растерялись, и «все смешалось в доме Облонских»... с дерьмом...

Говорят, все поле было усеяно обувью, которую болельщики пооттоптали друг у друга. Менты потом самых меркантильных на этом и похватили: кто возвращался поискать свои баретки, тех влекли в узилище и впаивали по 15 суток метлы и лопаты. Кому-то отвесили и реальные сроки в колонии. Федерация нам засчитала поражение, Евгения Крылова дисквалифицировали на год, и он уже больше нигде не появился. У нас умели провинившихся на место ставить. А у меня появилось дополнительное основание для нежной «любви» к киевскому «Динамо».

Футбольное чтение

4-го января 58-го года нам в почтовый ящик стали класть газету, которая надолго стала обязательной частью жизни – отец подписался на «Советский спорт», тогда практически единственный источник спортивной информации. Дождаться, когда ее принесут, было совершенно сверх моих сил, и по огромной винтовой лестнице еще до ухода в школу я успевал пару раз слетать вниз – проверить почтовый ящик. За эти пробежки доставалось от мамы – надо было собираться, завтракать и выметаться, а меня постоянно нет на месте.

В школу брать с собой газету категорически запрещалось, и я очень хорошо понимал – почему. После знакомства с ней одноклассников, среди которых была туча болельщиков, от этого бестселлера к вечеру не осталось бы ничего. А газета вообще-то в первую очередь предназначалась отцу. На время его командировок газеты складывались в стопку, а потом заглатывалась им в один присест.

«Совспорт» тогда отличался от большинства центральных газет. Во-первых, форматом – он был маленький. На самом деле просто стандартный газетный лист складывали еще пополам, и получалось восемь полос. Во-вторых, там не было того, что писали все остальные газеты (тогда без особой точности можно было прочитать одну и знать содержание всех остальных), но было то, о чем больше никто не писал. Манера перепечатывать доклады Генерального Секретаря ЦК КПСС на весь номер, не оставляя спорту ни одного квадратного миллиметра, появилась позже – вместе со второй стадией развития маразма у «нашего дорогого Леонида Ильича»⁴⁷. На первой странице были анонсы, вторую я пропускал, потому что очень быстро выяснил – там вести из трудовых коллективов, сенсационные сообщения об организации производственной гимнастики швей-мотористок различных синеуповских заводов и достижениях колхозных гиревиков.

Вот на третьей странице переходили к делу, хотя иногда и ее прихватывали под физкультурников – тогда день был испорчен. Но уж на втором развороте гарантированно шли отчеты о футболе или хоккее, в зависимости от времени года. Действовали оперативно – в 50-е годы отчеты с составами команд из всех городов появлялись на следующее утро, и это несмотря на тогдашние средства связи. Потом, где-то в 70-е, обленились, обнаглели и стали подробные отчеты печатать только через день. Шевелиться их заставило только появление конкурентов в новейшие времена, а тогда я на «Совспорт» хамство в душе затаил.

Не стану здесь анализировать творчество авторов Совспорта, но отмечу черты, которые либо исчезли из нынешней спортивной журналистики, либо присутствуют в ней в виде реликтов. Во-первых, объективность. В какой-то степени предписанная и контролируемая сверху, потому что нельзя обижать «Динамо» – Органы, нельзя обижать ЦСКА, потому что это – родная Армия, нельзя обижать Киев, Тбилиси и т. д., потому что это национальные республики, а с этим было очень строго. А в какой-то степени объективность была хорошим тоном. Никто не знал, за кого болеет журналист, а подавно и комментатор. Проявить симпатии считалось неприличным – все равно, что ввалиться в «Арагви» с расстегнутой ширинкой. О том, за кого же журналисты на самом деле болели, узнавали по слухам, по случайным проговоркам. Это вам не СЭкс... Все это, конечно, касалось только Москвы – в Киеве, Одессе, в Закавказье на такие мелочи внимания не обращали, там прямо говорили в репортажах и писали: – Наши то, наши се...

⁴⁷ Леонид Ильич Брежнев (1906 – 1982) – партийный и государственный деятель СССР, с 1965 г. – фактический глава государства, правивший в стране рекордно долго, пока летом 2017 года его результат не превзошел В.В.Путин. Автор «эпохи застоя», особенно «застоявшейся» после случившегося с ним инсульта.

Случаи, когда написали бы в московских отчетах какую-нибудь гадость про судью, можно было пересчитать по пальцам. Надо было так наворочать, чтоб все стонали, тогда в заметке сообщали, что «судья имярек провел игру неуверенно». «Футбол» позже иногда себе позволял кое-что, но, обычно в рамках обзора судейства.

Во-вторых, писали довольно грамотно, если хотите – литературно. Телерепортажей из других городов тогда не было, а потому большинство заметок излагали ход матча. Роль кого-то конкретно выпячивать не полагалось, так что влюбиться в футболиста по газете было трудно. Аналитика не приветствовалась, иногда только – в конце сезона. Никакой инсайдерской инфы, упаси бог, никаких межсезонных слухов – только результат: игроки команды мастеров X (не подумайте плохого) и Y за проявленные ими рвачество, выразившееся в желании перейти из команды А в команду Б (опять-таки, никакой задней мысли) дисквалифицированы на сезон. Если эти рвачи хотели из какого-нибудь «Красного Лаптя» перейти в «Динамо» – ждите, еще до начала календаря появится в уголке на 4-й странице покаянное письмо этих подонков общества с объяснениями, что только желание повышать мастерство да вот нечаянное поступление в московский вуз заставили их оторваться от корней, от груди вскормившего их спортобщества, а так бы – ни за что. И играли голубчики, как миленькие, где надо – с первой игры. А вот если ренегат намылится из «Динамо» в «Спартак» или, того хуже, из Тбилиси в Москву, позже – из Москвы в Киев или обратно, могли промариновать и полгода. Из Киева-то вырваться, как правило, не стоило и пытаться. Не затем Лобановский игроков сгонял к себе в казармы, чтобы потом отпустить... Ладно, об этом «великом» – позже⁴⁸...

На последних страницах Совспорта шли второсортные виды и зарубежные вести. Слишком много из этих материалов узнать было нельзя, но я проглатывал все по главному советскому принципу: «берите, берите, а то и этого не будет».

Потом возник еженедельник «Футбол» – в 60-м вдруг появился этот праздник болельщика. Сначала в «Спорте» я прочел, что начинается выпуск приложения к газете, по наивности слово «приложение» воспринял в лоб и подумал, что он будет прикладываться к «Спорту». Потом выяснилось, что доставать его надо будет отдельно. Мы с отцом случайно оказались у киоска и увидели первый номер – тут же, конечно, схватили. Шестнадцатистраничный «Футбол» представлял собой все тот же одиночный газетный лист, но сложенный еще вдвое против «Спорта». Формат его сохранился до сих пор, но тогда страницы по сгибам не разрезали, и приходилось это делать самому. У меня терпелу не всегда хватало, чтобы дотащить «Футбол» до дому и там аккуратно порезать ножом, тогда я разворачивал лист на ходу и начинал рвать по сгибам. Бумага была поганая, рвалась криво, и драгоценность приобретала совершенно паскудный вид.

Первым редактором «Футбола» был Мартын Мержанов, писали там все возможные авторитеты: Вит, Дангулов, Ваньят... Лев Филатов, ставший впоследствии главным редактором «Футбола», был плодовитым писателем, несколько его довольно интересных книжек стоят у меня в библиотеке. Вот там была и аналитика, и большие статьи о командах, и серьезные материалы о европейском футболе. «Футбол» породил и новый для нашей спортивной прессы жанр – дотошную статистику, которую привнес в еженедельник Константин Есенин, натуральный сын поэта, но направивший свой поэтический дар на цифры игроков, матчей, голов, пенальти и прочих радостей и бед футбола. Именно ему принадлежит замечательная идея создания списка бомбардиров, забивших 100 и более мячей в чемпионатах СССР – Клуба Григория Федотова, названного так в честь великого игрока ЦДКА (что составляет для меня особую прелесть этого начинания), поскольку именно он добился такого успеха первым. Потом идея трансформировалась – стали добавлять голы в последних стадиях Кубков, голы за сборную – подозреваю,

⁴⁸ См. главу «Тоталитарный тренер или ТТ» (стр. 263)

отчасти для того, чтобы втянуть в Клуб Всеволода Боброва, который из-за травм играл в футбол недолго и до сотни в первенствах немного недобрал...

Беда с этим «Футболом» была в одном – купить его, когда народ разобрался, что это за зверь, стало весьма затруднительно, поскольку поначалу он распространялся только в розницу. Подписку на «Футбол» разрешили сильно позже, потом отменили, а окончательно разрешили чуть ли не в перестройку. А в 60-е, между прочим, говорили, что бурный рост тиража «Футбола» у властей предрержащих вызвал даже раздражение, и это дело прихлопнули. У нас и мощностей, вишь, не хватало на всю советскую прессу – печатать надо было всякие блокноты агитатора, решения разных съездов и труды вождей. И еще решили: отвлекает эта несерьезная писанина советских граждан от проблем построения социализма. Так что – придержали энтузиастов, а экономические соображения типа упущенной выгоды от недопечатанных и недопроданных «Футболов» никого тогда не волновали.

Примерно тогда же мне в руки попала газетенка, ныне давно вымершая и забытая – «Московская спортивная неделя», она же впоследствии – «Спортивная Москва». Убогонькое издание, в половину объема Совспорта, в котором тем не менее был подробнейший перечень анонсов спортивных событий в Москве – от футбольных матчей класса «А» (про которые, правда, и так все знали) до первенства Москвы среди клубов II группы (были еще высшая и первая и первенство среди школ олимпийского резерва, где и играли маленькие армейцы), всяких первенств по художественной гимнастике, городкам и одно время – даже лапте. Была такая попытка возродить эту игру – в пик что ли бейсболу? Я все-таки ценил это издание за то, что оно, единственное, печатало результаты клубного первенства Москвы по футболу, в котором меня, естественно, интересовали результаты ЦСКА. Ничего, кроме счетов матчей и суммарного очкового баланса вычитать там было нельзя, но хоть это...

В 63-м впервые я сам купил футбольный календарь – довольно информативный – с полной статистикой и заявками первой и второй лиг. Потом покупал календари каждый год, с 85-го года начал выходить большой справочник-календарь «Московской правды» (до этого они печатали маленький и без особых излишеств), его я особенно ценил за то, что только там были материалы о городском футболе, и иногда удавалось прочесть что-то про команды армейской футбольной школы.

Проведя полгода в Болгарии, я подучил совсем нетрудный болгарский, а, вернувшись, стал учиться читать на чешском. Когда читаешь на двух славянских языках, научиться читать газеты на третьем – дело пары недель. Довольно быстро я освоил «Чехословенски спорт» и «Копану»⁴⁹. Там про чешский футбол было все, вплоть до первенств краев и городов – подробнейшие отчеты, таблицы. Кстати, оттуда еще в 60-е узнал название «Виктория» (Жижков), в последнее десятилетие – одного из постоянных участников чешской суперлиги, а тогда – второй-третьей команды в первенстве Праги, бессменным чемпионом которой были *Uhelne sklady* – да-да, именно то, что вы подумали – «Угольные склады». Там же были шикарные обзоры европейского футбола. Заочно следил, конечно же, за тамошними армейцами – «Дуклей» (Прага), Виктором, Плускалом, Масопустом – многие из них были прославлены вторым местом на первенстве мира в Чили, а мы их периодически видели, когда чехи приезжали к нам на товарищеские матчи.

Потом, уже студентом, читал «Руде право» и «Младу фронту» со всеми материалами пражской весны 1968 года, звучавшими довольно-таки антисоветски. Каким-то образом номер «Руде право» со знаменитыми «2000 слов» я спокойно купил в киоске у метро «Кировская», которая нынче «Чистые пруды». Когда после советского вторжения в чешских газетах стали писать то же, что и в советских, начал покупать белградскую «Борбу» и по ней учить сербо-

⁴⁹ Корана (чешск.) – футбол

хорватский. Потом, уже когда работал, добрался до белградской «Политики», которую привозили сотрудничавшие с нами югославские коллеги.

В «Политике» я первый раз увидел, как общеполитическая газета может освещать спорт (футбол, конечно, в первую очередь) – этим было занято не менее половины 32-х страницного номера. Под отчеты о центральных матчах – по полосе, а то и по две. Объективностью и не пахло – какая, к черту, могла быть объективность, когда белградский «Партизан» играл в Загребе с тамошним «Динамо». Очень они там все друг друга любили.

Вот так, собирая информацию по капелькам из случайных источников, броуновского движения слухов и стихийных брехаловок, существовало неформальное сообщество болельщиков. Иногда какой-то слух мог расползаться месяцами. Это в новейшие времена стоило парашу запустить на Песках про Гаттузо⁵⁰ – и через час все агентства ее стали цитировать как достоверную инсайдерскую инфу.

Спортивные комментаторы тогдашние – это легенда. Синявский стал комментировать еще задолго до войны. В раннем детстве я думал, что слово «Синявский» просто обозначает человека, который рассказывает по радио про футбол. Когда впервые услышал репортаж Озерова, половина удовольствия пропала. Потом уже понял, что на радио Синявский брал темпераментом, даже про самую занудную игру говорил в таком темпе, что можно было подумать – там вихревые атаки... Он к телевидению так и не приспособился до конца – места для творчества не хватало. И он, и Озеров, и Спарре – первый ряд, с которого для меня начались футбольные комментаторы, были также корректны и объективны, как и пишущие журналисты. Только Озеров со своим «Спартаком» к старости стал себе кое-что позволять...

Мы смотрели футбол в БПК по единственному в округе телевизору «Авангард» в комнате, в которой обычно проходили собрания партгруппы. Детей сажали впереди, включали телевизор, при этом обязательно надо было поднять у него крышку и упереть на подставку вроде рояльной – иначе перегревались лампы, потому упор был предусмотрен конструктивно – и возникала совершенная атмосфера стадиона, даже еще лучше, потому что можно было и орать, как на «Динамо», да еще репортаж слушать.

Еще один телевизор в пределах моей досягаемости стоял дома у деда и бабки (со стороны отца) в Малом Козихинском. Мы ехали туда на метро, на входе отдавали билетки контролеру, и она их надрывала, билетик надо было хранить до конца поездки, потому что по вагонам, открывая на ходу под вой ветра в тоннеле переходные двери, перемещались другие бесстрашные контролеры. А на перроне пассажиров встречала серьезная тетенька в красной фуражке с круглым белым жезлом и черным кругом в середине – им она сигналила машинистам поезда, что двери можно закрывать. В кабине же было двое – машинист, который сидел за рычагами управления и его помощник, который на станциях стоял одной ногой на перроне и, получив сигнал жезла дежурной по перрону, кричал машинисту «Готов!», а тот включал механизм закрывания дверей. Потом на станциях понаставили зеркал, через которые машинист сам все видел, и кричать перестали.

Потом мы с родителями шли по улице Горького мимо магазина «Телевизоры», в котором нельзя было купить выставленные в витрине образцы, мимо карикатур в окнах Дома художника, мимо ТЮЗа и Глазной больницы, все еще в противоздушном камуфляже. Родители с дедом и бабушкой обычно садились за преферанс (в детстве я ненавидел эту игру, потому что она

⁵⁰ Спонтанный глум, возникший как-то на Песках году, эдак, в 2003-м, вслед за информацией о срыве перехода в ЦСКА защитника Грыгера из Чехии. Тут же кто-то запустил хохму, что «нафиг нам Грыгера, мы Гаттузо купим». Через час постоянного повторения хохмы на разные лады корни ее уже были надежно забыты, а еще через час gazeta.ru сообщила об интересе ЦСКА к итальянскому защитнику. Следующий день был посвящен опровержениям и недоверчивому отношению к опровержениям.

отвлекала родителей и деда от меня), а я ждал шести часов, когда детской передачей начиналась программа телевидения.

Этот вид массовой информации еще пребывал в подростковом возрасте – передачи шли только по одному каналу, а, когда как-то раз мы пришли в гости к деду и бабушке посреди недели, я едва дождался срока, щелкнул выключателем, а на экране ничего не появилось. Взрослые посмотрели на меня с сочувствием: – Сегодня же четверг! На телевидении выходной!

Однако в остальные дни по единственному каналу исправно шли репортажи со стадионов. И в 58-м эра электронных СМИ началась и в нашей комнатухе на Нарышкинской. Мама уже два года, как вернулась на работу, папа перешел на должность заместителя по наладке главного конструктора подольского котлостроительного завода им. Орджоникидзе, и денег стало хватать от зарплаты до зарплаты. Тут еще вернулся в Москву демобилизовавшийся майором друг моих родителей – при деньгах, полученных под расчет при увольнении. И вот отцы семейств замыслили купить по телевизору. Подозреваю, что одним из основных стимулов для папы была возможность смотреть футбол дома, потому что он очень уставал, ежедневно катаясь в Подольск и обратно, и на стадион мог выбираться нечасто.

Слава богу, телевизоры уже не распределяли по талонам, но и купить их было непросто: их продавали в ограниченном числе крупнейших магазинов штук по 50 в день, поэтому надо было очередь занимать очень заранее.

Папа отправился ночевать к другу на улицу Горького в Елисеевский дом, а часа в 3 ночи они направились к ГУМу. Однако к магазину их не пропустили милицейские патрули – норвящих приблизиться к Красной площади так рано они гоняли, а упирающихся забирали в «собачий ящик» (он же – воронок, сейчас чаще именуемый автозаком). Пришлось прятаться от них по подъездам, которые в те времена не запирались. Часов в 5 народ все-таки из укрытий вылезал и накопился в квартале от ГУМа в таком количестве, что кого-то хватать милиционеры уже не рисковали. Около 6-ти они отконвоировали толпу к входу в ГУМ. Папа рассказывал, что очереди не было – там такая традиция сложилась. Задача была совершенно в стиле нынешних распродаж, которые показывают по ТВ – когда открывались двери магазина, толпа рвалась в них, и призы доставались тем, кто успевал добежать до отдела телевизоров первыми.

Когда, наконец, в 8 утра раздался «выстрел стартера», наши молодые и спортивные отцы оказались в головке пелотона, а на дистанции отыграли много мест, и папа пришел вторым, а друг – пятым, то есть, совершенно точно оказались «в призах». Призами были ультрасовременные телевизоры «Рекорд-2Б» с диагональю экрана в 35 см, которые потом прожили у нас до конца 60-х.

Дальше были уже только счастливые хлопоты по вытаскиванию из ГУМа огромных тяжелых коробок сквозь толпу аутсайдеров, поиск такси и торжественная доставка сокровища домой. К нам в комнатку поначалу откочевала часть аудитории институтского телевизора, а потом уже постепенно все отоварились... Кстати, так начинался процесс разрушения структуры коммунальной квартиры, когда соседи все знали друг о друге до седьмого колена и до донышка последней кастрюли, а нынче – и в лицо-то различают с трудом.

Лето 59-го года было для меня этапным, потому что тогда прекратились мои ссылки на целое лето в Киев, и мы всей семьей отправились в Палангу, в тогда еще советскую Литву – маме после туберкулеза юг был противопоказан, а на море всем хотелось, потому и была выбрана Балтика. Мы остановились на день в Вильнюсе, где я впервые в жизни увидел надписи на домах на латинице, а больше всего развеселил памятник с надписью «Leninas». Там же я увидел и первую в своей жизни синагогу, и до сих пор дивлюсь тому, как это она там уцелела

после всего, что случилось в войну с литваками⁵¹... До знакомства с архитектурными красотоми Вильнюса – улицей Антоколио и святой Анной – мне оставалось еще лет 20...

Добравшись до Паланги, очаровательного городка среди сосен на берегу с песчаными дюнами, мы оказались в совершенно непривычной обстановке литовского пансиона. Гостеприимство, которое сдержанно-вежливые хозяева оказывали в форме “bed and breakfast”, произвело впечатление высокой культуры и даже изысканности.

Балтика порадовала возможностью неограниченного купания и игры с отцом на песке в футбол. Там же, в Паланге состоялось и мое первое столкновение с религией – у меня, московского мальчишки, глаза на лоб полезли, когда я увидел, что буквально весь городок регулярно посещает костел, причем не только торжественные службы, а просто – идет человек по улице, сворачивает в храм, опускается на колени на специальную досочку в рядах скамей, молится минуту, поднимается и идет дальше по своим делам.

Между прочим, у входа в костел помещался ящичек для пожертвований, на котором на русском языке было написано, что сбор пойдет на реставрацию шпиля, поврежденного в 1945 году американскими бомбардировщиками⁵². Судя по тому, как шпиль выглядел спустя 14 лет, набрать удалось немного. Потом, в «Берегись автомобиля!» гениальная сцена с пастором – Банионисом, у которого деньги на «Волгу» «немного остались... от Него» мне безумно напомнила тот палангский шпиль... Кстати, эта сцена совершенно самоценна, и фильм стоило снять хотя бы ради нее, ради этих слов в исполнении великого Донатаса Юозо: – Одни верят, что бог есть, другие – что бога нет. То и другое – недоказуемо...

У меня от этой поездки, помимо приобретенного умения кое-как держаться на воде, осталось на годы недоумение: вот все эти взрослые, на вид вполне разумные люди, неужели они и вправду верят? Примиряться с тем, что кто-то не разделяет моего материалистического мировоззрения, я научился значительно позже...

⁵¹ так назывались литовские евреи, пока все не погибли от рук гитлеровцев и местных коллаборационистов или не уехали из Литвы

⁵² Мемельский край, на территории которого находилась Паланга, был в 1939 году отнят гитлеровской Германией у Литвы и включен в состав рейха, поэтому в ходе Второй Мировой Войны союзники рассматривали его как имперскую территорию и, соответственно, бомбили.

Новые времена

Буквально на следующий день после Первомайского праздника 1960 года газеты и телевидение сообщили о небывалом – зенитные ракетчики сбили американский самолет «Локхид У-2» над Уралом. Пресса заходила в восторге от успеха – свалили считавшийся неуязвимым американский разведчик на высоте, до которой раньше не дотягивались ни ракеты, ни самолеты-перехватчики ПВО; пилота – Фрэнсиса Гэри Пауэрса – захватили и предали открытому суду⁵³. Я целых три недели ходил в школу по Красноармейской мимо выставленной в витрине Дома авиации⁵⁴ схемы полета Пауэрса, заканчивавшейся крестом на Урале. Под соусом этой истории отменили уже назначенный ответный визит американского президента Эйзенхауэра в СССР и планировавшееся заключение договора о разоружении. Не знаю, как остальные, но тогда я впервые осознанно воспринял ощущение военной тревоги, которое вообще-то культивировалось постоянно. Весь следующий год это ощущение только нарастало.

А тем временем, в параллель с грозowymi раскатами в мировой политике, в жизни нашей семьи произошло событие, которое изменило ее совершенно. Летом 60-го года меня в очередной и последний раз, правда, лишь на месяц, услали в Киев к деду и бабке, а родители под действием слухов о ширящемся жилищном строительстве решили попробовать выяснить свою судьбу в райжилотделе, где они стояли на очереди с незапамятных времен. Действительно, все газеты и телевидение громогласно возвещали о том, что Советская власть, едрена вошь, обеспокоилась-таки условиями жизни своих неподследственных граждан – в смысле, тех до кого очередь на следствие и его последствия так и не подошла, – и стала строить жилье «числом поболее, ценою подешевле». Мы летом 59-го, едучи купаться в Серебряный Бор, даже сами видели, что на Хорошевке за домами, построенными пленными немцами сразу после войны, выросли кварталы из одинаковых пятиэтажных домов, с торца выглядевших так, будто склеили вместе десять спичечных коробков в два ряда...

Шансов, как сами родители думали, у них было немного – такие же или худшие условия были еще у тысяч семей, к тому же маму только что сняли с учета в тубдиспансере как излечившуюся, и эта льгота нам больше не полагалась. И тут случилось одно из совершенно необязательных событий, которые определяют повороты судьбы. В жилотделе они попали на молодого парня, который почему-то проникся к ним симпатией, сказал, де, давайте посмотрим, что можно сделать, порылся в своих бумагах и воскликнул: – О, такой-то (видно начальник невысокого ранга) от ордера отказался! Вот, берите смотровой, но имейте в виду, что действовать надо быстро!

Надо ли объяснять, что действовали мои родители в ураганном темпе, потому что смотровой ордер обещал двухкомнатную квартиру с жилой площадью в 31 кв.м., кухней, отдельным санузелом (совмещенный тогда еще только становился пугалом для многосемейных новоселов) и даже метровым чуланчиком. И всего-то – на втором этаже (лифты тогда считались архитектурным излишеством)! Это были славные времена, когда проектировщики еще не потеряли совесть окончательно и не соединили пол с потолком, как в известном анекдоте. В квартире был настоящий буковый паркет, деревянные, а не картонные, двери и широкие лестницы, по которым можно было проносить серьезные грузы – что гроб, что пианино. В последующих сериях новостроек все это исчезло.

⁵³ приговорили к 10 годам, а затем обменяли на Рудольфа Абея. На мой вкус мы тут сильно выиграли, получив аса разведки за рядового пилота.

⁵⁴ Ныне – Центральный музей авиации и космонавтики все на той же Красноармейской

Когда приехавшие за мной родители сказали, что в старую комнату на Нарышкинскую мы уже не вернемся, я загрустил – и по родному месту, и по соседям, которые были вроде родственников...

Первое время мы в этой квартире друг друга теряли, и чувство локтя ближнего своего, засунутого тебе под дых, сильно ослабело. Правда, возникли трудности из-за удаленности нового места жительства – тогда это называлось 75-м кварталом Верхних Мневников. До любого метро надо было добираться полчаса, и отцу, работавшему на подольском заводе, приходилось тратить по два с половиной – три часа в один конец. Еще и в 20-й троллейбус на нашей остановке, которая тогда называлась «Правление колхоза»,⁵⁵ было не сесть. Как-то раз отец, опаздывая на работу, доехал вместе с еще десятком мужиков на подобрывшем их «воронке» до Белорусского вокзала, а когда шофер скомандовал высадку, они попрыгали из машины на ходу – там в пробке скорость была маленькая... Фурор, когда из воронки посыпались мужики, некоторые с портфелями, на площади был огромный.

Родители из-за этого чуть не совершили роковую ошибку: попытались лихорадочно поменять отдельную квартиру на комнаты в общей квартире поближе к центру, и только спустя год, когда они распробовали прелесть независимости от посторонних и родили второго сына, прекратили эту самоубийственную деятельность.

Для меня переезд означал не только то, что я больше не буду спать на топчане у выхода из комнаты, и через меня не надо будет перешагивать, чтобы выйти, но и необходимость уйти из любимой 150-й школы, где я всех знал и прекрасно себя чувствовал. Я еще посопротивлялся жизненным обстоятельствам и несколько недель поездил с Хорошевки на Ленинградку, но потом почувствовал, что выматываюсь от этой езды и беготни по часу с лишним в каждую сторону и сдался. Все-таки в 10 лет это оказалось тяжеловато. Тем более, что на меня во все большем объеме ложились всякие обязанности в семье – именно тогда до самого 64-го года я меньше всего видел своего отца, который со своей бригадой наладчиков месяцами сидел на Южно-Уральской ГРЭС⁵⁶, запуская один блок за другим.

Согласно советской системе, о трудовых успехах положено было рапортовать к Новому Году, и для нас последние дни календаря превращались в напряженное ожидание – успеет ли папина бригада провести 72-часовое испытание, которое позволяло считать блок введенным в строй, и хватит ли ему потом времени, чтобы долететь до Москвы. Мама, пока работала в ГАМЦ, а потом ее подруги в московских метеобюро отслеживали погоду – я запомнил минимальные параметры, позволявшие садиться тогда в московских аэропортах – высота облачности 100 метров, дальность 1 км... Однажды папа не успел, и мы поздравляли друг друга с Новым Годом по телефону – он позвонил с Челябинского аэродрома.

Год в 100-й школе-восьмилетке пролетел незаметно, потому что я больше проболел ангинами и воспалениями легких, чем проучился. Возможно, сказалось прекращение занятий в бассейне, а может быть, детский организм так отреагировал на улучшение жилищных условий – во всяком случае на изменение обстановки. Мама таскала меня по врачам, зашла речь о необходимости операции, но тут кто-то ей посоветовал показать меня отоларингологу Фельдману – тому самому, чудом уцелевшему в лапах МГБ по делу врачей. Мы пошли к нему на квартиру, и старый доктор, надев налобное зеркало, посмотрел меня и сказал: – Не надо ребенка зря оперировать, отвезите его летом в Евпаторию, пусть мальчик пополощет там горло морской водой, и все пройдет.

С наступлением весны я стал болеть поменьше, а в школу ходить – побольше. Пожалуй, именно к этому году относится мой первый околоспортивно-окололитературный опыт –

⁵⁵ Впоследствии – Бульвар генерала Карбышева

⁵⁶ Государственная районная электрическая станция

нам задали сочинение на сакраментальную тему «Как я провел зимние каникулы», и я добросовестно пересказал содержание документального фильма о Римской Олимпиаде, виденного мной в кинотеатре «Новости дня» в начале Твербуля, и заслужил от классной руководительницы восторженный отзыв. Вдохновленный им я в следующем сочинении разразился новогодней сказкой – довольно шаблонной, но все же придуманной полностью самостоятельно и настолько впечатлившей учительницу, что к «пятерке» она добавила два плюса...

Для уравнивания к себе чересчур почтительного отношения учительницы, я, несмотря на частые отсутствия, успел поучаствовать вместе со всем классом в «хулиганстве» – учительница задержалась и долго не приходила в класс, а несколько ребят носились по коридору и орали. Нашей классной перепало от завучихи младших классов, ведшей параллельный класс и заслужившей у своих детей кличку «Бочка-полицией» за стройность фигуры и доброту, и нам не поздоровилось... Разъяренная взбучкой классная пошла по рядам и вклеила в дневники всем погловно двойки по поведению. Я, не чувствуя за собой особой вины и учитывая коллективный характер репрессии, отнесся к ней наплевательски. А вот девочка, которая сидела со мной за одной партой, отличница и председатель совета пионерского отряда с двумя лычками на рукаве, заплакала тихонько и стала спарывать лычки, видимо в знак протеста. Добилась она только того, что классная еще и за это на нее накричала...

До майских праздников оставалось уже немного, когда вдруг на перемене по школе пополз какой-то слухок, что у нас запустили человека на Луну... Ну, такую возможность я своим критическим умом сразу отверг – ага, ни одного запуска человека на спутнике Земли, и сразу – на Луну? А потом слух стал как-то материализоваться и приобретать более отчетливые очертания – вроде полетел майор Гаганов. Опять мой мозг воспротивился: Гаганова – это была фамилия ткачихи из Вышнего Волочка, которой незадолго до того дали «Гертруду» – Героя Соцтруда, и я решил, что это опять у кого-то в голове что-то закоротило...

... Урок все не начинался, учительница опять куда-то исчезла, и мы колобродили в классе, пока не прокашлялась вдруг в коридоре школьная радиотрансляция, и учитель труда проговорил в микрофон, что у нас запущен космический корабль с человеком, фамилию он еще не назвал... В школе началось громкое сумасшествие, и все, с кем я потом говорил на эту тему, сходились на том, что это была невиданная ни до, ни после, эйфория.

Занятия, само собой, фактически были сорваны – никто ничего не мог и не желал слушать, все только обсуждали событие. Мы, как выяснилось, были не одиноки – тысячи людей сорвались тогда с работы и с занятий и против всяческих правил и обыкновений вывалились на стихийную демонстрацию на Манежке – вечером телевидение показывало студентов-медиков, у которых приветственные лозунги были написаны на их белых халатах. Что-то подобное мне почудилось потом во взрыве чувств в ночь 19 мая 2005 года⁵⁷...

Через несколько дней Москва готовилась к встрече первого космонавта, который, как выяснилось, Гагарин, а не Гаганов, хотя пресса не упустила случая обыграть сходство фамилий. Рано утром я шел в школу, исполненный решимости удрать оттуда любой ценой после второго урока, чтобы успеть к телевизору и все увидеть. Подозреваю, что аналогичные планы строили практически все, кто пришел в тот день на занятия. И когда после второго урока я уже напряжился, чтобы в перемену задать стрекача, в класс зашла завуч и сказала: – Дети, идите домой смотреть встречу Юрия Гагарина!

Даже жалко было пропавшего зря запала совершить побег. А через несколько секунд после замечательной речи завуча газоны вокруг школы почернели от сотен школьников, рвущихся вон, на ходу натягивающих пальто, куртки и шапки и мчащихся по домам... Дома у телевизора за импровизированным праздничным столом я к своему удивлению обнаружил группу оперативников ГАМЦ ВВС во главе с собственной мамой, которые смылись с работы с той

⁵⁷ Это когда мы кубок УЕФА взяли

же целью, что и я. Подозреваю, что в тот день в Москве работали только «Скорая помощь», пожарные и вытрезвители.

Картинка встречи до сих пор перед глазами, как нечто обалденное – чистый, ничем не запятанный восторг, охвативший буквально всех. Я просто не знаю человека, который бы вспоминал этот день без теплоты в голосе, хотя оснований для всяких неудовольствий жизнью было предостаточно. Но вот – никого не убили, не завоевали, а просто совершили подвиг, которого мы, мальчишки, ждали и были уверены в нашей победе в гонке с американцами, никем не объявленной, но совершенно очевидно существовавшей. Самолет над Внуково в окружении почетного эскорта истребителей, посадка, развязавшийся шнурок у Гагарина на ботинке, рапорт и проезд от аэродрома до Кремля среди толп, беснующихся от радости, сносящих оцепления, прорывающихся с букетами к машине. Взрослые в тот день выпили все, а мама и ее сослуживицы вспомнили, как полтора года назад у них в столовой обедали молодые летчики, которых кто-то назвал «Лайками»⁵⁸...

А в июне меня по мудрому повелению доктора Фельдмана отправили-таки в эту самую Евпаторию. Видимо, специально для этого именно там дислоцировался пионерский лагерь Министерства обороны «Чайка», который в то время считался вторым по уровню в стране после легендарного «Артека». Мама, работавшая в системе МО всего лишь рядовым вольнонаемным оперативником одной из множества служб, каким-то своим особым везением или паранормальными способностями раздобыла мне туда путевку. Да, надо признать, по тем временам лагерь был шикарнейший, кормили вкусно и обильно, было полно всяких секций и кружков, пляж и море...

Как и во всех других местах, важное место занимал футбол – разыгрывалось первенство лагеря, хотя понятно, что команде 35-го отряда, состоявшей из пятиклассников, нечего было делать против 1-го отряда – там были ребята, перешедшие в 10-й... Даже против 3-го отряда (мальчишковые носили нечетные номера, а девчачьи – четные), где ребята были всего на год моложе, первоотрядовцы имели абсолютное превосходство. Но вот как-то на утренней лагерной линейке начальник лагеря сообщил, что к нам едет детская команда ЦСКА, чтобы сыграть со сборной лагеря. Можете себе представить, как все воспламенились от этого сообщения!

Все, конечно, были уверены, что команда НАСТОЯЩЕЙ спортиколы НАСТОЯЩЕГО ЦСКА несомненно вздует наших, пусть даже они и будут старше... Парни из сборной лагеря все это слышали и тренировались совершенно, как сумасшедшие – просто не уходили с поля лагерного стадиона, между прочим, вполне «взрослого» – с капитальными каменными трибунами и полем с разметкой и воротами с настоящими цельными сетками. В назначенный для матча день лагерь гудел и ходил ходуном, команда лагеря столпилась поблизости от поля, чтобы первыми увидеть соперников, как только их доставят.

Что-то затягивалось прибытие высоких гостей... Наконец, пронесся вой: – Приехали! А вскоре, действительно, в клубах пыли появился зеленый армейский автобусик, только что-то я никого не мог разглядеть в салоне, хотя в детстве у меня было отличное зрение. Дальше началась какая-то фантазмагория – автобус, не тормозя у границы поля, проехал в центральный круг, а потом из дверей полезли на поле какие-то черти, лешие и бабы-яги в дурацких сарафанах, в которых со второго взгляда легко распознались физруки, вожатые и прочая нечисть...

⁵⁸ написал и сообразил, что буду либо не понят, либо понят, но не так. «Лайками» летчиков называли по аналогии с первой космонавткой – собакой Лайкой, пилотировавшей Спутник-2 и давшей имя сорту очень посредственных сигарет. О «лайках» как символах одобрения в фейсбуке тогда не подозревали, и до подозрений оставались еще десятилетия.

Поняв, как их надули, ребята из сборной от обиды совершенно озверели и, когда началась-таки игра, пошли рубиться с вожатыми всерьез, не стесняясь врезать сопернику по костям со всей силы. Кое-кому из взрослых это сильно не понравилось, и я слышал, как начальник лагеря уговаривал их: – Ребята обиделись! Вы уж потерпите!

В первом тайме со злости и со свежими силами пацаны штуки три наколотили, а после перебива взрослые, сняв дурацкий юбки и засучив штанины, отыгрались, чем закончилось точно не помню, но у меня остался нехорошее послевкусие, тем более что незадолго до того мы тоже попались... Для младших отрядов устроили что-то вроде военной игры – поиски «сладкого дерева» – по каким-то подсказкам. Мы первыми обнаружили под кустами ящик с пряниками, но у нас его конфисковал вожатый соседнего младшего отряда и объяснил, что маленьких нельзя обижать, этот ящик должны были найти они... В общем, мы поняли, что вся эта игра была нечестной с самого начала.

Отдых в пионерлагере МО «Чайка» оставил еще одно сильное воспоминание. Как-то раз один мальчишка из нашего отряда, сын офицера, как и большинство ребят, когда пришлось к слову, вдруг, понизив голос сказал: – А ты знаешь, что мы в 42-м году должны были на Гитлера напасть? Я о таком услышал тогда впервые и, конечно, сказал, что – нет, не знаю, но это было бы здорово, если бы мы первыми успели, и не было бы этой внезапности, из-за которой, как нам тогда объясняли, случилась трагедия первого периода войны. То есть, тогда отголоски этих предвоенных слухов продолжали циркулировать среди офицерства. Я потом спросил своего старшего дядю, служившего в кадрах с 38-го, правда ли это. Дядя Петя, как-то глядя в сторону, пробурчал что – да, разговоры такие ходили... А проблема начала войны с Германией так до сих пор и остается туманной ареной борьбы «патриотических» и «антипатриотических» историков...

Между всеми этими пионерскими делами и развлечениями, в соответствии с предписаниями доктора Фельдмана, я, действительно, во время купаний несколько раз прополоскал горло морской водой, а остальное, видимо, доделали местный микроклимат и взрослеющий организм. Так что я полностью вылечился от своих хворей и вот делюсь теперь советом старого доктора – лучшего ухогорлоноса СССР. И когда в общественном питании советского народа произошла миниреволюция – в продуктовых магазинах стали массово устанавливать миксеры и поить народ молочными коктейлями из мороженого, сиропа и молока по 10 копеек стакан, я уже потреблял это лакомство совершенно безбоязненно.

А в следующий – 5-й – класс я пошел в десятилетнюю 108-ю школу, намного ближе к дому – только пересечь 67-ю больницу. Правда, там, прямо у дыры в заборе, через которую я проникал в больницу, располагалась маленькая больничная прозекторская, и на 11-летнего пацана санитары, с ржанием вытаскивающие из машины носилки с голым трупом, у которого сопроводительные документы засунуты в сложенные на груди руки, произвели неизгладимое впечатление.

В октябре того 61-го года произошла еще одна важная перемена в жизни – родился мой младший брат, которого после ожесточенной внутрисемейной дискуссии назвали редким именем Александр. На этом закончилось мое существование в качестве единственного ребенка, что в принципе полезно для пресечения эгоцентрического развития личности. Правда, когда у тебя с младшим братцем разница в одиннадцать с половиной лет, он уже воспринимается, скорее, как племянник... Тем более, что я тут же был брошен на курс молодого бойца (отца) – сначала гуляние с коляской, а потом и оставление с этим персонажем один на один: пеленание, мытье, экстренное застирывание подгузников, которые тогда не были одноразовыми, переодевание ползунков и кормление из бутылочки. Когда у меня свои дети появились, учиться мне уже было нечему...

По тем временам ничего необычного не было в том, чтобы 11-летний мальчишка умел и простирнуть, и покормить. До сих пор помню, что для оценки температуры молочной смеси в

бутылочке надо было, надев на нее соску, капнуть содержимое на тыльную сторону ладони, и, если ощущалось только слабое тепло, значит, все в порядке – можно кормить, не обожжешь.

Недавно в разговоре с младшим братом, у которого уже своих трое дочерей, услышал, что он до сих пор помнит, что я лучше всех укладывал его спать – подтыкал одеяло со всех сторон, так ему было тепло и уютно. А дело было в том, что я в силу возраста еще очень хорошо помнил, как лучше всего засыпалось мне самому... И теперь я знаю, что сделал в жизни, по крайней мере, одно доброе дело – и это меня радует, – помните анекдот, в котором бог отвечает человеку, в чем был смысл его жизни: – В поезде в Винницу в вагоне-ресторане женщина попросила тебя передать ей солонку? Ты передал. Вот в этом!

Главной же моей и самой нелегкой педагогической обязанностью были ежеутренние марш-броски за полтора километра – на молочную кухню за всякими В-гречами и В-кефирами. Как-то постепенно оказалось, что все мамы знакомые, с кем она вместе гуляла с колясками, тоже очень занятые люди, и к весне я уже таскал из молочной кухни чемоданчик с 21 бутылочкой для пятерых младенцев. Зимой, в темноте эти прогулки с хрупкой стеклотарой по заледевшим дорожкам, из-за которых приходилось вставать часа на полтора раньше, доставляли особый кайф... Правда, по воскресеньям чадолюбивые родители, у которых рабочий день в субботу уже был укороченным, давали мне выспаться.

Случилось той осенью и удивительное событие, равного которому не было в истории ни до, ни после. Непререкаемый лидер советского хоккея команда ЦСКА, из которой по каким-то причинам был устранен один из ее основателей и неизменный тренер Анатолий Тарасов, вдруг продул динамовцам с небывалым счетом – 5:14. При этом в первом периоде легендарный непробиваемый Николай Пучков запустил 8 штук, а по рассказам бывших на игре остальные армейцы только присутствовали на площадке... Лишь в третьем периоде команда забежала и закончила его 5:5... Иначе, как слив тренера Виноградова это воспринимать было невозможно.

После этого в команду вернулся отставленный Тарасов, а Николай Георгиевич Пучков был навсегда отправлен в питерский СКА. Кончился этот сезон проигрышем «Спартаку» в знаменитом скандальном матче. Конфликт разыгрался из-за того, что в те времена в середине третьего периода звучал свисток, игра останавливалась, и команды менялись сторонами площадки. И вот именно на последних секундах первой десятиминутки третьего периода армейцы, которые весь матч проигрывали и которым для чемпионства требовалась хотя бы ничья, сравняли счет. Однако судья-секундометрист заявил, что шайба пересекла линию ворот уже после окончания времени по контрольному секундомеру, хотя на табло еще оставалась секунда. Гол отменили, Тарасов уперся и увел команду с поля, судьи тоже не сдавались, бедный Николай Николаевич Озеров не знал, что и врать-то – от эфира его не отключили, и пришлось ему импровизировать на разные лады. Через полчаса после нажима с самого верха (в правительственной ложе восседал сам Брежнев) матч возобновили, и мы все же лишились в том году чемпионства. Тарасову эта эскапада стоила временного лишения звания «Заслуженный тренер СССР».

К тому же времени относится и знакомство, смысл и последствия которого стали ясны много позже. В нашем дворе во главе шайки дошкольной мелюзги носилась самая толстая и здоровая из них деваха – Танька из 35-й квартиры. Ее семья раньше жила в 3-м Красноармейском переулке – недалеко от Нарышкинской аллеи, а потому по «улучшению жилищных условий» мы и попали в один дом на Хорошевке. Моя мама узнала, что в этой квартире живет преподавательница Стасовской музыкальной школы, и пошла у нее выяснять, нет ли тут поблизости учителя по фортепьяно, на котором меня мучили еще на старой квартире. Так

мы познакомились с семьей этой преподавательницы, в том числе с ее племянницей – моей будущей женой.

Соседи. Мой полугодовалый брат Сашка и восьмилетняя Танька из 35-й квартиры. Семейный архив. 1962 г.

Тогда никаких особых мыслей в связи с этим не возникло. Ну, посудите сами: я уже, можно сказать, старший школьник – перешел в 5-й класс, и какая-то мелочь детсадовская... Когда соседская дочка подросла, перспективы каких-то особо приятных отношений еще уменьшились, потому что теперь мне ставили ее в пример за аккуратность, а ей меня – за трудолюбие, потому что я выносил помойное ведро и бегал в магазины и на молочную кухню (про трудолюбие – это был миф, я все это делал по обязанности, а не по душевной склонности). Ничего, кроме раздражения с обеих сторон, это вызвать не могло.

Только уже будучи студентом университета, я вдруг обнаружил, что из дочки соседей, ставших друзьями нашей семьи, из вот этой девахи, которая была мальчиков в своем детсаду с чисто женским обоснованием: – А что он второй лезет! – выросла изящная юная девушка с тонким профилем, получившая-таки, в отличие от меня, настоящее музыкальное образование и собирающаяся дальше заниматься биологией. Ну, как тут студенту выпускного курса Биофака МГУ было не помочь очаровательному созданию?

...Тот молодой парень в райжилотделе, внезапно проникшийся добрыми чувствами к моим родителям, не только дал нам первое человеческое жилье, но и, поселив нас именно в 10-м корпусе 75-го квартала Верхних Мневников, предопределил кое-что в моей судьбе.

Рождение столпов

В 61-м в советском футболе случилась реформа – вместо привычных 12-ти команд в классе «А» стали играть 22. Большинство из добавленных представляли республики. Баку, Ереван, Харьков, Ташкент, Алма-Ата и Минск были неплохи, а вот прибалты оказались откровенно слабы. Правда, при этом была установлена совершенно дикая форма зачета – если в зоне вылета оказывалась единственная команда республики, то вместо нее выбывала худшая команда из республики с большим представительством. В результате с 15-го места вылетел совсем неплохо игравший воронежский «Труд». Потом это отменили, и Таллин, Вильнюс и Рига шустро повывлетали, кто надолго, кто навсегда.

Нам с этого перепало – из «Жальгириса» забрали вратаря Йонаса Бауржу. Он попал к нам при странноватых обстоятельствах – после того, как армейцы у вильнюсцев выигрвали 7:1, но, видимо, если бы не Йонас, все могло кончиться еще веселее... Играл Бауржа у нас долго, добирался до уровня олимпийской сборной. Высокий, немного легкий для вратаря, с хорошей реакцией, но иногда начинал нервничать и вдруг ловил «бабочек», хотя играл за спиной довольно мощной обороны.

Тогда же появился совсем молодой Альберт Шестернев – наша краса и гордость, лучший защитник ЦСКА (нас так, наконец, назвали в 60-м), сборной СССР и, на мой вкус, мира. В сборную на первенство мира в Чили его взяли двадцатилетним. Рослый, с мощным прыжком вверх, с совершенно сумасшедшей скоростью на короткой дистанции, со своеобразнейшим финтом и дриблингом – на прямых ногах, по большим дугам. На моих глазах он как-то, подбрав мячик у своих ворот, пошел вперед, наматывая одного за другим противников числом всего не менее шести, они только разлетались в стороны от его финтов, дошел до чужой штрафной и грохнул по воротам. А спустя несколько матчей повторил этот номер и забил единственный свой мяч в классе «А». И почему он только так редко это делал?

Но главное в нем была абсолютная надежность, способность съесть любого нападающего. С ходу не могу вспомнить момента, когда кто-то его мог пройти финтом, но, даже если такое случалось, Алик все равно доставал обидчика. Догнать он мог любого – что в своей зоне, что в чужой, подчищая за партнерами по защите. Знакомый спартаковский дублер стал мне как-то объяснять, что-де с выбором позиции у Шестернева неважно. – И что ж его никто пройти-то не может? – съехидничал я. – Так у него скорость такая, какой не бывает! – был ответ. Ну, ладно, скорость так скорость. Там же еще ум был или чутье какое-то невероятное.

Когда Шестернев вошел в силу, он стал основой обороны и клуба, и сборной – там он даже превзошел рекорд Льва Яшина по числу сыгранных матчей. Когда он был в порядке, к нему можно было добавлять кого угодно, и от провала мы все равно были гарантированы. А вот если его не было, то даже при лучшем составе в центре зияла дыра. Когда Пеле и компания сделали нас в Луже 3:0 безоговорочно, я утешался тем, что это потому, что Шестернев из-за болезни отсутствовал.

Дыра зияла и когда он ушел из футбола, пока не заполнилась киевскими, оборонявшимися, как кто-то точно подметил, «осиным роем». Когда Шестернев сошел – кончилась эпоха.

Насколько прочной в сознании армейского болельщика была связка в обороне от правого края – Дубинский – Шестернев, настолько после ухода Дубинского прочной стала связка Пономарев – Шестернев. Владимир Пономарев – один из моих любимых футболистов, московский, как и многие из тогдашней волны, сын динамовца, поигравшего в основе после войны. Приметил я сначала его фамилию в отчетах о дубле – тогда это писалось в Совспорте в одну строчку: дублирующие составы, счет, голы забили – и все. Если на дубль не ходить, так и век не узнаешь, кто ж там у них в воротах стоял. А вот Пономарев за дубль бежал в нападении, и

внимательный армейский болельщик не мог не обратить на него внимания – в однострочных отчетах о дубле его фамилия так и мелькала.

А потом, в одночасье, превратился у нас Володя в правого бека и заиграл в первом составе. Вот бывает – наигрывают игрока, вроде способный, вроде прогрессирует, потом бац, приходит парнишка, и сразу видно, что – готовый игрок, его и наигрывать-то не надо... Так и с Пономаревым получилось. Пройти его было невозможно, скорость, подкат прямо-таки каллиграфический и поразительная для бека корректность. Не в состоянии вспомнить, чтобы он кого-нибудь травмировал, а сам травмировался довольно много. Играл и после двух менисков и сошел в 69-м, всего 29-ти лет от роду, не доиграв лишь одного года до чемпионства. Несправедливо это! Он-то заслужил.

Шестернев, Поликарпов, Журавлев, Орешиников, несколько позже Пономарев – это самая моя любимая волна нашего клуба – московская. К ней принадлежит и появившийся в 61-м 18-летний Володя Федотов. Они переняли эстафету у предыдущего поколения, и потом сами долгие годы задавали в команде тон и стиль. Рядом с ними играли очень хорошие футболисты, из которых надо выделить Германа Апухтина и Алексея Мамыкина, добравшихся до уровня сборной СССР.

Пришедший из «Динамо» Мамыкин как-то быстро стал в ЦСКА своим, играл у нас так долго, что про его происхождение помнили только самые дотошные. Был центрфорвардом, то есть лидером, не забывают, тогда еще доигрывали «дубль-вэ» с пятью нападающими, рослый, головой часто забивал. Мамыкин первым из армейцев после Боброва отличился хет-триком в погроме, который советская сборная учинила Уругваю – 5:0. В 62-м он участвовал в первенстве мира в Чили, где тоже отметился голом.

С этим игроком связана одна анекдотическая история. Когда в 2004-м вышло первое издание этой книги, читатель с ником keereg написал, что его отец, болельщик ЦСКА, как и он сам, ужасно переживает, что я не вспомнил о чудном эпизоде с Алексеем Мамыкиным. Когда я прочел его записку, у меня тут же встал перед глазами тот момент. Приведу эту хохму в том виде, в каком это было написано в письме:

1962 год, Лужники, ЦСКА – Нефтяник (Баку)... Мамыкин получает мяч на правом фланге, накручивает пару защитников, врывается с мячом в штрафную... Позиция в нескольких метрах от ворот – убойная... Нога заносится для решающего удара по мячу... В этот момент воздух содрогается от оглушительного залпа орудий – Москва салютует юбилею Бородинского сражения... Мамыкин от неожиданности, вздрагивает, втягивает голову в плечи и пытается пригнуться... Так как одна нога была уже в воздухе... В общем, падение получилось на славу – Чарли Чаплин, Бастер Китон иже с ними нервно курят в сторонке... Ударить по мячу ему в том эпизоде так и не довелось... Зрелище было незабываемое и ещё не один год вспоминалось болельщиками и стало легендой, наряду с голом Шехтеля Яшину, «броском Шмуца» и т. д. Матч тот мы, всё равно, выиграли (3:2 кажется), так что эпизод остался в памяти просто как забавный случай, а не как трагедия...

Под конец карьеры с Мамыкиным приключилась неприятность: он как-то снизил бомбардирские качества, и его стали засвистывать свои. Игрок был, видно, эмоциональный – трибуны его травили, он еще больше расстраивался, года два он так пострадал и был вынужден уйти в ростовский СКА. На моей памяти это был первый случай, когда игрока загнали собственные болельщики.

Володя Федотов, который начинал рядом с Мамыкиным, провел в ЦСКА 15 лет, что было редкостью. О нем я всегда вспоминаю с особо теплым чувством и благодарностью. Когда он начинал, все ожидали, что Володя с ходу продолжит дело своего отца, которого тогда помнили еще очень многие армейские болельщики. И чуть ли не в первом же своем сезоне Федо-

тов стал лучшим бомбардиром команды, а в 64-м – и страны. Потом я много раз замечал за ним и какие-то совершенно нерядовые действия – как-то он подошвой поймал пас, данный внедодачу, и, перебросив себе на ход, убежал к воротам. Пробуют так многие, а у него – получилось.

Он умел именно играть. Как-то его дисквалифицировали на несколько игр, и он оказался в дубле в компании с Солохо, полузащитником, перешедшим к нам из «Пахтакора» со скандалом – ему за основу долго играть не разрешали. Вот эта парочка там и развлекалась – именно играли. Вдвоем бегали по полю, смеясь, мотали всю команду соперников и забивали на разные вкусы, вот наш дубль и давил всех то 6:0, то 4:0.

В 64-м – 65-м Федотов с Борисом Казаковым, которого забрали из Крыльшек, составили шикарный сдвоенный центр. Наколотили кучу голов и забрали первые медали после большого перерыва, пусть бронзу, я тогда и от этого был счастлив. Казаков своим так и не стал, при первой же возможности удрал обратно в свой Куйбышев, а Володя, конечно, остался и доиграл до 75-го. Тогда выгоняли рано, да и здоровье у него уже покосилось...

Приговоренный памятью о великом отце к роли центрфорварда, он был на этой позиции достаточно силен, дотягивался до сборных, но по-настоящему расцвел, когда Николаев⁵⁹ во второе свое пришествие на пост старшего тренера ЦСКА сдвинул Володю назад – в центр полузащиты. И стал Федотов-младший плеймейкером, тогда это называли диспетчером, какого у меня на памяти у нас не было до и не было после аж до 91-го. И техника, и удар у него были хороши – так просто в Клуб Федотова-старшего не пробиваются, но у него были еще и видение поля, точный острый пас, а главное – голова. В нашем звездном сезоне 70-го он был превосходен, забивал, пасовал, тащил, заводил. И победил. Но об этом – отдельно.

Владимир Федотов – это и редчайший случай талантливого сына. Сколько ни перебирал в уме великих футболистов и хоккеистов, не смог вспомнить, чтобы сын поднялся до уровня, сравнимого с отцом – разве что, Мальдини... Дети великих часто начинают многообещающе, но потом останавливаются в развитии. Говорят, природа отдыхает на детях, но отдает долги на внуках. В данном случае все наоборот – сын великого отца сам стал игроком высокого уровня, для нас – целой эпохой, а вот Григорий Владимирович, будучи внуком одновременно Григория Федотова и Константина Бескова, вообще не стал футболистом. А я, когда сообщили о его рождении, так надеялся...

Конечно, судьба детей великих спортсменов – это не просто генетика, на них влияют и воспитание, и обстановка в семье, а у детей достигших благополучия мастеров, стимулов к самосовершенствованию поменьше, чем у рабочего парня из Богородска, а осознания высоты планки, заданной отцом – больше. В судьбе Владимира Федотова, возможно, сказался и удивительно скромный характер его отца и то, что Володя, к сожалению, очень рано осиротел.

Мне кажется, что чуть позже упустили мы игрока такого класса, как Федотов, еще только раз. Был у нас в школе Володя Козлов. На мальчиках, на юношах – лучший и в своем возрасте, и среди старших, бросался в глаза. Даже более техничный, чем Федотов, более крупный, с пасом и ударом. Форвард и плеймейкер. Но вот тут наши проявили бессовестность – стали его, раз такой талантливый, ставить и за юношей, и за молодежь, и за дубль, и за Москву, и за Союз. Надорвался, начались перебои в сердце, родители его и забрали из ЦСКА. Полгода пропустил, потом заиграл в «Паровозе» с Гериковичем, перешел в «Динамо»... Всю карьеру чувствовалось – плохо переносит нагрузки, хотя игрок был отменный. Мы только локти кусали.

А за Федотовым и «московской волной» в ЦСКА стоял Бесков. Не надо хвататься за сердце, отплеиваться и заговаривать нечистого. Да, конечно, он и тогда был из злейших – центрфорвард «Динамо» эпохи «великого противостояния», хотя это мы в нем стояли, а

⁵⁹ Валентин Александрович, сосед его папы по передней линии команды лейтенантов

они по большей части лежали. Константин Иванович после «Торпедо» и ФШМ пришел к нам и привел за собой целую группу молодых, Федотов ведь тоже ФШМ заканчивал, и начал ставить довольно симпатичную игру. До медалей не дотянул немного, и его выдворили. У нас с этим было просто, тренеры так и мелькали. Потом, помнится, был Бобров, при котором мы играли весело и опять чуток до медалей не добрались.

Еще одна московская волна рекрутов стоит несколько особняком. После 60-го, когда «Торпедо» впервые стало чемпионом, что-то у них там приключилось, да так, что команда разбежалась чуть ли не полностью. А ведь ансамбль у них был, надо признать, на загляденье. В результате, остался у них из основы только Валентин Иванов, Виктор Шустиков да Валерий Воронин; Слава Метревели отбыл в Тбилиси, Островский сбежал в Киев, Гусаров ушел в «Динамо», а мы отхватили львиную долю. Забрали к себе их вратаря – Глухотко, здорового парня, с хорошей реакцией, Николая Маношина, составлявшего в клубе, а часто и в сборной, великолепную пару Воронину, Валю Денисова – инсайда и Кирилла Доронина – левого края. Про Денисова торпедоны даже говорили: – Наши Пеле!

Глухотко у нас сезон провел вполне достойно, Доронин практически не заиграл и отправился в Ростов. Денисов, обладавший способностями разыгрывающего, временами, действительно, вел игру, сам, правда, забил всего один гол. А потом у него случился рецидив его, и не только его, старой болезни, его выперли из команды, парни за него попросили, он вернулся, но ненадолго. Способностей, которые ему были отпущены, не реализовал.

Николай Маношин, наиболее серьезный игрок из пришедших к нам тогда, в «Торпедо» составлял с Ворониным просто образцовую пару хавбеков. При этом творцом торпедовской игры был Валерий, а Николай своей мобильностью обеспечивал партнеру возможности для творчества. В общем, таскал рояль, но очень быстро и грамотно – рояль нисколько не расстраивался. Не знаю, задумывалось ли над этим руководство армейцев, когда брали его. Без такого напарника, как Воронин, Маношин ничем выдающимся себя не проявил, оставаясь все таким же мобильным и серьезным игроком. При этом, несомненно, стал в клубе своим, после окончания карьеры оставался в системе ЦСКА и Спорткомитета МО, производил впечатление правильного офицера.

А Валерий Воронин, безусловно, очень нерядовой и по интеллектуальным, и по внешним данным спортсмен, проявив верность клубу, еще поиграл за «Торпедо» и еще многого добился. Потом была ужасная автоавария, после которой Воронин уже не восстановился полностью. Умер в забвении, упал на улице... Они с Маношиным были очень разными игроками и людьми, по-разному прожили жизнь, но, когда играли вместе, воспринимались, как единое целое «Воронин-Маношин».

В общем, и торпедовская волна не принесла нам немедленного эффекта. Таких волн было у нас много. В начале XXI века – пошла легионерская, о чем в 60-е и помыслить-то было невозможно, но ни одна из них сама по себе не приносила успеха. Команда всегда выкристаллизовывалась постепенно, в ней были и остатки предыдущей волны, и передовые – из последующей. Довольно однородный по времени прихода в команду призыв выиграл в 91-м, но и тогда процесс занял не менее трех лет.

Так получилось, что самые большие победы советских футболистов долго происходили вдали от наших глаз – и о Мельбурне, и о Париже мы знали только по кинохронике. В первом европейском турнире отказалось участвовать множество серьезных сборных – Англии, Германии, Италии, Голландии – под тем предлогом, что турнир непрестижный, а игроки перегружены. Что ж, они сами выбрали свой удел, как и испанцы – Франко был оборотом не

хуже наших и выезд своей сборной в Москву запретил⁶⁰, когда в 1/4 финала им выпало играть с СССР. Советская пресса тогда на нем злорадно оттопталась.

Сборная СССР во Франции, где проходили завершающие игры, победила в полуфинале чехов, а в финале еще раз отомстила югославам за хельсинкскую Олимпиаду, и, как ни крути, открыла список победителей турнира, ставшего впоследствии вполне престижным. Удовольствие от этого успеха опять было платоническим, потому что никто воочию нашего триумфа не видел, и только через несколько месяцев появился киножурнал с кусочками финального матча и историческим голом Виктора Понедельника.

С переездом на Хорошевку моя футбольная активность сильно снизилась – на стадион просто так уже не смотаешься. Тогда мои интересы еще основательнее сдвинулись в сторону чтения, тем более что стало появляться много новых книг – и уже не прошлого века о таинственных островах и рабах Древнего Рима, а о животрепещущем, только что произошедшем, и о том, что должно произойти. Тогда для меня зародились и первые столпы в любимой литературе.

Книгой, которая оказалась для меня ключевым моментом в жизни, стал опубликованный в 59-м в журнале «Знамя» роман Симонова «Живые и мертвые». Вся наша семья читала его по мере выхода очередных номеров. Да, я знаю, что там, мягко говоря, не вся правда о войне и не только правда. Да, я знаю, что и сам Симонов в некоторые моменты вел себя непорядочно, особенно, когда его послали в Питер – уничтожить Зоценко и Ахматову, да, я читал его уже посмертную публикацию «Глазами молодого человека», в которой он часто выглядит некритически мыслящим, а иногда и недомыслящим. И все же – это была первая в моей жизни книга, из которой стало более или менее понятно, почему же мы так долго и трагично воевали с немцами, и какова фронтовая жизнь.

Надо учитывать, что до того знакомство с художественными произведениями о войне сводилось к «Подвигу разведчика», где нашему офицеру было достаточно спрятаться за портьерой, чтобы фашисты его не нашли возле вскрытого им сейфа. Я, увидев эту фильму в свои пять тогдашних лет, поразился – по собственному опыту игры в прятки в квартире я уже точно знал, что это не метод – портьеры проверяют первым делом, да и видны ноги из-под портьер, недостающих до пола... Это потом ко мне в руки попали книги Виктора Некрасова, Василия Гроссмана, «проза лейтенантов». А тогда Симонов надолго стал любимым писателем, и вышедшее несколько лет спустя продолжение – «Солдатами не рождаются» только укрепило это мнение. Там впервые в советской литературе появилась сцена, которая поставила определенную точку в моих представлениях: когда Серпилин, вызванный к Сталину по письму о его арестованном друге, смотрит в глаза Вождю и понимает – жаловаться некому! А вскоре пошла волна отката и уже в 65-м появились первые ласточки восстановления прежних установок – все эти киноэпопеи с Верховным в красивом мундире, с трубкой, набитой неизбежной «Герцеговиной Флор», и мудрыми мыслями.

Конец 50-х – это и пора, когда взошел богатый урожай поэтов, читавших стихи у памятника Маяковскому, а в четвертом классе мне в руки попала книжка «Страна Багровых Туч», которая очень понравилась – живые герои, драматичный сюжет, увлекательная история, это был дебют (не считая мелких вещей, о которых я узнал позже) Братьев Стругацких – писателей,

⁶⁰ Написал и подумал: жребий выпал испанцам ехать в Москву первыми, а, следовательно, и принимать политическое решение тоже первыми. Совсем не поручусь, что, если бы было наоборот, наши удержались бы от «красивого» политического жеста, и мы тогда лишились бы своего высшего европейского успеха. С нами ведь такое случалось и позже, и, если отказ играть в Чили на стадионе, который только что был концлагерем, морально оправдан, то бойкот матча с Тайванем из солидарности с Китаем ПОСЛЕ ТОГО, как советские баскетболисты ВПЕРВЫЕ выиграли матч на первенстве мира у США, сейчас смотрится вредным политическим фанатизмом.

которые стали любимыми, чьих книжек всегда ждал и которые добывал – иногда с немалыми усилиями и даже некоторым риском.

Тогда же стали издаваться и попадать мне в руки мемуары советских маршалов и генералов, которые проглатывались мной, как и любые другие тексты, со скоростью 60 страниц в час. И вот что я заметил: то тут, то там в этих книгах возникали ссылки на произведения Гудериана, Гота, Манштейна, Типпельскирха, причем в русскоязычных переводах. Это страшно меня заинтриговало, и, повзрослев, лет в 15–17 я таки до них дотянулся, реализовав максимум древних – *audio altera pars*⁶¹... Наряду с семьей и профессиями – физиолога-экспериментатора и переводчика, и увлечением футболом и, вообще, любым спортом, на котором стоит марка ЦСКА, история начального этапа войны стала важной частью моих интересов.

Военная тема не оставляла и в реальной жизни: 62-й – это не только всякие школьные и футбольные заботы, это и год карибского кризиса. Я, как и все советские люди, ни черта не знал об аванюре с доставкой на Кубу наших ракет в ответ на размещение американских в Турции, про которые нас как раз проинформировали. То, что дело пахнет керосином очень серьезно, до меня дошло, когда в газетах опубликовали приказ министра обороны об отмене всех отпусков в Советской Армии, а друзья деда у него на Козихинском рассказали, что в магазины завозят «охотничьи наборы» продовольствия, предназначенные для выдачи населению в случае «особого положения».

С этого момента стала поступать какая-то обрывочная информация о ведущихся между СССР и США переговорах, и потом у многих наших граждан сложилась иллюзия, что проблема была решена чуть ли не в течение двух дней, хотя все это на самом деле тянулось намного дольше и изобиловало весьма драматическими поворотами. Признав перед американцами и так очевидный для них факт размещения ракет на Кубе, для собственного населения мы этого, насколько я помню, тогда так и не сделали. На чем мы договорились, из сообщений советских СМИ понять было невозможно, ясно было только, что как-то острый вопрос решен. Я узнал, на каких примерно условиях тогда договорились, только уже будучи студентом 8 лет спустя, когда в Главном Здании МГУ добрался до материалов «черного ТАСС», где как раз была статья о том, как мы за вывод ракет с Кубы получили обещание Кеннеди вывести ракеты из Турции в следующем году, что и было сделано.

Не знаю, как другие, а я ту военную угрозу воспринял очень всерьез, тем более что о поражающих факторах оружия массового поражения советских людей заботливо оповещали различными средствами. Глядя из своего взрослого настоящего, я понимаю, что корейская война, венгерские события, гонка вооружений, кризис с «Локхидом», карибский кризис – весь этот ряд событий, который наложился на мое детство, – это овеществленная идеология «осажденной крепости», «республики в кольце врагов», идущая отчасти со времен Гражданской, а по большей части – от идеологического обоснования того, как бедно и трудно мы живем по сравнению и с нашими бывшими союзниками, и бывшими противниками. Совсем, как нынче...

Я прижился в 108-й школе, сложилась компания, привык к учителям, несмотря даже на то, что завуч, преподавательница литературы с необычным именем Ольда Павловна основательно меня гоняла, признавая способности, но жестоко карая за разгильдяйство. Жил, что называется, полной жизнью, поскольку помимо школы и домашних обязанностей, меня еще насильно учили музыке, а сам я катался на Стадион Юных Пионеров – в секцию гимнастики. С этим, кстати, связана забавная история...

Как-то раз, посреди второго урока нам, несколькими парням и девчонкам, кто лучше учился, скомандовали «с вещами на выход». В коридоре объяснили, что надо принять в пионеры мальков, а для этого отправляться в Музей Ленина. Все мы с большим удовольствием

⁶¹ *Audio altera pars* (лат.) – выслушайте и другую сторону

восприняли возможность легально прогулять уроки. Прокатились на 20-м троллейбусе, быстро провернули церемонию, и отправились шататься по центру, хотя, теоретически, успевали вернуться к пятому уроку. Очень мило погуляли...

Явившись наутро в класс, мы узнали, что одноклассники, лишённые возможности принимать детей в пионеры, в знак солидарности с нами смылись с уроков в полном составе. Директор, завуч и классная наобещали кар, среди которых главная – лишить нас дополнительного выходного, который назывался «День здоровья», когда проводились школьные соревнования по разным видам спорта (в тот раз – по гимнастике). Посулили, что после соревнований все пойдут домой, а мы будем отсиживать три прогулянных вчера урока...

В последний момент классная как бы смилостивилась и поставила условие: выигрываете соревнования по гимнастике – гуляете... Класс с надеждой, но и угрозой, посмотрел на свою команду, в которой первым номером был мой сосед и приятель Борька с первым юношеским, а вторым – я... В классах «Б» и «В» таких «профессионалов» не было, но спортивных ребят хватало. Если бы играли в баскетбол, мы бы могли рассчитывать только на то, что и учителям с нами в дополнительный выходной засиживаться без радости... Классы долго шли вровень по сумме баллов, но на последнем виде – перекладине – мы всех сделали, и класс получил индульгенцию...

Перед 6-м классом вдруг случилась новая напасть: в соседнем 76-м квартале построили школу-восьмилетку, куда я должен был перейти по территориальности. Это еще и означало, что потом надо будет в 9-м классе опять менять школу. Я прикинулся, что приказ РОНО⁶² меня не касается, а завуч и классная руководительница сделали вид, что они не замечают нарушения – наверное, потому, что они ко мне хорошо относились. Мне бы затаиться, спрятаться за шваброй, что, учитывая мои тогдашние габариты, особых трудностей не составило бы, но я вел себя, как и положено 12-летнему мальчишке, то есть – естественно.

В тот день мы соревновались в коридоре второго этажа – кто допрыгнет до более высокого стеклянного квадратика, из которых была сложена стена. Почему-то это было запрещено, но мы, конечно это обстоятельство игнорировали. А не следовало – я был пойман за этим занятием директором, который, рассмотрев, кто попал к нему в руки за преступным занятием, рявкнул: – Исключен!

И выставил меня из школы. Расстроился я сильно, мама тоже. Она пошла выяснять ситуацию, и оказалось, что директору уже объяснили, что он не совсем прав и залез сам к себе в карман. Но Алексей Николаевич Грюк был мужчина упорный, просто так сдавать позиции не хотел, и заявил, что, согласно приказу, я должен перейти в 115-ю школу, и остаться в 108-й можно только с разрешения РОНО. Завуч посоветовала маме, к кому там лучше обратиться, и что говорить.

Моя мама в этом случае снова пустила в ход свои паранормальные способности за несколько минут устанавливая лучезарно добрые отношения с кем угодно, включая самых злобных хабалок и сильнойядовитых змей. Так случилось и в районном гнезде народного просвещения, и уже совсем было мама уговорила, что у меня это будет уже четвертая школа за четыре года, что, к тому же, мы должны уезжать вслед за отцом в заграникомандировку, и там у меня будет пятая, а потом – в 9-м классе – еще и шестая... И тут почти уже уломанная инспектриса напоследок спросила: – А как мальчик учится?

Вот тут мама дала промашку: – Он отличник!

Нельзя было этого говорить! Тетка из РОНО всполошилась: – Вот, надо укреплять новые школы сильными учениками!.. Маме пришлось начать сеанс гипноза сначала, вернулась она домой совершенно вымотанной, но с письменным разрешением РОНО продолжить обучение в 108-й школе.

⁶² РОНО, райОНО – районный отдел народного образования

Впоследствии с директором уже не было проблем – он, в конце концов, привык ко мне и решил сбереечь для рекорда – до того во вверенной ему школе долго не было медалистов, а в наш год – целых четверо!

Раз я помянул уже второй раз мамины паранормальные способности стоит рассказать, как они выявились и что из этого удалось извлечь членам нашей семьи, отечественному спорту вообще и команде ЦСКА – в частности.

Кое-что мы заметили, когда в 63-м началась серия побед сборной СССР по хоккею. Мы с отцом сидели, прочно прилипнув к телевизору, и изливали в окружающую среду свои эмоции, производя при этом немалый шум. И вот, как-то, когда дела складывались особенно трудно, а мы шумели особенно громко, мама вдруг сказала что-то вроде, да не волнуйтесь вы, сидите спокойно, и все будет хорошо! И вдруг, действительно, игра переломилась, наши забили, и мы торжествовали. Спустя некоторое время ситуация повторилась, и мы привыкли, и уже сами стали клянуть, чуть только дело шло не так. Поверье, что мама может повлиять на результат, укоренилось и окрепло, когда выяснилось, что, если она вдруг говорила: – Нет, сегодня ничего не выйдет... – провал случался гарантированно.

Мама тоже стала пользоваться ситуацией и, если мы не проявляли требуемой сговорчивости и трудолюбия, потихоньку запугивала, что теперь нашим победы над шведами (чехами, канадцами) не видать, а мы, чтобы не накликать беду, предпочитали откупиться срочным выносом помойного ведра или рывком в магазин за картошкой... На внутреннем фронте мамины чары на хоккей не действовали, потому что преимущество ЦСКА над «Спартаком» было, как правило, неизмеримым, и никакая магия тут помочь не могла, а в футболе мама во внутрисемейные разборки предпочитала не погружаться, и в моих с отцом дерби не участвовала. Если я просил ее помочь во время какого-то матча, когда отец был в командировке, мама бдительно спрашивала, с кем армейцы играют, потому что боялась навредить папе... Последние годы совместной жизни моих родителей были отмечены какими-то их особенно теплыми отношениями, и, думаю, папа был совершенно удовлетворен футбольной гегемонией своего «Спартака».

Пока был жив отец, мамины силы разрывались между двумя взаимоисключающими целями, А потом... остался только один болельщик на ее голову, и она сосредоточилась на ЦСКА... В критические моменты матчей, в том числе и со «Спартаком», я звонил маме, слезно упрашивал ее помочь, и вскоре в ворота супостатов влетало потребное количество голов. В наших успехах эпохи Гинера, по моему убеждению, огромен вклад моих своевременных просьб и маминого колдовства.

Впервые за бугром

До заграникомандировки, которую в РОНО в качестве аргумента использовала мама, оказалось не полгода, а целый год. Сначала отец съездил в Болгарию на станцию «Марица-Восток» один и на месяц. Потом к нему в ВТИ⁶³, куда он перешел в конце 62-го года, приезжал из софийского Энергийного Института на консультации инженер Панайот Панаойтов. Отец пригласил его к нам домой, и мы все его расспрашивали о Болгарии и, в частности, о том, как выглядела война для этой страны. Естественно для нас, у кого все оставшиеся в войну под оккупацией родственники были убиты, было спросить и о судьбе болгарских евреев. Ответ Панайотова я запомнил почти дословно, даже произношение: – Наша интеллигенция и наши пѳпы обратились к царю и не дали вывезти болгарских евреев в лагеря уничтожения. Им только запретили работать на государство. И даже греческих евреев, которые бежали в Болгарию после вторжения немцев, тоже не отдали...⁶⁴

Только весной 63-го года стало ясно, что отца действительно отправляют в командировку в Болгарию и разрешают взять с собой семью. Папу и маму вызвали в ЦК КПСС на инструктаж, я там сидел в предбаннике, пока родителям разъясняли про «облико морале», было душно, нудно и совершенно непонятно, чему можно учить моих порядочнейших родителей...

Я успел закончить шестой класс, и в один из первых дней каникул мы вчетвером отправились в путь. Тогда вообще люди, побывавшие за границей, были большой редкостью, а уж ребята... В нашем классе был только один мальчик, который учился в Легнице в гарнизонной школе в Польше, поскольку его отец служил там в Северной Группе Войск. Между прочим, это мне повезло, что я всего лишь шестой класс окончил – Советские школы за границей при посольствах и воинских частях были восьмилетними, и, будь я чуть постарше, знакомство с заграницей у меня сильно отложилось бы...

Двухсуточный путь в Софию был переполнен для тринадцатилетнего мальчишки кучей впечатлений. В Киеве на вокзал нас вышла провожать вся тамошняя родня, а потом впервые в жизни я двинулся западнее этого города, где меня пытались кормить насильно, где я чуть не помер и где испытал унижение на трибуне местного стадиона «Динамо», когда мы проиграли... В Унгенах на румынской границе мы прождали часа четыре, пока меняли колесные тележки вагонов на европейскую колею. Потом по вагонам пошли таможенники, пограничники, последний из них с винтовкой с примкнутым штыком мелькнул за окном, и я впервые в жизни пересек границу СССР.

Бухарест, в котором была двухчасовая стоянка, с его новостроенными кварталами, показался по-заграничному шикарным. Снова дорога, Дунай, румыно-болгарская граница и, наконец, София. Первый в жизни люксовый номер в «Балкантуристе» и блюдо из ресторана с «мешоне» – необыкновенно вкусным мясом. В советском консульстве нас снабдили довольно длинным списком русско-болгарских омонимов, которые ни в коем случае нельзя произносить в обществе, поскольку совершенно безобидные русские слова в болгарском означали полное непотребство, и самое безобидное из всего было то, что «газета» по-болгарски означало жопу.

Наш путь завершился в маленьком поселке Гълъбово⁶⁵ в южной Болгарии, где на электростанции «Марица – Изток» отец налаживал седьмой и восьмой блоки. В Болгарии было

⁶³ Всесоюзный (впоследствии – Всероссийский) Теплотехнический Институт (при соввласти – имени Дзержинского)

⁶⁴ Важную роль в решении болгарского царя сыграла позиция 99 депутатов и заместителя председателя парламента Пешева. Это второй из двух известных мне случаев, когда противодействие Холокосту оказывалось в государственном, а не в частном порядке. Первый – организованная датчанами за одну ночь по призыву их короля эвакуация 8000 датских евреев в Швецию на рыбацких лодках и прочих подобных плавсредствах.

⁶⁵ По-русски – Голубево. Ъ в болгарском языке – гласная буква, обозначающая звук, какой-то средний между «Э» и «Ы»

плохо с электроэнергией, ее периодически отключали в целых районах, и, когда один из отцовских блоков запустили, по всей стране разом отменили ограничения.

А когда ТЭС работала не в полную силу, могло всякое случиться. Как-то раз электричество вырубилось утром, мама еще порадовалась, что мы с ней и полуторогодовалым братишкой успели позавтракать. Это она рано радовалась... Что-то довольно долго в доме было тихо и не слышно никаких шумовых эффектов, обычно создаваемых братцем, что само по себе было подозрительно, но как-то мы отвлеклись и расслабились. А зря!

В комнату явился наш Сашенька с надетой на голову сковородой, на которой мама жарила блинчики на завтрак. Сковорода по замыслу братца символизировала собой шляпу, что приводило его в восторг! По физиономии и одежке текли потоки масла, слава богу, уже остывшего до такой степени, чтобы не вызвать ожога, но вполне достаточные, чтобы замурзать это чудо до невозможности. Вместе с электричеством вырубилась и подача воды. Дальше я с третьего этажа бегал на улицу с ведрами к колонке, и мы с мамой отмывали ребеночка холодной водой с мылом... Мама Сашку наказала – поставила в угол. Когда минут через пять она решила его освободить, оказалось, что он за это время весь угол успел разрисовать карандашом...

Советская колония Гъльбово жила по своим особым законам, под которые наша семья так в общем-то и не подстроилась. В первый же по приезду день маму вызвали на собрание женщин в советском клубе, где руководитель колонии объяснял им, что вот жена инженера такого-то в закрытом распределителе⁶⁶ для советских дала болгарскому продавцу по физиономии куском непонравившегося ей мяса, а делать этого не следовало. Мама вернулась в слезах.

Мы столкнулись здесь с очень специфическим племенем «советских специалистов», к которому формально принадлежали теперь и сами. Правда, для нас это был дебют, а там были зубры, которые к тому времени успели проработать в Болгарии по четыре года, до того – пять в Китае, год – в Румынии. Были, кто работал и в Египте. У многих стаж почти непрерывных заграничных командировок перевалил за десяток лет. В колонии царил дух экономии, точнее – скупердяйства: люди целеустремленно копили на всю оставшуюся жизнь, держались за заграничную зарплату всеми четырьмя лапами. В Союзе по чекам Внешпосылторга они выплачивали за кооперативные квартиры, машины, рояли и черт-те что еще. Ничем этим, постоянно находясь за бугром, пользоваться они не могли, но продолжали держаться, выплачивать, копить...

Такая психологическая установка выработала особый быт – люди крайне скудно питались, почти не покупая мяса и жаря на «масе» – жире вроде маргарина. Животный белок добывался специфическим способом. Рядом с ТЭС Марица-Изток располагался весьма обширный водоем для забора и сброса технологической воды, по-болгарски – язовир. Чтобы он не зарастал, в него запустили карпа и сазана. Болгарам ловить там рыбу было запрещено, и местная милиция за этим бдила. Наших запрет не касался, и они этим пользовались в полупромышленных масштабах: многие советские специалисты после работы ставили переметы на 20–30 крючков, а на следующий день снимали улов, чем и жили.

До поры на это смотрели сквозь пальцы, пока не случился совершенно паскудный инцидент. На том же язовире плавала стайка какой-то нелетающей птицы, уточки какие-то... Были они ручные, их подкармливали все, кому не лень. Как-то раз один из наших, будучи под булдой, решил, что нечего им тут зря плавать, подманил птичек крошками и расстрелял в упор из своего охотничьего ружья... Все это – на глазах у болгар, и единственное, что несколько поправило репутацию советских было то, что другой наш инженер набил «охотнику» морду прямо на месте...

Кстати, о питии. В этом отношении братский народ явил нам совершенно удивительные обычаи. В Гъльбово под окнами нашей квартиры останавливался автобус, привозивший часов

⁶⁶ закрытый распределитель (советск.) – место, где товары, которых на всех не хватало, продавались определенным категориям населения

в 6 вечера с ТЭС смену рабочих. Там же было кафе, в котором практически все слезшие с автобуса работяги оставались и заказывали по бутылочке ракии с каким-нибудь салатом, выпивали по рюмочке с приятелями и беседовали. Потом могли поиграть в бильярд, снова рюмочку, снова беседа и так далее, пока часов в 11, уговорив бутылочку, абсолютно трезвым не удалялись по домам – к семьям и плотному ужину. И так – каждый день. На весь поселок был один настоящий пьяница, которого все берегли и которому все наливали. Потом выяснилось, что и в окрестных поселках тоже по одному пьянице, и там их тоже все оберегают, видимо, содержа для педагогических целей – показывать детям... В Гъльбово своего алкоголика можно было не беречь, поскольку наши не раз являли местному населению яркие образцы тяжких последствий потребления алкоголя. Пару раз это заканчивалось отправкой домой в 72 часа.

Нашему семейству в Гъльбово пришлось непросто, тем более что мы, ничего не подозревая, сразу же заработали репутацию «деревенских сумасшедших». Началось с того, что меня засекли в магазине покупающим коробку шоколадных конфет – мы хотели попробовать все местное, а «общественностью» это было сочтено расточительством и стремлением выделиться (!). Дальше больше – через несколько дней после нашего приезда мне сравнялось 13, и мы по семейной традиции позвали гостей – инженеров той бригады наладчиков, которую отец создал на подольском заводе. После этого, говоря о нашем семействе, ветераны откровенно крутили пальцем у виска. Картину довершило то, что мои родители подружились с местными молодыми ребятами – Мишо и Петей Ганчевыми (Петя в данном случае – женское имя) и их приятелем Гошо. За это кто-то из советской колонии имел наглость сделать моим родителям замечание... Ко всему мой отец довольно жестко стал наводить порядок в своей бригаде и в два счета заработал кличку «немец». Ну, что же это – если человек сам дисциплинирован и требует дисциплины от других, – так сразу – «немец»! Радости все это родителям не доставляло, и через полгода, как только сдал блок в эксплуатацию, отец вернулся руководить своей лабораторией во Всесоюзном Теплотехническом Институте.

Меня все эти сложности, конечно, затрагивали куда в меньшей степени – я наслаждался приключением. К тому же один из отцовских сотрудников, с которым он работал на Урале, оказался старшим братом Сергея Разюпина, как раз тогда игравшего у нас в дубле и подключавшегося к основе. Мне запомнились слова Сергея в пересказе брата: – Первые минут пятнадцать играть интересно, а потом – работа... На меня это произвело неизгладимое впечатление – как-так, как может быть игра в футбол неинтересна? Я вот мог часами играть, и интерес никуда не пропадал!

Периодически для советской колонии устраивали экскурсии, и мы ездили по стране. Она совсем маленькая, но очень разнообразная – равнины, море, горы... Кстати, когда прошел слухок, что в соседнее Хасково приезжает советская футбольная команда (по-моему, говорили о «Кайрате»), гъльбовская колония на двух Икарусах рванула на матч, но информация оказалась ложной. Лично я не расстроился, потому что удалось посмотреть игру второго болгарского дивизиона.

Мы побывали и в Розовой Долине, где нас подпустили к производственному процессу – огромным емкостям, в которых варились лепестки роз, и из маленького краника капало розовое масло. Кто-то из наших женщин накапал этой драгоценной жидкости на бумажку, но, как только мы сели в автобус, салон заполнился запахом такой силы, что бумажку отняли и выкинули, а в салоне пооткрывали все окна, чтобы проветрить... Местные рассказывали, что после сентябрьской революции 44-года, злоумышленники похитили бочонок с розовым маслом, который составлял чуть ли не половину золотого запаса Болгарии, и вся страна скопом на похитителей охотилась.

Хоть и ходили у нас разговоры, де, Болгария – 16-я республика СССР и «курица – не птица, Болгария – не заграница», я заметил довольно большие отличия. Там, например, я понял, что такое правильное отношение к своей истории. Нас отвезли на Шипку, где мы взо-

брались по бесконечной лестнице к знаменитому монументу. Однако не меньшее впечатление произвели разбросанные вокруг памятники и могилы солдат 35-го Брянского и 36-го Орловского полков – на них не было ни пылинки. Время от времени к плитам подходил человек с веничком и сметал что-то невидимое глазу...

В Софии напротив парламента я увидел и первый в своей жизни памятник русскому царю – конную статую Александра II Освободителя, уцелевшую несмотря даже на коммунистический режим⁶⁷... А названия улиц Софии – это были сплошь имена генералов русской армии и крупных чиновников, действовавших на Балканах – Гурко, граф Игнатъев, Драгомиров, Скобелев, князь Дондуков. Большинство из этих фамилий я узнал впервые именно там. Приметил я и школу, называвшуюся в честь историка отца Паисия Хилендарского – явного попа, что у нас тогда было немыслимо.

При этом характерные для совсистемы пакости присутствовали в достаточном количестве. С одной стороны, копируя советские образцы, болгарское руководство ударило в индустриализацию и в стране, не имеющей ни железной руды, ни коксующихся углей, отгрохало металлургический комбинат в Пернике, куда все сырье пришлось тащить из СССР. Эта затея отвлекла массу рабочей силы из сельского хозяйства, которое кормило страну, и привело к огромным потерям урожаев. С другой стороны, Живкова⁶⁸ и компанию прошиб патриотизм, и от руководства энергетикой потребовали топить ТЭС Марица-Исток не донбасским высококалорийным штыбом, а болгарскими лигнитами – таким уже не деревом, но еще не углем, с малой теплотворной способностью и чудовищным количеством золы. Папа по этому поводу едва не матерился при всей его железной выдержке.

В гълъбовском парке мы познакомились с мужчиной, который прогуливал свою дочку примерно Сашкиного возраста. Он спросил, русские ли мы, а, когда мы ему ответили, что мы евреи из России, он, почему-то понизив голос, сказал, что они с дочкой – македонцы. Я тогда, честно говоря, и не подозревал, что такая национальность существует – думал, что это древняя история. Уже потом я узнал о конфликте между Югославией, в которой македонцы имели свою республику, Болгарией, которая считала македонцев болгарскими, и Грецией, которая считала, что никаких славяноязычных македонцев вообще не существует и для подкрепления этой точки зрения в начале XX века их истребляла или изгоняла. Македонский язык похож на болгарский, но и национальное самосознание македонцев, отличающих себя от болгар, существовало реально. А, поскольку болгарское руководство соглашаться с этим не хотело, громко упоминать свою македонскую национальность было тогда несколько рискованно.

Летом я съездил в Советский пионерлагерь под Варной, там познакомился с многими из тех ребят, с кем предстояло учиться в 7-м классе Советской школы. С одним мальчиком мы сдружились как-то сразу, его звали Пепик, и я никак не мог поверить, что он чех – настолько чисто он говорил по-русски. Эту дружбу мы сохранили надолго.

Случилась там и запомнившаяся встреча. В Болгарии отдыхал знаменитый авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев. Ну, и чтоб зря добро не пропадало, привезли его к нам в пионерский лагерь, хотя вряд ли это было нужно уже очень пожилому человеку... Слова, которые говорились на этой встрече, совершенно не отложились, но сейчас, по прошествии времени и приобретении знаний, в которых «многие печали», в памяти всплыл курьезно-трагичный момент. По протоколу полагалось, чтобы пионеры задавали вопросы, вот один мальчик и спросил с очень серьезным видом: – А в каком году вы создали самолет Ту-2?

Это чисто детская психология: подразумевается, что старший, тем более великий, – это такой универсальный отвечающий, и, чтобы в этом убедиться, надо его надо проверить на контрольных вопросах... Андрей Николаевич тут почему-то стал рассказывать про историю созда-

⁶⁷ В России первый памятник царю – Петру I – я увидел только через два года, когда впервые попал в Ленинград.

⁶⁸ Тодор Живков – в то время первый секретарь Болгарской компартии

ния АНТ-2, а это совсем другая машина, создававшаяся намного раньше, но наш пионер настойчиво вернул академика в интересующую его колею – ему, смерть как, надо было узнать именно про фронтовой бомбардировщик Второй мировой... Тогда меня удивило, что Туполев ответил как-то очень неохотно, и только много лет спустя я понял причину. Наш мальчик со своей проверкой знаний Туполева угодил, наверное, сам того не ведая, в большое место: Ту-2 был спроектирован в «шарашке» на Язуе, когда Андрей Николаевич сидел со всем своим бюро в тюрьме, и ему вряд ли приятно было об этом вспоминать...

В лагере мы, конечно, играли все в тот же футбол и были жестоко биты выпускниками, окончившими 8-й класс, а сами оттоптались на шестиклассниках. Сводили нас там и на настоящий футбол – варненское «Черно Море» с кем-то играло. Уровень был ощутимо ниже, чем в Союзе, хотя у болгарской сборной была серьезная репутация. Футбол в этой стране любили, несмотря на гористый рельеф в каждой деревне были футбольные поля и команды, игравшие в локальных первенствах. В Гълъбово тоже была своя команда, местные своих игроков обожали, я тоже дружил с их нападающим – парнем лет 16-ти, Методи Ивановым, он мечтал о высшей лиге, его даже просматривала армейская команда из Пловдива – «Ботев»⁶⁹. Мы, советские пацаны, играли на тамошнем футбольном поле и обманывали местных, крича друг другу «направо». Местные устремлялись в центр, потому что «направо» по-болгарски значит «прямо».

Несколько дней перед началом учебного года мы всей семьей провели в Софии. Знакомые порекомендовали нам ресторан «Крым» – за качество кухни. Именно там мои родители получили экспериментальное доказательство, что никакого патологического отвращения к еде у меня нет. Ресторан славился «шницелями по-министерски», но я попался на свинине с картошкой – мне подали огромную тарелку с высоченной горой этого вкуснейшего блюда, и я, как землеройка, углубился в него, пока все не съел. Папа смотрел на меня с удивлением – он явно не понял, как все это в меня влезло.

Трагедия разразилась, когда принесли сладкое – два желтых шарика невероятно вкусного мороженого. Папа сказал, что таким торговали до войны в Киеве. Впервые в жизни я не смог доесть мороженое – второй шарик остался нетронутым, потому что свинина с картошкой заполнила все внутри. До сих пор простить себе не могу...

Потом начались трудовые будни. Я учился в Советской школе, что на улице Трайчо Костова⁷⁰, а жил в интернате на бульваре Христо Смирненски. Поваром был у нас дядя Володя, про которого рассказывали, что он кашеварил еще в штабе Врангеля. Если он кормил барона так же, как нас, то понятно, почему сопротивление белых в Крыму длилось так долго. Впервые я не очень-то был заинтересован в успехе работы отца – под соусом поквартальных отключений света мы пару раз просачковали школьное домашнее задание. А вот когда папин блок вставал под промышленную нагрузку, отключения прекращались, и лазейка для лентяев закрывалась...

Правда, дополнительный выходной я все-таки получил: 9 септември, сиречь сентября, был национальный праздник Болгарии, и интернат при Советской школе, десятка два ребят с 4-го по 8-й класс, в организованном порядке расположился в качестве почетных гостей на ступенях мавзолея Димитрова справа от входа. Я лично с удовольствием воспользовался этой сверхплановой привилегией – было приятно сознавать, что мои московские одноклассники сегодня парятся в школе, а я тут совершенно законно прогуливаю.

⁶⁹ Христо Ботев (1848 – 1876) – болгарский поэт, революционер и национальный герой.

⁷⁰ Трайчо Костов – своеобразная фигура: болгарский коммунистический деятель, участник подпольной борьбы и партизанского движения. Член политбюро, секретарь ЦК БКП. Активный участник репрессий второй половины 1940-х годов. Несмотря на сталинистские взгляды, конфликтовал с СССР по экономическим вопросам. Казнен в ходе партийной чистки. Не уверен, что улица и сейчас так называется.

В конце сентября завуч Советской школы мне вдруг сказала, чтобы я лучше музыкой занимался. Да, мы в интернате что-то там поигрывали – мама обо мне позаботилась, чтобы я не терял формы, и записала на занятия по фортепьяно. Она считала, что это мне необходимо...

Мне объяснили, что предстоит 15-летний юбилей первого Дома пионеров в Болгарии в Сливене, и меня планируют в состав советской делегации в качестве пианиста. Еще сказали, что я буду представлять советскую фортепьянную школу и должен соответствовать... Офигеть! Надо знать мой уровень, чтобы оценить дикость его несоответствия поставленной задаче. Если бы я подошел к ситуации серьезно, то должен был бы умереть со страху и от бессилия, однако, полная безответственность и легкомыслие помогли с ней справиться. Концерт давать было не нужно, а пьесу Бургмюллера я играл весьма бойко и громко, что для большого зала как раз годилось. Ну, я поиграл пару часиков, а потом, когда почувствовал, что пальцы начинают «забегать», бросил, решив, что излишним усердием можно только испортить дело.

В Сливене нас доставили в этот самый Дом Пионеров, где болгарские дети и советская делегация должна была внимать, а я – услаждать их слух образцом «советской фортепьянной школы». И ничего, знаете ли, ни разу не ошибся, сбавил этого своего Бургмюллера, получил порцию аплодисментов, даже, помнится, поклонился публике... Парни из местного джаза за кулисами руку пожали, сказали, что – класс... Я лично отношение сливенской аудитории к моему исполнительскому мастерству могу объяснить только безграничной любовью болгарского народа к России. Надеюсь, кто-нибудь из настоящих советских пианистов, в конце концов, добрался до Сливена и внес ясность по поводу уровня нашей фортепьянной школы...

Жизнь в Болгарии была первым периодом в истории нашей семьи, когда мы не испытывали финансовых затруднений. Маму, правда, мучила проблема подарков для многочисленной родни и друзей – в СССР много чего не хватало, заграникомандировки были редки, и нельзя было не привезти из нее каждому родственнику хоть что-нибудь. У мамы в записной книжке был список ближних и дальних, чтобы никого не забыть и не обидеть... К концу пребывания она стала жаловаться, что во сне ей являются родственники, которые замогильными голосами вопрошают: – Где мои подарки?!

Я же просто пользовался ситуацией и приобретал разнообразный опыт, в частности, при всей поднадзорности в интернате у нас была определенная свобода передвижения и масса возможностей и для различных безобразий. По дороге из школы в интернат я завел привычку заходить в сладкарницу и брать там кофе с пирожным. А еще именно там я впервые попробовал курить. Мы экспериментировали на мерзких сигаретках «Арда», на которых честно было написано «2-й сорт». Так была заложена основа для вредной привычки, с которой я смог расстаться только в 64...

Там, в Софии, я впервые увидел, что такое настоящее болевещицкое противостояние. В стране жили две совершенно несовместимых и страстно, по-южному, ненавидящих друг друга орды – болевещицики «Левски»⁷¹ и ЦДНА – Центрального Дома Народной Армии, наши братья, стало быть. Весь город был исписан лозунгами «Само ЦДНА!»⁷² или «Само Левски». На улице мужики вполне серьезно могли пристать с вопросом, за кого болеешь. Я отвечал гордо: – Само ЦСКА! (это они потом название переменили, как у нас, а тогда – отличались) Рты от удивления раскрывались, но я их закрывал фразой: – Аз съм от Советския Союз!⁷³

«Левски» тогда представлял министерство связи, но вскоре в Болгарии началась волна слияний спортивных команд, к ЦДНА добавили другую армейскую команду «Червено знаме» и переименовали в ЦСКА «Септемврийско знаме», а «Левски» слили с софийским «Спарта-

⁷¹ Васил Левски (1837–1873) – национальный герой Болгарии, известный как «Апостол свободы». Повешен турками как организатор борьбы за освобождение Болгарии от османского ига.

⁷² Само (болг.) – только

⁷³ Я из Советского Союза!

ком», который в Болгарии представлял милицию и госбезопасность, и некоторое время называли «Левски-Спартак». Потом все эти двойные названия постепенно осыпались, но ведомственная подчиненность, соответственно, армии и ГБ осталась. Наш болгарский приятель, с детства болеющий за «Левски», называет слияние со «Спартаком» черным днем своей жизни.

Интернат наш стоял всего в километре от стадиона «Васил Левски», туда после начала матча можно было залезть на вал, заменявший одну из трибун. Так я увидел один из матчей ЦДНА, который армейцы к моему удовлетворению выиграли со счетом 4:0. В составе всей советской колонии был я отведен и на матч нашей олимпийской сборной с болгарями. Билеты нам купили централизованно. Смешно сказать, но посещение мероприятий в Советском клубе (кино по воскресеньям) было обязательно. Я как-то уперся – не хотел какую-то дуболомскую картину смотреть и не пошел, так мне, семикласснику, потом завуч Советской школы мозги вправляла – чтоб от коллектива не отрывался!

Но на футбол-то я шел без всякого поводка. Игра не особенно понравилась – в составе отсутствовали армейцы... Киевлянин Серебрянников забил гол со штрафного, пушка у него была страшная. Вскоре состоялся и исторический в какой-то степени матч – СССР на своем поле победил Италию, и это показали по Интервидению на страны соцлагеря, так что этот триумф удалось лицезреть и мне. В середине первого тайма наш Дубинский довольно резко сыграл против левого края итальянцев Паскутти, а тот полез в драку и был выгнан с поля, и наши выиграли 2:0. А ведь какие люди были на поле: Мальдини-дедушка, Ривера, Сормани, Факетти, Гуарнери, Трапатони! Но и наши Шестернев, Понедельник, Численко, Воронин, Валентин Иванов были им под стать. Ответный матч в Риме сыграли 1:1, причем Яшин отбил пенальти от Маццолы, наши вышли в четвертьфинал II Кубка Европы.

Еврофинал с Испанией в Мадриде мы уже тоже увидели в прямой трансляции. Это – один из самых крупных успехов советской футбольной сборной на международной арене... который официально был сочтен неудачей. наших ребят опять накрутили: соперник – франкисты, политическая ответственность, то-се, все еще очень хорошо помнили по ЦДСА, какая она бывает. Играли сурово и на равных – пропустили, сквитали, а потом Марселино нам забил – и проиграли. Обидно, но было ощущение невезения, а не слабости. Однако ж наше футбольное начальство осталось недовольно, и Бескова выперли с поста главного тренера сборной. Это за второе-то место на Европе!

Альберт Шестернев был в основе сборной единственным представителем ЦСКА. Скажу честно, если в сборной нет армейцев, большая половина интереса к ней (процентов эдак 90) для меня пропадает...

Еще одной телесенсацией той осени стал первый трансокеанский телерепортаж о похоронах убитого президента США Джона Кеннеди. Картинка сорвалась в момент, когда перед камерами проводили расседланного коня главнокомандующего армией – спутник Телестар ушел за горизонт, а другого еще не было...

Снова дома

Под Новый 1964-й год мы возвращались домой, и сразу после пересечения госграницы я понял, что в стране кое-что серьезно изменилось: на погонах одного из пограничников была широкая продольная лычка – таких знаков различия, когда мы выезжали из СССР, не было! Путем дальнейших наблюдений и умозаключений я понял, что таковы нынче погоны старшин, у которых раньше лычки были Т-образными.

Прибыв в Москву, я первым делом отправился к школьным друзьям Мишке и Вовке, и мы отправились гулять по району, а я по дороге рассказывал им сказки из жизни волшебной страны Заграницы. Бог знает, что нас понесло в соседний 76-м квартал, а там мы налетели на деревенских – полсела Хорошево тогда еще существовало...

Ничего особенного, просто у пацанов, которые были на вид года на два-три постарше нас, кулаки чесались. Почему-то Вовка им не понравился, и «конкретные претензии» предъявляли ему, уже хватая за грудки. Я как-то выпал из поля зрения шпаны, и, видя, что Вовку сейчас просто буду бить, обратился к хулиганью с речью на болгарском, которым овладел за полгода довольно прилично, о том, что советские товарищи ведут себя странно, и настоящие пионеры так поступать не должны. Ребятки офанарели – я таких тупых ничего непонимающих харь и потом встречал немного – и поинтересовались у Мишки: – А он кто?

Мишка с воодушевлением им объяснил, что я болгарский пионер, присланный по обмену... Один из пацанов ухватил меня за брючину и произнес: – Импортные!

Видимо, это окончательно убедило агрессоров, что лучше с нами не связываться, и они отвалили, постоянно оглядываясь на ходу...

После болгарского недостатка и изобилия фруктов неприятным сюрпризом оказались трудности с продовольствием. Очередной неурожай заставил ЦК КПСС известить советский народ, что в хлеб теперь разрешается подмешивать кукурузу, горох и прочие ингредиенты, чтобы хватило на всех. Совершенно исчезла из продажи мука, и ее распределяли через ЖЭКи⁷⁴ для праздничных пирогов два раза в год – к 1-му мая и 7-му ноября... Мама меня ставила в очередь с книжкой и исчезала по делам, а я стоял там часами и, по мере приближения к окошку выдачи, постепенно сатанел, потому что ни паспортов, ни свидетельств о рождении, по которым выдавали муку, ни денег она мне не оставляла, и я боялся, что мы пропустим очередь. Однажды мама ворвалась в ЖЭК, когда до меня оставалось всего два человека, и я настолько перенервничал, что впервые в жизни наговорил ей всяких резкостей.

Новая классная руководительница сощурилась, обнаружив меня в классе после зимних каникул, и произнесла, что, де, «а у нас новенький», на что я, обидевшись, ответил, что это она новенькая, а я-то старенький... То ли в отместку за непочтительность, то ли потому, что это была первая в моей жизни учительница, которой мы были откровенно пофигу, но отношения у нас не сложились, и седьмой класс я закончил с худшими отметками за всю свою школу. Надо признать, что интернатская беспризорность тоже внесла свой вклад в успехи.

Тут еще оказалось, что в моем классе интерес к футболу расцвел пышным цветом. Парни знали всех игроков, включая дублеров, на уроках, не требующих напряжения мозговой мышцы, играли в настольный футбол, который изобрел я, или настольный хоккей, который изобрел кто-то из ребят. Учителя на всяких историях и географиях недоумевали – почему мальчики каждый раз сидят по-новому – а у нас был круговой турнир. Между прочим, полгода физкультуру у нас вел Василий Иванов – бывший вратарь ЦСКА, пришедший к нам из

⁷⁴ Жилищно-эксплуатационная контора – выполняла примерно те же функции, что впоследствии ДЭЗы и всякие «Жилищники»

«Спартак». Он учился в институте, а к нам попал на педпрактику. К сожалению, в футбол с ним поиграть не удалось – зима была.

Кстати, тогда к таким переходам относились вполне спокойно. Скорее, обратили бы внимание на несоблюдение клубных цветов. Нашим полагалось быть в красно-синем со звездочкой, Спартаку – в красных майках с обязательной поперечной белой полосой, динамикам – в бело-синем с белой полоской на трусах, а паровозникам – тоже в красных майках, но белая полоса – вертикальная.⁷⁵ К сожалению, отказ от традиционных цветов начался именно с нас – вдруг в 60-е стали играть в белых трусах. Я это воспринял как личное оскорбление.

Армейских болельщиков в те годы было примерно столько же, сколько динамовских и спартаковских, и намного больше, чем торпедовских и паровозных. Кличка спартаковских «Мясо» появилась относительно поздно, когда их Мосмясокомбинат взял под крылышко, а, особенно, когда они уписали все стены в городе своим «С», к которому доброхоты добавляли недостающие буквы. Впрочем, тему их желудочно-кишечного происхождения обыгрывали и раньше – они ведь были и «Пищевиками»...

Когда меня в первый раз мусора конем обозвали, я обиделся. Потом как-то привык – конь животное благородное, умное и боевое – и укусить может, и лягнуть, и затоптать... К сожалению, сталкивался я с этим нашим тотемом в жизни редко – только в детстве да в виде ментовских лошадок. А ведь в 60-е на улицах Москвы еще можно было встретить бойцов и командиров с синими петлицами с подковой и перекрещенными саблями – из последнего кавэскадрона.

Динамиком звали мусорами – по естеству их, торпедовцев – кастрюлями – за цех ширпотреба⁷⁶ ЗиЛа, который до холодильников клепал эти изделия. Ну, паровозы и были паровозами. Этих никто всерьез не брал, потому что были они слабее всех и периодически вылетали вон.

При этом взаимоотношения болельщиков долго оставались на том идиллическом уровне, который я уже описывал. Наибольшее неприятие у меня вызывали динамики. Когда-то на наших зеленых полях было только две силы: мы и они. За шесть послевоенных лет мы нанесли им пять нокаутирующих ударов, и они, будучи не в состоянии что-то этому противопоставить на поле, просто «смели красных с доски», и предопределили наша последующую корявую судьбу.

Потом была эпоха, когда соперничество армейцев с динамовцами отошло на задний план, но в редкие моменты, когда наши собирали силы и выбирались на самый верх, там их чаще всего встречал наш извечный исторический враг. В 55-м наша только что восстановленная команда отомстила динамовцам в финале Кубка, в 67-м – тоже в финале Кубка уже они разгромили нас, а в 70-м мы вернули себе чемпионство в сражении именно с ними... И стычки в те годы, конечно, намного более редкие и намного менее зверские, происходили именно с динамовскими, особенно для тех из нас, армейских, кому повезло уродиться прямо рядом с их вотчиной в Петровском парке. Они очень гордились и частенько поминали, что их клуб – это Органы. На что немедленно получали – «половые»... Потом еще на место главного супостата стал претендовать Киев – командочка из той же конторы...

Со спартаковскими нам тогда было просто нечего делить – когда поднимались мы, горели они. Антагонизм с этими последними, переходящий в «а ты кто такой?!» – дела куда более поздних времен. В 1976 году униженные вылетом из высшей лиги⁷⁷ спартачи сбились в агрес-

⁷⁵ Тогда пошел процесс укорочения трусов, и понятие «федотовские трусы» – до колен – стало синонимом старины. Прошло 50 лет, и баскетболисты играют в бермудах до середины голени...

⁷⁶ Цех ширпотреба – цех при большом заводе, который из отходов сырья производил товары широкого потребления

⁷⁷ Спартак первым из экс-чемпионов СССР вылетел из высшей лиги

сивную шоблу под вывеской «народной команды». Ходили разговоры, что кому-то наверху понадобилась «темная сила» в качестве пугала. Поддержка мясных стала модой, этим в полицейски дозволенных рамках фрондировали. Мы тогда посыпались вниз, а они на волне успеха загребали молодняк, и, считай, то поколение для нас почти пропало, и так мы оказались в «подавляющем меньшинстве».

Думаю, именно с «народной» командой связано появление в России класса болельщиков-фанатиков, которым интересен собственно не футбол, а «об выпить водки и об дать кому-нибудь по морде» © Бабель, а на поле могло при этом происходить что угодно – от игры в дочки-матери на деньги до борьбы нанайских мальчиков.

Как-то попал я в метро в их «бурный поток». Толпа мясных карланов плотной массой куда-то перла, вопя «Спартак – чемпион!» и сметая все на своем пути. На беду, им категорически понадобилось вломиться толпой в вагон, из которого мне категорически надо было выйти. Когда я врубился во все это ударами коленей и локтей, масса локально подалась, но тут же натекло новое. По-моему, они не чувствовали ударов, пребывая в молитвенном экстазе. Вырвался с трудом, хотя карланам было лет по 12–14, а я уже взрослый был мужик.

Вернувшись в Москву повзрослевшим, я возобновил свои походы на стадионы уже с Хорошевки. И для начала отправился на русский хоккей «Динамо» – СКА (Свердловск). Играли на Малом поле, и я по наивности поехал прямо к началу игры в совершенной уверенности, что билет добуду легко. Куда там! У кассы топталась огромная «борода» из болельщиков, причем вывеска гласила, что билетов нет. Но вечная надежда держала там этих несчастных – ходили слухи о какой-то мифической «бронии». Что-то мне подсказало, что тут ловить нечего, и с толпой безбилетных я отправился на поиски дыры в заборе. Их там было немало, я их знал, но менты их знали тоже – у каждой щели, в которую протискивалась моя голова, торчал патрульный. Но кто ищет, тот найдет!

У самого забора со стороны поля стояла какая-то кладовка, и через секунду я, вскарабкавшись по прутьям, в компании еще десятка орлов устроился на этом насесте. Менты, естественно, тут же заорали, чтобы мы немедленно мотали оттуда к нехорошей матери. Но допрыгнуть до нас не могли. Согласитесь, это специфическое ощущение – с трехметровой высоты наблюдать беснующихся ментов, которые ничего с тобой не могут сделать. Они нас стращали, что вот сейчас они обойдут сзади, и настанет нам конец. Ну, это еще обойти надо! Правда, с особо наглыми индивидами они все ж таки боролись: попытки под шумок спрыгнуть с крыши пресекались – этих менты не ленились выводить со стадиона, а на нас как-то притерпелись смотреть как на неизбежное зло. Типичная «Лиса и виноград».

Про ментов я забыл довольно быстро – такая была игра! Тогда Свердловск еще не терял свое звездное поколение, половина которого потом в это самое «Динамо» и переползла – на поле были и Атаманьчев, и Дураков, и Измоденов. Ну, они динамикам и всыпали, даром, что поле чужое.

В начале второго тайма, когда у меня замерзло все – сидел на корточках, заледенел, почти уже не мог этого терпеть, и мне показалось, что менты про нас вообще забыли, я таки спрыгнул. Но эти гады в синих шинелях⁷⁸, оказывается, не дремали, и старшина за мной рванул в толпу. Ну, никак мне в ментовку не хотелось, потому я выполнил маневр уклонения, рванул к забору и по гладкой поверхности взлетел обратно на крышу, куда меня втянули остававшиеся там мужики. Старшина попробовал снизу полаять, что вот настал наш час, что нас терпели, но мы

⁷⁸ До весны 1969 года советская милиция была экипирована в форму темно-синего цвета, затем – серо-стального, а совсем недавно – снова в темно-синюю или черную.

совести не имеем, сейчас всех сгонят к ЕМ. Мужики отругивались, и как-то это дело замяли. На меня, правда, пошипели, что не хрена подставлять народ. Но не выгнали, хотя чуяли, что я армейский, а на крыше собрались, само собой, в основном динамики. Либеральные были времена. Вскоре все кончилось победой свердловчан, и мы, позванивая замерзшими членами, посыпались с крыши. Согрелся я после этой прогулки не скоро.

За несколько лет до того команду ЦСКА по бенди разогнали. Долго простить не мог Мельникову и Осинцеву, что они за «Динамо» стали играть. А что ж им было делать? А за Свердловск болел я от некуда деваться – все же армейцы.

Летом стал я уже регулярно ходить на футбол, больше на дубль и на первенство Москвы – на Песчанку. Тогда у нас еще тоже был клуб, как у всех – с 1-й и 2-й мужскими и далее – мал-мала меньше. Первый раз на клуб приперся, смотрю – никого. Главное поле пустое, на трибунах никого, только мужички иногда сквозят иногда куда-то вбок. Полчаса так промаялся, пока не осмелился спросить – так где же играют?! Отвели в глубину территории на гаревое поле, где, как раз старшие мальчики пыль месили. Потом 1-я мужская играла, но никого из знакомых доигрывающих в тот раз на поле не оказалось. Потом клуб кому-то помешал, и его разогнали. Осталась только школа.

Песчанка мне очень нравилась – уютная, и поле тогда там было одно из лучших в Москве (я был уверен, что – самое лучшее), и кругом все свои. Раньше у нас в Сокольниках был стадион, я его чуть-чуть не застал – к американской выставке в 60-м его снесли, и мы остались с Песчанкой, которая, вообще-то ВВСовская. Хороший стадион, для дубля – в самый раз. Только спрятаться там от дождя было некуда. Как-то попал на матче под ливень, смотрю – какие-то мужики сидят – держат над головой лист фанеры. Ну, я сбоку и притулился. Тесно, мужики на меня косятся, но терпят. Потом пригляделся я к ним – мамочки, это ж кто рядом-то! Поликарпов, Басалик и массажист команды. Юрий Басалик, единственный за многие годы киевлянин у нас в команде, был правым краем по тогдашней 4–2–4, держался в команде довольно долго, забивал, хотя к сильнейшим в команде и к моим кумирам никогда не принадлежал. Запомнился тем, что был порядочным пижонем, «стилягой» – одевался с шиком, видно было, что и прическа на голове не пятерней делана, тогда он этим выделялся. Москвич Володя Поликарпов, как раз наоборот – скромный, немного мягковатый, но вошедший в сотню лучших бомбардиров СССР. Между прочим, тогда посещение матча дублеров было для игроков основы обязательным.

И тут не могу не вспомнить легендарную Машку, которая питала особенную слабость к Поликарпову. Как-то раз на «Динамо» на каком-то матче армейцев я вдруг услышал резкий женский голос – вперемешку с матом веселые и ехидные характеристики игроков, совершенно непечатные оценки вот этого – в черном. Дальше полилась инсайдерская инфа – кого берут, кого прогонят, кто женился, кто развелся, как сыграли в Орехово-Зуеве, куда гоняли на левака, кто растет в мальчиках и так до самого конца матча. Как-то застеснялся я ее сначала, но слушал в оба уха. Спросил соседа по скамье, кто это, а тот мне – ты что, это ж Машка, наша сумасшедшая болельщица!

А сам ее окликает: – Матильда! Ну, что, Володька Поликарпов тебя еще любит? – Да ну его ..., женился он! Да, Машка на Песчанке на дубле (куда, между прочим, основной состав ходил обязательно) его доставала воплями «Володька! Трам-тарарам, ты почему женился на этой! Ты ж знаешь – я тебя люблю!» Поликарпов по-настоящему смущался, здорово краснел и прятался в клубном автобусе, а Федотов и другие ребята прикрывали его бегство.

Ей тогда и сорока не было. И работая где-то то ли разнорабочей, то ли подсобницей, проводила на ЦСКА все свое время, не было такого матча, чтобы я ее не встретил, хоть хоккей, хоть футбол, хоть баскет.

На дубле было мне даже интереснее, чем на основе. Там играли парни близкого ко мне возраста, играли здорово – дубль у нас был один из сильнейших, много своих ребят, клубных. Да только вот в основу из них практически никто не пробился, хотя талантов, вроде, было полно. В те годы там бегали Кондрашкин, Чернышенко, Касимовский, Просиков, капитанил кучерявый Виталий Поляков, все они в разное время играли за юношескую сборную и за молодежку, пробовались, кто по разу, кто по несколько в основе, но при тогдашнем потоке игроков шансов у них было немного. В защите играли Щедляков и Разюпин, они и в основе выступили удачно, но по-серьезному так в составе и не закрепились.

Особенно обидно было с Щедляковым – Владимир Пономарев травмировался, и в основе появилась вакансия на правом краю защиты, парня поставили в первом туре, и на первых же минутах он получил тяжелейшую травму... Заменял его, от некуда деваться, Истомин, которого только что взяли из киевского СКА. Росточка небольшого, но скоростной, резкий и злой. Поначалу – отчетливо грубый. При нынешней системе карточек в редком матче дотянул бы он до середины. Потом как-то постепенно стал брать скоростью и тем, что подзапугал оппонентов. А еще позже даже и грубить стал поменьше – техника отбора улучшилась. В золотом матче 70-го он вместе с Федотовым тащил команду в безнадежной ситуации.

Парой лет позже на меня большое впечатление на дубле произвел правый бек Егоров – легкий, скоростной, головастый. Явно выделялся, играл очень остро, а его в основу даже не подпустили. Сгинул где-то, так ничего и не сделав в большом футболе. Как это вообще получается – что одни пробиваются, а другие, которых ставили выше, от которых ждали большего, так ни во что и не вырастают?

Самый показательный для меня пример невозможности что-то точно предсказать – это история с первым звеном нашей хоккейной молодежки Викулов – Полупанов – Еремин. Ерема за молодежь был безусловным лидером, забивал тучу шайб. Говорили – новый Бобров. Полупанов хорошо подыгрывал, пасовал, прилично забивал, думали в третью тройку попробуется. А Викулов – самый из них в то время корявый, шел довеском, надежд на него не возлагали. Был я на их матче молодежного первенства СССР против питерского СКА. При том, что лениградцы были совсем не слабы, разнесли их с двухзначным счетом. Еремин крутил защитников оптом и в розницу, заколотил четыре штуки, Полупанов хорошо пасовал, да и сам не терялся – забил три, а Викулов только дрался да штрафы получал.

А получилось, что Еремин так и не заиграл ни у нас, ни вообще. Викулова с Полупановым попробовали в основе сначала с Фроловым, потом его быстро заменили на Фирсова, и уже к зиме тройка вошла в сборную страны, хотя конкуренция со стороны динамовского звена⁷⁹ была сильнейшая и, вроде бы, для наших безнадежная. Но Тарасов уговорил, а старший тренер «Динамо» и сборной Чернышов дал себя уговорить.

Полупанов стал корифеем – чемпион всего на свете, игрок первой пятерки, и по праву. Но потом... Обычная песня трибун: – Кто может выпить пять стаканов – это Витя Полупанов! Уходил, возвращался, но на высшем уровне продержался лет пять. Потом я его видел за «Красный Октябрь» против ЦСКА на первенство Москвы. Ну, был хорош – шире самого себя вдвое, на первый период опоздал, потом приходил в себя, а потом отвозил парнишек наших, как бог черепаху. Птицу и тогда было по полету видать, только уже летал низенько. Викулов же как-то потихоньку вырос в виртуозного техника и распасовщика. И играл долго, пережив и партнеров своих многообещающих, и еще одно поколение. Не могу не отдать должное Тарасову, который все это прозрел и дал нашему хоккею этого великого мастера.

В той же молодежке во второй тройке играли младший Юрзинов и Спектор – на мой вкус были иной раз не хуже первой тройки, а их даже не пробовали в основе.

⁷⁹ Ю.Волков – Юрзинов – Петухов

Еще с одним нашим талантом из молодежи – Щуренко – несколько позже приключилась совсем уж нелепая история. Парень был у нас одним из лидеров, собирались его пробовать в основе. А тут приехала какая-то канадская молодежка, играли с ней в Сокольниках. Раздавили наши заморских, как положено, ну, а те, понятное дело, раз в хоккее не получается, – занялись террором. Вообще-то в ЦСКА отвечать на такие провокации довольно строго запрещали. И официальный подход был такой – это враг от бессилия бесится, мы его голами накажем. Ну, а молодые-то себя так контролировать не умели, Щуренко и отделал кого-то из канадцев по полной программе. Якобы это спровоцировало зрителей, началась давка. Щуренко дисквалифицировали, выгнали из ЦСКА, и только через несколько лет он смог заиграть в «Химике», где надолго стал главным бомбардиром.

А на самом деле, мне рассказывали ребята из нашего класса, которые были на той игре, что Щуренко всыпал канадцу абсолютно по делу, а давка возникла из-за того, что кто-то с канадской скамейки стал бросать в толпу пацанов жвачки... Про трагедию в Луже на матче Кубка УЕФА между «Спартак» и голландским «Хаарлемом» теперь все знают, а про ту историю, где были и задавленные, не вспоминает никто.

Видимо, где-то около этого времени драматический момент возник и в нашей семье. Не то чтобы от меня скрывали, но поначалу и не особо спешили посвящать... Однако постепенно я разобрался, что на Ангарской ГРЭС произошла тяжелая авария с человеческими жертвами и обрушением кровли блока. Мой отец был автором схемы пуска и останова прямоточных котлов тепловых станций, которая неофициально называлась его именем. Никаких профитов это, естественно, не приносило, а вот после аварии автора схемы быстренько вспомнили и привлекли к ответу. В ночь перед тем, как отец отправился на разбирательство, по-моему, никто в доме толком не спал, и только сильно после обеда он отзвонил, что все для него закончилось благополучно. «Разбор полетов» выявил тройную ошибку персонала, прямые нарушения инструкций, совсем, как впоследствии на Чернобыльской станции... Характерно для того времени, что разбирательство происходило не в Министерстве энергетики и электрификации СССР и не в прокуратуре, а в промышленном отделе ЦК КПСС. Вот же была всем бочкам затычка, эта КПСС!

Тем не менее, весной 64-го года мой отец защитил диссертацию кандидата технических наук по совокупности опубликованных работ, что тогда было редкостью, и стал первым в нашем роду, получившим ученую степень.⁸⁰

В день своей защиты папа, которому по этому случаю подарили новые золотые часы, снял с руки свою старую, еще 52-го года стальную «Победу» и отдал мне. Я ее проносил до 2-го курса универа – еще 5 лет, а потом обменял на новые. «Победа» все эти годы шла исправно, спеша на 1–2 минуты в сутки. Новые часы отказали через полгода, и потом всю остальную жизнь все новые часы, сколько бы я их ни приобретал – механические или электронные – все выдерживали от недели до месяца, а потом безнадежно выходили из строя. Видимо, что-то в моем организме действует на них разрушительно.

Зря я за модой погнался, может быть, папина «Победа» еще и сейчас тикала бы, а так – приходится смотреть в компьютер или мобильник – эти от моего присутствия почему-то не ломаются.

Очень вовремя мы вернулись из Болгарии, как раз к первому сезону Валентина Александровича Николаева, который до того никого и не тренировал. Когда разогнали нас в 52-м, он

⁸⁰ За ним последовала его младшая сестра Юлия – кандидат физмат наук, моя мама – кандидат географических, а со своими двумя степенями биологических наук и моя жена – кандидат фармацевтических. У всех науки разные...

и Нырков окончили Бронетанковую академию, служили в войсках. Николаев принял команду после череды так и мелькавших тренеров и сразу привел ее к медалям, бронзовым, таким же, какие были последней наградой, завоеванной армейцами до того – в 58-м, когда их тренировал Борис Аркадьев.

Можно по-разному относиться к тренерскому мастерству и идеям Николаева, но в оба его прихода в команду она начинала играть весело и гармонично. В той первой команде Валентина Александровича в защите уже были Пономарев, Шестернев и Багрич, а в атаке молодой Владимир Федотов исключительно результативно взаимодействовал с Борисом Казаковым. В том сезоне случился суперрезультат, когда мы единственный раз в своей истории сыграли в первенстве с двухзначным счетом – ободрали Шинник 10:2⁸¹. Удивительно, но никакой сверхъестественной игры не показывали, просто Шинник был слабенький, хотя там доигрывали бывшие спартаковцы заслуженные мастера Исаев и Масленкин. В ворота влетело все, что летело в их сторону. Трибуны дохли со смеху. Под конец уже и радоваться-то сил не было. Федотов покер сделал, да и остальным хватило.

А через неделю там же играли с «Молдовой» – абсолютно такая же игра, абсолютное превосходство, но при этом абсолютная непруха, мазали из 200-процентных положений, вратарь молдавский чудеса творил – тащил все, как кошка. Забили наши всего один, и тот – с пенальти.

В 64-м команда финишировала всего в трех очках от чемпиона, и казалось, что армейцы вышли на восходящую траекторию, но в следующем году, при том, что снова была завоевана бронза, отрыв от лидеров оказался намного большим.

Забавно, как менялись мои представления о ценности линий команды. Оставляя в створе вратарей, припоминаю, что поначалу витриной игры команды считал нападение – тогда это была самая многочисленная линия в команде – целых пять игроков. Затем под влиянием Эрреры и его катеначчо на первый план вышла линия обороны, которая к тому же разрослась количественно. Пожалуй, именно тогда, в первое пришествие Николаева, в команде стал складываться баланс между этими линиями, а вот с нашего чемпионского состава 70-го года и поныне основным стал вопрос: что у вас за полузащита?⁸²

А между тем в жизни случился еще один поворот – вдруг оказалось, что всенародно любимый глава государства, которому к 70-летию только что выпустили совершенно панегирический фильм «Наш Никита Сергеевич», товарищ Хрущёв – волюнтарист и чуть ли не ревизионист. Вряд ли дело было в том, что случился недород и не стало муки. Знающие люди говорили, что причина заключалась в одной из затей Хрущёва: опустить властные полномочия на места, а там разделить между двумя хозяевами. С этой целью сначала расформированы многие союзные министерства и были созданы совнархозы⁸³, числом более пятидесяти, а потом местные партийные комитеты стали делить на городские и сельские. Партноменклатура взволновалась – ей померещилось покушение на ее всевластие или, во всяком случае, попытка создать двоевластие, когда городским пришлось бы как-то договариваться с сельскими. А тем временем противоречия между городом, в котором люди более или менее зарабатывали, и деревней, где на «трудодень»⁸⁴ выписывали гроши, все обострялись из-за совершенно сумасшедшего государственного ценообразования. Хлеб стоил копейки, и выращивать его за такую плату с

⁸¹ В розыгрышах Кубка самая крупная победа 11:1 была достигнута 24 мая 1937 года над вологодским "Локомотивом".

⁸² По-русски у этой линии самое длинное и неудачное название. Намного точнее это звучит по-сербски – «везни ред» – связующая линия.

⁸³ Совет народного хозяйства распорядился на определенной территории промышленным и сельскохозяйственным функционированием и развитием.

⁸⁴ Трудодень – единица оценки труда колхозника, как правило – копеечная и часто выдаваемая не деньгами, а натурой – зерном, овощами или мясом, которые надо было еще продать на колхозном рынке, где бесчинствовали перекупщики

каждым годом находилось все меньше желающих, да еще под командой безграмотных бюрократов, которые указывали, когда, где и что сеять, не понимая в этом ни черта.

Народ же в целом смену караула в верхах воспринял, скорее, благожелательно – хрущевские инициативы вроде повсеместного насаждения посадок кукурузы – чуть не до Полярного круга – всех достали, отсутствие муки и приличного хлеба в хлебобродной по старой памяти стране воспринималось как оскорбление. Многие выражали сомнения, что народ выдержит удвоенное количество партийных органов... Вот никто особо и не загоревал, и только самые дальновидные нахмурились при первых же попытках брежневской клики вынуть из нафталина культ Сталина, хорошо хоть сам он уже успел испортиться, когда его вышвырнули из Мавзолея, а то обратно бы втащили.

Райкомы снова объединили, и партаппарат на местах вновь обрел всевластье. Взамен похеренных совнархозов насоздавали бесчисленное количество союзных и союзно-республиканских министерств – от министерства финансов (без которого никуда не денешься) до отдельных министерств тракторной промышленности, радиоэлектронной промышленности, промышленности средств связи и т. д. – имя им легион, отняв у областей, республик и краев всякую хозяйственную инициативу. Появился анекдот о предстоящем разделении Министерства путей сообщений на «туда» и «обратно»...

Я тем временем выросел по-разному и 2 мая того года, где-то через неделю после ледохода, по случаю праздника провел эксперимент на себе – искупался у нас в канале Москва-Волга у Карамышевской плотины. С разбегу залетел в воду и ощутил, что попал в кипяток, тем не менее из упрямыства сколько-то проплыл... А через пару недель я вместе с одноклассниками сделал еще один шаг по лестнице общественно-политического взросления – нас вступили в комсомол. По-моему, к этому времени ни у кого никаких иллюзий идеологического характера не осталось, просто вот стукнуло 14, и вместо поднадоевшего пионерского галстука, который потихоньку перестали носить, можно было приколоть маленький значок, удостоверяющий, что ты уже довольно взрослый.

Процедура приема запомнилась тем, что девятиклассник секретарь школьной комсомольской организации попеременно задавал вступающим два вопроса: какова высота Асуанской плотины⁸⁵ и как называется столица Мальгашской республики. Мне досталась плотина, я знал, конечно, что первое – это 111 метров, а второе – Антананариву, но совершенно не мог взять в толк, как наличие или отсутствие этих знаний связано с вступлением в коммунистический союз молодежи.

Четыре года спустя моя будущая жена нарвалась на совсем уж анекдотическую ситуацию. В райкоме 14-летнюю девочку, страстно увлекавшуюся биологией, спросили, кто такой Павлов, и Танька, вытаращив от удивления глаза, ответила, де, кто ж не знает нобелевского лауреата великого русского нейрофизиолога Ивана Петровича Павлова?! Райкомовские поморщились – они-то ждали ответа про первого секретаря ЦК ВЛКСМ Сергея Павловича Павлова...

⁸⁵ Тогда все уши прожужжали этой плотинкой, которую наши построили в Египте для крупнейшей местной гидроэлектростанции, когда у СССР был роман с египетским диктатором Насером. При строительстве подъем воды привел к тому, что пришлось вырезать какой-то древнейший скальный храм и перетащить повыше, что само по себе – варварство.

Шаг вперед – два назад

Время Валентина Александровича Николаева кончилось. Сняли. Кто-то стукнул, и полетел наш тренер с очень нехорошей статьей – левые матчи. Это было такое явление – собиралась команда класса «А» и катила на игру в какой-нибудь Крыжополь, показать образцы мастерства аборигенам. Не даром, понятное дело, во всяких колхозах-миллионерах и хитросекретных заводах по профсоюзной линии водились неподотчетные или не совсем подотчетные денежки. Народ в глуши развлечений не имел, оттого тосковал, пил и снижал производительность труда. Вот и спешили богатенькие буратины в столичные клубы. А там их ждали со всем возможным вниманием: ставки в командах мастеров были не выдающимися, а в загранку пускали нечасто и не всех. За такого левака ребята, сплошь и рядом, получали месячный оклад, так говорили – сам не считал. Николаев о ребятах заботился, и леваки организовал так, чтобы и играли прилично, и приварок имели постоянный. Ну, само собой, ни одно хорошее дело не остается безнаказанным. В газете (в «Футболе», если не ошибаюсь) какой-то говнюк на нем потоптался, поунижал – «нравы чуждые советскому спорту, рвачество».

Признаюсь честно, тогда мне, воспитанному в советской интеллигентной семье с характерным некоторым пренебрежением к материальной стороне жизни (тем более что хотеть тогда особенно было нечего), было неприятно – тренер любимой команды какими-то гешефтами занимается. А потом, повзрослев и немножко поумнев, стал смотреть на это иначе. Навидался я спортсменов, которых, в те времена еще до тридцати, выбрасывали по минованию надобности. Без профессии, практически без образования⁸⁶, без каких-либо серьезных накоплений, которые позволили бы пережить перелом. Перелом и материальный – пропал постоянный источник дохода, и моральный – разом человек никому становился не нужен. Как у нас умеют хамить ненужному человеку, объяснять не надо. Никаких пенсий спортсменам быть не могло – они ж все любители. Вот балерины – те понятно, это профессия, в 35 лет могли получить скромную, но пенсию. А вам, голубчики, черта лысого, молодые, здоровые, на вас пахать можно. И спивались, и помирали в одночасье. А ведь, если соразмерить то, что эти люди делали на поле и что им за это платили, можно считать, что они бились чисто за идею.

При этом существовала целая сфера футбольно-развлекательных услуг. Раменский «Сатурн» начинал свою историю именно как бригада футбольных шабашников. Играли они среди коллективов физкультуры, в составе постоянно были доигрывающие из московских клубов и не прошедшие в основы дублеры. Душили всех, выигрывали Кубок среди КФК, но, упаси бог, никогда – пулю за выход в класс «Б». Фиг там надрывать, доходы снижать! Вот в пулечках они скромное третье-четвертое место и прихватывали. Зарабатывали – больше, чем в классе «А». В Раменском был завод радиоэлектронного оборудования то ли Минобщемаша⁸⁷, то ли Минсредмаша, то ли Миноборонпрома, в общем – с деньгами. Все футболисты числились какими-нибудь токарями по хлебу 6 разряда. Ставки на таких заводах были выше обычных, плюс премии, леваки... Периодически недреманное око государства на все эти художества недобро шурилось, и командочка быстренько растворялась в окружающей среде. А через годик смотришь – они опять всех дерут...

А Валентин Алексаныч всего лишь заботился о ребятах, как все советские люди, изворачивался, что-то для своих выбивал. А там поздоровался он с кем-нибудь не так или что другое –

⁸⁶ Про Боброва рассказывали, как он в Академию Жуковского приезжал раз в семестр рассказать о спортивных достижениях, там ему зачетку и заполняли, но он-то потом оказался талантливейшим тренером, особенно в хоккее, не пропал, а другие?

⁸⁷ Министерство общего машиностроения – на самом деле – ракетное, а среднего – атомное

не знаю, но попал он крепко и отмылся нескоро – сослали его в Хабаровск. Ни к чему хорошему это не привело. Пришел Шапошников из Львова, а с ним началось «Карпатское нашествие».

Волны рекрутов

За собой Шапошников притащил из львовского СКА Богдана Грещака, Степана Варгу, Тараса Шулятицкого, Стаса Варгу, Марьяна Плахетко, Владимира Капличного, на следующий год – Владимира Дударенко (позже – еще и его брата Николая), Колодия и форварда с совершенно замечательным именем и фамилией – Вильгельм Теллингер. Кто там после этого «ограбления века» остался играть в львовском СКА – неизвестно... Еще и Иштвана Секеча из одесского СКА прихватили для комплекта.

Я много ждал от этих «легионеров», наслушавшись в Киеве местных легенд о венгерских футболистах из Закарпатья – ну, чистые иностранцы, техничные, тонкие игроки. Кстати, в советские времена существование советских венгров как-то старались затушевать. Странно, казалось бы – не евреи. Обязательно им меняли имена на русский или украинский лад – киевского Сабо и нашего Бецу из Йожефов переделали в Иосифов, ужгородского вратаря Андраша Гаваши, которого забрали в Киев, писали Андреем, Габора Вайду, вратаря «Карпат», числили Гавриилом, и т. д.⁸⁸ С прибалтами как «титультными нациями» в своих республиках обходились вежливее – писали, как есть, но при первом же случае все-таки русифицировали. Как только Юрис Репсис из хоккейной «Даугавы» переехал в московское «Динамо», ему все его латышские «с» пообрубали и стали звать Юрием Репсом. Интересно, чем это лучше? Видимо в отместку, когда я на каникулах под Ригой записался в местную библиотеку, в формуляре написали – Юрис.

Львовские нападающие поначалу у нас нащумели. И Грещак, и Степан Варга – оба ребята скоростные, напористые, но не слишком техничные. Команда начала бодро, держалась наверху, одно время шла второй вплотную за киевлянами, однако в решающий момент крупно им продула, а потом просто посыпалась. В отчаянной надежде, что хоть в этом матче что-нибудь зацепим, приперся я на «Динамо» в мороз, на дорожках снег лежал, на поле наши тупо упирались в защиту кутаисского «Торпедо» и ни черта сделать не могли. А грузины пару раз удрали в контратаку, защита провалилась, и готово – 0:2. В итоге после николаевской бронзы оказались на пятом месте, однако ж Шапошникова что-то не погнажи, хотя было видно, что ни свежих идей, ни способности классно готовить команду у него нет...

На следующий год дебютант Теллингер в первых пяти матчах наколотил 5 штук, а потом – присмотрелись к нему, и – все. И опять мы остались ни с чем. А львовяне потихоньку осыпались из команды – остались Капличный, Плахетко и Владимир Дударенко. Так вот получается – приходят двое из одной и той же команды, и один сразу становится своим, а другой исчезает, не оставив никакого следа в душах болельщиков, и только сумасшедшие фанаты-энциклопедисты держат в голове их фамилии и цифровые данные. Так случилось и с львовянами – вроде форварды больше на виду, но серьезного следа они, кроме Дударенко, в моей памяти не оставили, а защитники запомнились крепко.

Капличный составил великолепную пару с Шестерневым в клубе и в сборной. Играл он у нас долго, сначала просто было видно, что рослый, хорош вверху, а потом очень быстро набрался ума и класса, и врагу в центре нашей обороны делать стало нечего. Марьяну Пла-

⁸⁸ ситуация с венграми не исчерпывалась тем, что после войны мы прихватили Закарпатскую Русь, заселенную почти сплошь венграми, но и тем, что, оказывается, ханты и манси говорят практически на чистом древневенгерском. Венгры этим очень интересовались, и у наших правящих маразматиков возник страх перед панмадьярской идеей. Во всяком случае, венгров в Ханты-Мансийский округ не пускали.

хетко по большому счету не повезло – он в любой команде был бы надежнейшим игроком основы, но не в ЦСКА. У нас он оказался за спиной Шестернева и Капличного, играл только, когда кто-то из них травмировался или их забирали в сборную. В 70-м был как раз тот случай – практически весь первый круг не было в составе почти всей основной защиты, забранной на чемпионат мира, но Плахетко не подвел – когда сборники вернулись, команда была на плаву. Марьян заметно уступал премьерам, но при этом был третьим—четвертым центрбеком в стране и играл даже в сборных, хотя у нас в основе выходил редко. Как игрока я его ставил существенно ниже Шестернева и Капличного, но за верность клубу уважал. Он остался в армии и служил в ЦСКА долгие годы. В целом тот карпатский призыв команду решающего успеха не принес, но вложил свой кирпичик в фундамент победы 70-го.

Такие волны случались и до того, как со свердловчанами, и после. Чаще это случалось, когда засвечивалась какая-то армейская команда – тогда ее общицали целыми блоками. Выплыл как-то в высшую лигу одесский СКА – командочка слабосильная, вылетела немедленно и с треском. Когда они в первый раз у кого-то выиграли – это была сенсация. Впрочем, рекорд питерского «Адмиралтейца» они не побили – была такая команда, она проиграла, по моему, все матчи первого круга. С нами одесситы сыграли забавно – 3:2, и два гола забили себе сами – вот это чиновочитание! Несмотря на хилость этих гвардейцев с Молдованки, утащили мы у них Пригорко – центрфорварда и Панова – полузащитника. Ни тот, ни другой классом не выделялись, хотя мои одесские знакомые и расписывали их как чудесников мяча.

Потом было увлечение армейцами хабаровскими. Еще когда они вышли в четвертьфинал Кубка, где выглядели вполне достойно, у них увели левого крайка – скоростного Поташева, но он сыграл считанные матчи. По роду своей работы проведя много экспедиций на Дальнем Востоке, я вплотную столкнулся с дальневосточным футболом, довольно своеобразной ветвью футбола советского. Развиваясь практически изолированно, особенно в годы, когда не существовало спутниковых трансляций, он вырос в специфическую сущность, как, впрочем, и вообще все дальневосточное. Изречение Ленина, насчет того, что «Владивосток далеко, но город-то нашенький», в жизни трактовалось с точностью до наоборот – город-то нашенький, но далеко-о!»

«Лучишка», как местные называют владивостокскую команду, всегда считался прочным лидером дальневосточной зоны вслед за хабаровскими армейцами, которые периодически все же выпрыгивали из местной рутинки в первую лигу. Игроки, как говорят на Дальнике, из России, почти туда не попадали, так что Пеле и Марадон местного разлива сравнивать было не с кем. Любили тех, кто вырос на сопках Приморья. Игра у местных была простоватая, но игроки всегда отличались атлетизмом, что потом было заметно по тем дальневосточникам, которые попадали в вышку. К нам в дубль из «Луча» взяли золотоволосого защитника Юрия Перельштейна, который у нас смотрелся очень прочным игроком, даже в основу пару раз подключался.

Из Хабаровска же к нам пришел Борис Копейкин, ставший одним из лучших форвардов ЦСКА, потом Колпковский и Бычек. Первый из них играл в полузащите и обороне, как и большинство дальневосточников крепкий, плечистый, скоростной, малотехничный. В Хабаровске, где он был безусловным лидером команды, он, несмотря на свое амплуа, много забивал, а у нас отличался редко, но несколько лет пробыл в основе. Бычек не задержался, хотя тоже был не без способностей.

Все эти волны по-разному отражались на игре ЦСКА, но сам принцип комплектования – из игроков окружных команд, был по тем временам логичен – в Москву, в центральный клуб, вытаскивали способных игроков с периферии, и кое-кто, действительно, становился классным игроком.

Потом эта система вывернулась наизнанку – московских известных игроков забирали в армию, запихивали в дальний округ, чтоб служба случайно не показалась медом, а потом

нахлебавшемуся тамошних прелестей вкрадчиво предлагали место в ЦСКА, на что большинство и соглашалось – и Никонов, и Ольшанский перед тем, как попасть к нам, пропутешествовали на берега Амура, а то и подальше. Потом по-разному получалось – одни оставались надолго, другие исчезали из команды при первой возможности.

Откосить от такого варианта удавалось немногим – пожалуй, могу вспомнить, как призывали в армию Зимина, олимпийского чемпиона по хоккею, даже объявили, что за нас играть будет, он, однако, ловчился-ловчился, изображал увечного и добился, чтобы его списали в калининский СКА МВО, где он и провалил дурака до самого дембеля, карьера же его на этом, собственно, и закончилась. На кой черт было его призывать, тем более, в предельном и для призыва, и для хоккея возрасте?

Новая любовь

Зима 65-го года ознаменовалась возникновением долгоиграющего сумасшествия советского народа. В Москве состоялся чемпионат Европы по фигурному катанию. Я в принципе знал, что такой вид спорта существует, и даже из книг по истории спорта мне было известно, что первый российский олимпийский чемпион Панин-Коломенкин добился победы как раз в этом виде спорта на Стокгольмской летней (!) олимпиаде 1912 года. Из отчетов в Совспорте мне были известны имена чемпионов СССР в парном катании Нины и Станислава Жук и восходивших тогда звезд Белоусовой и Протопопова, но, например, чем парное катание отличается от танцев – понятия не имел.

Воздействие того европейского чемпионата на советский народ, по крайней мере на ту его часть, которая могла смотреть московское телевидение, было громоподобным и неизгладимым. Уже на второй вечер в часы передач с чемпионата с улиц исчезали люди, как потом – во время серий «17 мгновений весны». Надо отдать должное вкусу советских зрителей – даже при том, что ни в мужском, ни в женском одиночном разрядах у наших не было абсолютно никаких шансов, эстетическую сторону этого своеобразного вида спорта они оценили мгновенно и в полной мере. Страна лучшего в мире балета и великих музыкантов обладала врожденным художественным вкусом и влюбилась в фигурное катание по уши.

Лично на меня наибольшее впечатление произвела английская танцевальная пара Диана Таулер и Бернард Форд, которые даже не завоевали тогда никаких медалей, но были совершенно очаровательны. Я в них не ошибся – уже в следующем году они завоевали первенство мира и надолго стали мировыми лидерами. Между прочим, наши болельщики болели не за победителей, а за тех, кто производил большее художественное впечатление – явной фавориткой публики стала французская одиночница Николь Асслер, взявшая всего лишь бронзу, но оказавшаяся самой очаровательной и артистичной, способной к тому же на совершенно рекордный трюк – разогнавшись, она могла на одном коньке проскользнуть вокруг всей ледовой площадки и даже еще полдиаметра. Среди мужчин приз зрительских симпатий достался Алену Кальма, ставшему вторым, но попытавшемуся первым в мире выполнить тройной прыжок!

Гармония спорта и искусства была достигнута в парном катании, где Белоусова и Протопопов выступили с золотым блеском. Впоследствии, по мере роста уровня наших фигуристов с трансляциями первенств Европы и мира зимой конкурировали только самые забойные матчи сборной СССР по хоккею.

Надо отметить, что и в этом совсем «неконтактном» виде спорта спортсмены ЦСКА вскоре усилиями школы Станислава Жука захватили почти все командные высоты. Сначала

появились Татьяна Жук⁸⁹ и Александр Горелик, а потом Роднина – Уланов и заменивший его позже Зайцев. Хохотом и овацией аудитория встречала объявление о выходе на лед первой советской по-настоящему талантливой одиночницы, дебютировавшей в 9-летнем возрасте девочки: – Елена Водорезова, Вооруженные Силы!

⁸⁹ Младшая сестра Станислава Жука и впоследствии некоторое время жена нашего великого защитника Альберта Шестернева

Красная площадь-65

Объединенными усилиями родителей и учителей, а потом и меня самого следы интерна-товского разгильдяйства из меня вытряхнулись, и в 8-м классе я восстановил успеваемость и репутацию. А школа не только требовала, но и развлекала.

Как-то раз классы были подняты по тревоге и построены на линейку. Речь держал директор школы Алексей Николаевич Грюк. Оказывается, ученик 4-го класса Елдинов нашел на улице кошелек с 35 рублями (большая по тем временам сумма) и не зажил, а отнес в милицию. Смысл речи директора сводился к тому, что это «благородный поступок настоящего советского пионера, и все должны поступать также. Аплодисменты!»

Он так прямо и сказал! Несмотря на то, что директор славился суровым нравом, «господствующие классы» заржали в голос и устроили ему «бурные аплодисменты»... Завуч Ольга Павловна в классе после линейки, укоризненно на нас глядя, пробормотала что-то, что, дескать, так в газетах пишут... вот он и... А через несколько дней подошло 23 февраля (тогда это был рабочий день), и школа затаилась в предвкушении. Не стану повторять весь стандартный набор, которым попотчевал нас директор – не в том суть, все ждали финала. И получили его: – Да здравствует Советская Армия! Аплодисменты!

Это была овация...

На следующий день мой друг Мишка родил эпиграмму:

Аплодисменты просит Грюк

После сказанного «хрюк»!

Эпиграмма мгновенно разлетелась по школе и даже повисла на двери учительской. Подействовало...

Весной 65-го подошла пора первого в моей жизни официального испытания – надо было сдать выпускные экзамены за восьмилетнюю школу. Трудностей они не представили, но запомнились очень хорошо.

На самом деле, всем нам уже было известно, кого возьмут в 9-й класс, а кто отправится в ПТУ⁹⁰. Тем не менее, уже тогда плановое хозяйство или попросту туфта проникли в отчетность школ, и никаких оставлений на второй год быть не могло, а потому, хошь-нихошь, 100 %-ную успеваемость надо было обеспечивать.

Экзамен по математике мы писали в рекреационном зале первого этажа всеми тремя классами разом. Почему-то первым в первом ряду посадили упомянутого выше отличника Мишку, на первую парту во втором ряду – меня, а в третьем – Галку, тоже отличницу. Задачи были несложными кроме арифметического примера, где в результате получалась очень корявая дробь, хотя в обычных школьных задачках все всегда хорошо «сокращалось» и служило косвенным признаком правильного решения. Меня родители, зная мое разгильдяйство, очень накручивали перед экзаменом, чтобы не спешил, все делал внимательно и обязательно проверил решение. Мне и самому не хотелось испакостить экзамен по математике, которую я любил, так что я проявил несвойственную мне тщательность и все делал очень аккуратно. Однако уже через полчаса химичка, которая ходила между рядами, склонилась ко мне и сказала шепотом: – Ну, ты уже решил!

– Да, но я сейчас проверю решение... – Перестань! Все у тебя правильно, давай-ка пере-пиши решение на чистый лист!

⁹⁰ Профессионально-техническое училище. Реально уровень обучения в этих учебных заведениях давал возможность, как максимум, рассчитывать впоследствии на учебу в техникуме, а чаще ученики отправлялись напрямую на производство.

Ну, раз мне говорят, что не надо, так я, конечно, тем более проверю! Второй раз перестать выпендриваться мне велела уже наша классная. Ладно, получив двойное подтверждение того, что у меня все в ажуре, я быстренько воспроизвел решение на отдельном листке, и у меня его тут же конфисковали. Листочек ушел в качестве эталонного назад по всему варианту. Освободившись от общественной нагрузки, я как раз успел заметить, как такой же листочек забирают у Мишки слева от меня и как дожидаются, когда такой листочек допишет Галка справа... В итоге три класса сдали три группы абсолютно идентичных работ «на отлично», но оценки у всех были разные – от трех до пяти. По совокупности предшествующих заслуг.

А спустя дней десять, досдав остальные три экзамена, мы в последний раз вместе отправились на Красную площадь отмечать окончание восьмилетки. Вообще-то такое полагалось только за 10 классов, но мы действительно расставались со многими одноклассниками, да и хотелось, как большим, погулять ночью в центре Москвы. Возглавляемые классной руководительницей, мы на 20-м троллейбусе доехали до центра и в толпе подваливающих со всех сторон таких же 15-летних двинули по Манежной и Кремлевскому проезду...

Я в первый раз оказался в этом месте ночью, что само по себе производило впечатление, а тут еще мы, буквально едва миновав Исторический музей, поняли, что вся площадь в дымину пьяна. Нам это поначалу нисколько не испортило настроения, и мы, хотя и были совершенно трезвы, тоже принялись резвиться. Как-то веселье оборвалось, когда мы увидели на ступенях Мавзолея со стороны Исторического убитого – парень выглядел постарше нас. Рядом валялась разбитая бутылка, видимо, послужившая орудием. Часовые на посту № 1 стояли, как и всегда, не шелохнувшись.

Мы еще дошли до храма Василия Блаженного, но тут нас снова ждал сюрприз – перед Спасскими воротами лежал еще один убитый – у него из спины торчала наборная из цветного плексигласа рукоять ножа. Метрах в двадцати от него в воротах стояла охрана, но никто к убитому не подходил. Наша классная Лидия Николаевна решила, что, пожалуй, нам хватит впечатлений, и скомандовала «Все по домам!» Лично мне тоже что-то там оставаться уже не хотелось. Когда мы проходили мимо Исторического, там накапливались солдаты, а офицер рявкнул на нас, чтобы мы проваливали побыстрее, если не хотим оказаться в мясорубке. Ребята, которые задержались на площади, рассказывали потом, что часа в три ночи солдаты и милиция двинулись на зачистку местности, и попавшихся под руку не особо щадили...

Домой на Хорошевку мы пешком дотопали часам к пяти утра.

В печати, естественно, о событиях этой ночи не было сказано ни слова, но стало известно, что все классные руководители, которые отпустили своих ребят на Красную площадь без себя, права на классное руководство и соответствующей доплаты лишились и получили как минимум по строгому. В Гороно директорам школ и завучам показывали фотографии, которые милиция делала в Александровском саду. Времена были целомудренные, откровенности в описаниях ждать не приходилось, но, если коротко – говорили, что чистая порнография... Количество убитых по разным данным составило от 3 до 8, количество порезанных бритвами перевалило за 50. Говорили, что все это было спровоцировано каким-то конфликтом москвичей с орехово-зубевскими. Так или иначе, но свободные прогулки выпускников по Красной площади на этом прекратились надолго.

Через несколько дней после всех этих событий мой папа собрался в командировку в Питер и в награду за окончание восьмилетки с отличием взял меня с собой. Так я впервые увидел этот город, который по сию пору ценю за архитектуру и музеи, но недолюбиваю за паскудный климат, снобизм питерцев и стойкий душок родины российской бюрократии.

Забавный случай был у нас в Летнем Саду. Сидевший рядом с нами на скамейке местный ветеран поговору безошибочно определил в нас москвичей, прицепился к какому-то слову и понес на Москву в классических питерских традициях: Москва-де – большая деревня, а вот Питер – Европа! Я, естественно, стал огрызаться, заходя с козырей – разжаловали вас из сто-

лиц, вот и завидуете. Старикана изрядно разозлил, и он, уже распалась, начал хвастать непревзойденной в мире архитектурой Питера. На это я ему едко, с моей точки зрения, ответил, что строили-то всю эту красоту москвичи – каменщики да плотники. Дед аж завопил: – Питер Росси строил, Трезини! Петр Питер строил!

Вот тут я его убил: – Так, Петр-то – наш, московский, он у нас в Коломенском родился. По-моему, это был первый в моей жизни человек, которого я довел до предынфарктного состояния...

Помимо уязвления местных я целыми днями мотался по Русскому музею, Эрмитажу, Исаакию и Казанскому собору, посмотреть-то в этой заштатной столице есть на что. А потом мы встречались с отцом и гуляли вместе. Вот там, на берегах Невы мы с ним обсудили жизненно важные вопросы в предвидении сурового времени окончания школы и поступления в вуз. Тогда-то отец мне и отчеканил: – Юра, помни – ты еврей, то, что сойдет с рук другому, тебе не простят. Там, где другому поставят «пять», тебе поставят «четыре», поэтому ты должен знать на «шесть».

Я этот постулат понял и принял, потому что был уже большим мальчиком. А вот для еще одного серьезного вопроса мне тогда взрослости не хватило.

Пришла пора решать, на чем из моих разношерстных интересов остановиться и сосредоточиться. Вот я и спросил отца там, в Летнем Саду, во время совместного поедания мороженого: – Как быть – хочется и юриспруденцией заниматься и физиологией? Меня, кроме прочего, очень интересовала история и теория права – их возникновение и эволюция, то есть примерно то, чем я занимаюсь в биологии. Подумав секунду и, посмотрев мне в глаза, папа сказал: – Юра, неужели ты хочешь всю жизнь быть проституткой?

Вот так и определился мой путь в физиологию. Тогда я просто принял слова отца как четкую рекомендацию, а теперь неловко, что не додумал сам до конца вполне очевидную мысль. Жизнь, особенно в последние годы, заставляет с благодарностью вспоминать те слова отца.

А потом мы засобирались, потому что надо было спешить к телевизору – СССР играл с Данией, всех пугали их страшно забивным центрфорвардом Оле Мадсенем. В гостинице единственный телевизор стоял в небольшой комнате, и, когда мы туда пришли, она оказалась плотно забита телами болельщиков. Отец застрял у входа, простреливая экран взглядом через многочисленные затылки с высоты своего роста, а мне видно там не было ни черта, и я, пользуясь своим изящным телосложением и практикой московского пацана по посадке в городской транспорт, протырился поближе. А там я увидел высокий и могучий шкаф, крышка которого не доставала до потолка сантиметров 70 и была совершенно пуста. Через мгновение я уже был там, а снизу завистливо зашумели: «Во пацан соображает!» Еще через минуту нас на шкафу уже было трое.

Сначала смех вызвало то, что в составе датчан оказалось пятеро Хансенов. Потом началось более предметное веселье – никакого Мадсена на поле видно не было, хоть он там и был. В тот раз раскатали «принцев датских» в одну калитку – 6:0! Вести себя спокойно на футболе я и сейчас не умею, а тогда шесть раз чуть не ссыпался из-под потолка.

В конце августа мы получили учебники 9-го класса, и я по обыкновению стал читать историю, географию и биологию, чтобы потом в течение учебного года к ним не возвращаться. Учебник Правда «Биология» со всей его лысенковской ахинеей я читать не стал, потому что уже кое-что слышал об этом, а взялся за экономгеографию – там было много забавного.

А буквально через пару недель появились слухи, затем подтвержденные официально, что биологии у нас в 9-м классе не будет, а к следующему году подготовят совсем новый учебник. Оно и к лучшему получилось – в 9-м предвыпускном классе, мы больше дурака в школе

валяли, а вот к 10-му подоспел и учебник «Общая биология», действительно, современный и достаточно интересно написанный (по крайней мере, для меня) – уже с Менделем, Морганом и Вейсманом, решеткой Беннета, ДНК и кроссинговером... Просто чудом избежал того, чтобы запакостить себе мозги лысенковским бредом...

Конь

Последний приступ детства

Грозные признаки надвигающейся взрослой жизни стали сгущаться: нас, перешедших в 9-й класс, впервые отправили на овощебазу. Это была такая распространенная форма повинности советских граждан – ходить во всякие неаппетитные места и делать там задаром чужую работу.

Вглубь территории базы между складами шел заасфальтированный проезд с улицу шириной, в конце которого растянулся огромный плакат «Вперед – к победе коммунизма!». Ну, мы и пошли вперед. Когда до цели оставалось совсем немного, нам скомандовали свернуть направо, а там, в проходе между складами, мы оказались в какой-то вонючей грязи, которую нам и велели выгребать. Что делать – пришлось, с хохмами, что, де, вот – небольшой правый уклон⁹¹ – и по уши в дерьме!

Все же мы этот год восприняли как последний кусочек воли. С одной стороны, многие, кто опасался вылететь из школы после 8-го класса, перевели дух, а все вместе ясно себе представляли, что в 10-м и до конца жизни придется пахать уже без всяких поблажек. А потому пока класс то вместо урока устраивал футбольные матчи прямо под окнами директорского кабинета, то затевал всякие хулиганства. Мы учились по кабинетной системе, и после окончания урока чаще всего переходили в другой класс, а в перемену все они стояли запертыми на ключ. И вот как-то раз перед началом очередного урока оказалось, что во всех классах второго этажа в замочные скважины были всунуты карандаши и там сломаны... На то, чтобы открыть или взломать все двери ушло минут двадцать, чему все дети были очень рады...

Еще одна затея оказалась уже довольно опасной – у нас в классе замыслили на уроке запалить дымовуху – моток фотопленки. Самое печальное, что все удалось, но никто не ожидал получившегося эффекта – просто не учли, что дым, который на открытом воздухе тут же улетучивается, в классе образует вонючую плотную стену непроглядного тумана. Класс моментально наполнился удушливой мерзостью, и мы еле успели выбежать в коридор без особой давки в дверях. Случай, конечно, был вопиющий, и было наряжено следствие на высшем школьном уровне. Отличников, душевно заглядывая в глаза, спрашивали: – Мы, конечно, понимаем, что это не вы, но, может быть, вы знаете, кто это безобразия устроил?

Ну, конечно же, мы скроили физиономии образцовых идиотов и с самым искренним выражением промычали, что, де, ни сном, ни духом... Не протрепался никто, и следствие окончилось ничем, хотя, если бы докопались, дело могло обернуться самым серьезным образом.

Саботировался и собственно образовательный процесс. Главным педагогическим методом директора школы, преподававшего нам новейшую историю, был так называемый «фронтальный опрос», когда он вызывал учеников по списку, сколько успеет за урок, отвечать по какой-то теме. Для справедливости он иногда начинал с конца алфавита. Я этого всего не боялся, потому что историю любил и знал, а вот многим одноклассникам доставалось от этих опросов основательно.

Метод противодействия репрессивной политике директора был основан на двух факторах: во-первых, все знали, что в нашем классе трое идут на медаль, и директор полон решимости сберечь их в целостности и сохранности, а потому смотрит на некоторые их проделки сквозь пальцы. Я как раз был одним из этих кандидатов. Во-вторых, было замечено, что, если в самом

⁹¹ «правый уклон», «левый уклон» – компартийные формулировки для групп, уклоняющихся от т. н. «генеральной линии партии» – того, что приказало начальство и чему надо было следовать без раздумий. Основание для чисток и расстрелов.

начале урока задать директору вопрос, особенно по теме, которая ему самому небезразлична, то уже никакого фронтального опроса не будет, и директор разразится спичем минут на двадцать. Если подкинуть ему потом еще вопросик в развитие темы, то за урок можно не опасаться...

Вот по изложенным выше причинам для этой провокационной цели был избран я: когда возникали признаки надвигающегося фронтального опроса, парни меня просили задать вопросик. В первые разы сходило с блеском – директор включался с пол-оборота, и все расслаблялись, как умели. Сначала у нас с директором разразилась отчаянная дискуссия об Октябрьских событиях, когда я с невинным видом заявил в начале урока, что обнаружил в учебнике ошибку – там написано, что первым наркомом иностранных дел был Чичерин, а на самом деле – Троцкий⁹²... Директор удар пропустил и долго не мог восстановить дыхание, просипел, де такого не было, но я уже нес к его столу раскрытую на нужной странице книгу Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» с поименным составом первого Совнаркома. Урок был сорван, потому что остаток его ушел на выяснение достоверности Рида, учебника и прочее потрясение основ.

Еще раз директор попался, когда стал объяснять причины поражений 41-го, и что-то произнес про предательство Павлова⁹³, внезапность... Вот тут он огреб по полной – для меня тема 41-го – особая до сих пор, а тогда я минут 5 сыпал одними только фамилиями расстрелянных в 37-м командармов, помянул все, что прочел у Тодорского, Еременко, Мерецкова, Рокоссовского и всех прочих, и в заключение очень нехорошо отозвался о Сталине. Директор к концу моего 20-ти минутного соло уже и не сопротивлялся, хотя даже без очков было видно, насколько то, что я несу, ему поперек натуры...

Все же он вытерпел от меня и это, но в дальнейшем просто перестал реагировать на мою поднятую руку, и, вообще, перестал вызывать. Каким-то образом у меня в классном журнале за полугодие и по истории, и по обществоведению, которое вел все тот же директор, неведомо откуда образовывались по две рядовых пятерки (абсолютно допустимый минимум), и, соответствующая полугодовая оценка.

Не могу Алексею Николаевичу не отдать должное – в значительной степени при его снисходительном отношении школа довела меня до серебряной медали, которая сыграла огромную роль в поступлении в университет. Забавно, что в характеристике, которой меня снабдили при выпуске, зная, что я поступаю на биофак, были отмечены мои выдающиеся знания в области истории...

Когда мы уже заканчивали 9-й класс, я пободался со школой еще по одному поводу. Сочинение по «Войне и миру» я писал, будучи Львом Николаевичем Толстым сильно недовольным. «Воскресенье» и «Крейцера соната» страшно меня разозлили тем, что этот в молодости большой ходок по дамской части проповедовал половое воздержание (с чем я согласиться никак не мог по вполне понятным причинам), а от величайшего из его романов у меня осталось сильное ощущение, что мне промывают мозги. Вся толстовская идеология описания «войны» мне была против шерсти, особенно его «дух войска». Вот я в сочинении по толстовскому идеализму и проехался не очень вежливо. Получил я за это сочинение «5» за грамотность, и «4» – за литературу со специальным разъяснением, что критиковать классика мне не по чину, и оценка снижена именно за это. Кстати, такого рода сложности в школе были не у

⁹² Лев Давидович Троцкий (1879–1940) – один из организаторов большевистского переворота 1917 года. По словам И.В. Сталина "Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого». Впоследствии – председатель Реввоенсовета, нарком военных и морских дел. После победы Сталина во внутрипартийной борьбе – выслан из СССР и убит сталинским киллером Рамоном Меркадером. Троцкизм был заклеимен, но идеи Троцкого о трудовых армиях и экспорте революции присвоены Сталиным в качестве основных направлений его политики. В советских учебниках истории упоминание Троцкого было запрещено.

⁹³ Дмитрий Григорьевич Павлов – (1897–1941) – генерал армии, Герой Советского Союза. В начале войны – командующий Западным фронтом. 22 июля 1941 года Военной коллегией Верховного суда СССР был приговорён вместе со всем своим штабом к расстрелу. Реабилитирован.

одного меня. Прочитав этот эпизод у меня на сайте в рубрике «Бреды и анекдоты», однокурсница написала мне, что она на уроке назвала Чацкого дураком, и, несмотря на то, что была отличницей и что такого же взгляда придерживался А. С. Пушкин, ее маму вызвали за это в школу.

Графа я от этого невзлюбил еще больше, хотя с возрастом пришел к выводу, что насчет «духа войска» все не так просто... А все равно – Лев Николаич был, прости господи, идеолог и пропагандист, и навязчиво вкручивал свои идеи, а у меня на это, наверное, была идиосинкразия... И что уж совершенно, с моей точки зрения, непростительно и графу, и Достоевскому – это тотальное отсутствие чувства юмора. По-моему, таким людям надо запрещать быть писателями в России, они своей смертельной серьезностью и мистицизмом плодят моральных рабов, которые даже иронией не в состоянии ответить на начальственные унижения. То ли дело Чехов и Салтыков-Щедрин! Или вот Алексей Константинович – ведь тоже граф, тоже Толстой, а с чувством юмора все в порядке.

Зато весной случилось редчайшее событие: очередное организованное райотделом народного образования мероприятие, которые обычно воспринимались с отвращением и отторжением, вдруг произвело на меня огромное эстетическое и мировоззренческое впечатление. Все старшие классы в приказном порядке были отправлены в выкупленные для этой цели залы кинотеатров смотреть фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Там почти не оказалось привычных батальных киносъемок, там вообще было мало привычного. Зато был непередаваемо своеобразный голос Ромма со спектром от задушевности до едчайшего сарказма, рассказывающий о том, как одному из культурных европейских народов быстро и эффективно ампутировали совесть. А он даже боли не почувствовал и оставил за собой горы трупов и многовековой позор на свою голову. Кадры погрома в львовском гетто, лица убитых в Освенциме, на которых остались только глаза, и они сверлят тебя взглядами... и мысль о том, что и у нас ведь тоже были лагеря, и там убивали таких же ни в чем не повинных людей, глумились, командовали «вылетай без последнего»... Я не очень хорошо понимаю, что заставило наробразовцев Москвы принять решение об обязательном просмотре старшими школьниками этого фильма⁹⁴, но очень за него благодарен.

А еще в том году я впервые прикоснулся к научной работе. Мама стала активно собирать материал для кандидатской диссертации по распределению облачности, в которой применила статистические методы. Я для нее карандашом в огромных таблицах-простынях суммировал данные по каждой станции вроде Магдагачи и Тарко-Сале. После подсчета баллов облачности, результаты из таблиц набивали на картонные перфокарты, которых набралось несколько тяжелых ящиков. Потом маме уговаривала кого-то из немногочисленных мужиков своего института помочь загрузить их в такси и отвезти в Вычислительный центр, который располагался в районе Щелковской. «Машинное время» выделяли по расписанию, обычно раз в неделю. Сейчас на любом домашнем компьютере все было бы сделано за несколько минут и не потребовало бы мужской силы.

Девятый класс заканчивался, пошли чередой годовые контрольные. И тут умер дед по отцу – яркая личность, которую в мировой литературе уже отразила моя тетка, но о котором я вспоминаю по-своему. У нас с ним было много общих интересов – дед был отчаянно азартен во всем от преферанса и футбола до скачек и бегов, до которых он как старый лошадиник был большим любителем. Это была первая в моей жизни смерть прямо рядом со мной, смерть человека, которого я по-настоящему любил. Он, конечно, был задуман природой для совсем другой жизни – трудно представить себе личность, которая бы по своим способностям и складу

⁹⁴ По преданию, идеолог партии Сулов спросил Ромма напрямик: – Михаил Ильич, а за что Вы нас так не любите? То есть, руководство СССР приняло фильм на свой счет. И после краткого периода демонстрации он был на долгий период практически изъят

более не соответствовала советскому стандарту, чем дед с его предпринимательской жилкой и авантюрным характером. Эпоха оказалась сильнее и укоротила ему жизнь.

В день похорон я писал на первом уроке годовую контрольную по алгебре, сделал все первым, сдал работу и умчался к Хорошевке – ловить такси. Я успел к отходу катафалка на Востряковку. У открытой могилы кто-то из дедовых друзей сказал, что теперь дети должны прочесть кадиш – поминальную молитву. При всей любви к деду я ошетинился – какого черта, я неверующий! Да и как его читать, этот кадиш, если ни я и никто из детей и внуков деда не знал ни слова на древнееврейском? Дед сам так воспитывал свое потомство, и даже имена всем своим детям дал русские... Пришлось читать кадиш тому дедову приятелю, который про эту молитву вспомнил.

Первый – мира

В последние школьные каникулы меня отправили в турлагерь под Джубгой, а там времяпрепровождение было поделено между палаточным туристическим бытом и походами в соседний санаторий к телевизору – смотреть чемпионат мира по футболу в Англии. По туристической части мы учились ставить палатки и разводить костер, ходили в недалекие походы с ночевками, по производственной – отработали день в колхозе, закончив его у цистерны с красным вином, стакан которого стоил 10 копеек и на жаре маленько ударял в голову.

Вот там на винограднике одна колхозница, тогда показавшаяся мне старой, а на самом деле ей, наверное, было лет сорок, вдруг присмотрелась ко мне и спросила: – Ты армянин? Я ответил, что – нет, но явно не удовлетворил тетеньку. И она настойчиво повторила: – Ты армянин! Почему ты не признаешься, в этом нет ничего плохого. Тут я согласился, что плохого – ничего, но мне вполне хватает того, что я еврей... Наверное, в настойчивости этой женщины – отзвук чувств народов, переживших геноцид – встречая соплеменника, радоваться – вот еще один уцелел...

В турлагере были ребята, окончившие 8-й и 9-й классы – довольно взрослые и какой-то мелочной опеки не требовавшие. Разве что еще в первый день смены начальник лагеря и физрук подалше от берега поставили буюк, за который заплывать было запрещено. Так оно и было до тех пор, пока начальник не отбыл куда-то по делам, а народ почувствовал волю. И вот одна девочка, действительно очень хорошо плававшая, уплыла очень далеко и там на просторе легла на воду и пролежала довольно долго.

Когда начальник вернулся, кто-то позаботился донести о нарушении правила, и на утренней линейке вины девочки были зачитаны. Начальник лагеря призвал ее к ответу. Я-то лично ожидал, что вот сейчас она покается, ей, ко всеобщему успокоению, будет объявлено «энное китайское предупреждение», и мы все пойдем купаться. Получилось, однако, совсем не так. Девочка, которую вывели перед строем, сказала, что она очень хорошо плавает, любит заплывать далеко и намерена делать это впредь. Начальству, строго говоря, после этого ничего не оставалось, как отконвоировать нарушительницу к поезду в Москву. А я, честно говоря, восхитился девочкиным спокойствием и отсутствием страха перед наказанием, хотя не считал его несправедливым. Все было по-честному, она – свободная личность – нарушила общие правила и собиралась впредь, они – обязаны были поддерживать порядок в детском коллективе и думать о безопасности...

Однако, даже такая яркая демонстрация свободы личности не перекрыла впечатления от первенства мира, который мы впервые увидели воочию.

О Швеции и Чили мы только в газетах читали да потом кинохронику смотрели. И вот, наконец, мы наблюдали борьбу лучших сборных за первенство мира в реальном времени. Впечатление было, правда, с самого начала загажено тем, как обошлись с бразильцами – Пеле выломали в первом же матче так, что на ноги он встал нескоро. Армейцы держались молодежом: Володя Пономарев и Алик Шестернев были на уровне лучших, а Алика включали в разные «сборные мира», там он заслужил стандартное для русских прозвище «Иван Грозный». Если бы не его травма, из-за которой он в матче за 3-е место не играл, мы бы с Португалией не так поборолись...

А началось все очень благополучно: КНДР обыграли 3:0 и ничуть тому не удивились. Кто ж знал, что корейцы потом Италию приложат, а с Португалией 3:0 вести будут, да сольют 3:5 по неопытности. Наверное, сейчас в это трудно поверить, но тогда Италия была для нас удобным противником! Я уже поминал, как мы с ними сыграли на Европе, и в Англии тоже с ними справились – 1:0. Венгры в четвертьфинале – это наши клиенты, да к тому же их

вратарь Геллеи начудил – выпустил мяч из рук прямо на линию ворот, а Численко добил его в сетку, потом Паркуян забил второй, а под конец Бене один сквитал, и мы вышли в полуфинал на сборную ФРГ.

Эту игру я до сих пор вспоминаю с ощущением грубой, злой несправедливости, вопиющей хамской грубости немцев, на которую судейка принципиально не обращал внимания. Конечно, я наверняка необъективен, но у меня в памяти осталось, как весь матч немецкие коновалы, абсолютно не стесняясь, лупили наших по ногам. Курт Шнеллингер, считавшийся лучшим правым беком мира, действовал совершенно неотличимо от какого-нибудь динамовского Никулина⁹⁵. Он-то и сломал Игоря Численко грубым ударом сзади по ногам.

Вообще-то Игорь был враг – лидер динамовцев, но в тот раз – лучший нападающий в сборной. Нельзя же всерьез было воспринимать Малофеева, которого кто-то из английских обозревателей открыто называл «игроком без класса», Банишевского, игравшего в тот раз на редкость бездарно, и уже сходящего Хусаинова. Только Паркуян серьезно мог поддержать Игоря, который горел на поле в том чемпионате, был лидером, а главное – способен что-то сделать в одиночку. Вот его-то, как самого опасного, Шнеллингер и вырубил, да так, что Игорь потом долго восстановиться не мог. Еле встав после удара, Игорь на одной ноге попытался побежать и, явно еще в состоянии шока, врезал по костям Зигфриду Хелду, который к той заварухе никакого отношения не имел. Судейка за фол против Игоря ни слова Шнеллингеру не сказал, а самого Численко немедля с поля выгнал. По правде сказать, он уже был в таком состоянии, что вряд ли смог бы играть дальше в полную силу, а у нас ведь к тому времени и Йозефу Сабо врезали по лодыжке. Фактически мы играли в девятером, и все же уступили только один гол. Я считаю, что немцы, при том, что они, несомненно, были блестящей командой, действовали неспортивно, а судья этому хамству попустил. Совсем, конечно, не факт, что при честной игре и честном судействе результат получился бы иным, но не осталось бы этого ощущения подлости соперника и собственного бесправия.

⁹⁵ известнейший в свое время динамовский костолом, формально играл правого бека, но специализировался на физическом устранении оппонентов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.